

ISSN 2309-1584

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

№4 (6), 2014

ISSN 2309-1584

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№4 (6), 2014

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Редактор — Е. Подгорная, редактор английских текстов — И. Иваненко,
компьютерное макетирование — Д. Муслимов, технический редактор — А. Юсупова,
дизайн — Д. Муслимов

Назировский архив — электронный журнал

Адрес в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.12.2014. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013

© Редакция журнала, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

<i>Р. Г. Назиров</i> Главы из романа о Пушкине. Предисловие и публикация Б. В. Орехова, С. С. Шаулова.	5
<i>Р. Г. Назиров</i> История Польши. Восстание 1830 года. Публикация Е. А. Выналек, Б. В. Орехова.	62

Биографический отдел

Из письма П. Валтакари об Р. Г. Назирове.	130
Генеалогическая заметка Р. Г. Назирова.	134

Исследования

<i>Б. В. Орехов, С. С. Шаулов</i> Наследие Р. Г. Назирова до и после открытия архива	136
<i>С. С. Шаулов</i> Литературные суждения в дневниках Р. Г. Назирова.	145
<i>А. Р. Зарипов</i> Роман Р. Г. Назирова о Христе: степень завершенности и творческая история текста.	155

Рецензии

<i>Б. В. Орехов</i> Рец. на: Русская и мировая литература: сравнительно- исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — 340 с.	166
---	-----

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	176
Правила для авторов	179

Публикации

Р. Г. Назиров

Главы из романа о Пушкине

Предисловие к публикации

Предлагаемая публикация¹ призвана дать читателю новое, несколько более полное представление об особой сфере творческой деятельности Назирова. Думается, имеет смысл назвать эту сферу научно-просветительской беллетристикой. Нельзя сказать, что подобные труды Ромэна Гафановича были полностью скрыты от читателей при его жизни², но его «Роман о Пушкине» известен не был.

С точки зрения эволюции творческой личности у этого романа много источников: журналистская работа Назирова в 1960-х годах, когда он откликался, например, на значимые даты литературной истории; постоянный интерес к истории как таковой (неслучайно рабочий подзаголовок романа — «Хроника александровской эпохи»). Без сомнения, важное значение здесь имеет и преподавательская работа, побуждавшая Назирова-ученого постоянно переводить научное знание в код, понятный слушателю, только осваивающему научный дискурс³.

Литературный и научный контекст назировского «Романа о Пушкине» не вполне ясен. Очевидно, что в него входит, скажем, биографическая беллетристика Ю. Н. Тынянова (тем более, что Тынянов был одним из важнейших научных ориентиров Назирова⁴), работы В. В. Вересаева, некоторые другие художественные, научно-популярные и научные тексты. С другой стороны, вышедшая в 1981 лотмановская биография Пушкина в состав претекстов назировского романа не входит, поскольку

1 Редакция «Назировского архива» благодарит волонтеров филологического факультета БашГУ за помощь в подготовке публикации.

2 См. об этом: Орехов Б. В. Рассказ Р. Г. Назирова о Батюшкове // Назировский архив. 2013. № 2. С. 8587. В библиографии газетных публикаций Назирова отражен также его интерес к истории литературы и других искусств и к популяризации гуманитарного знания. См. раздел «Эссе» в: Орехов Б. В. Библиография газетных статей Р. Г. Назирова // Назиров Р. Г. Избранные газетные рецензии. Уфа, 2011. С. 7778.

3 См. об этой «проблеме перевода»: Орехов Б. В., Шаулов С. С. Сумма мифологии // Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 78.

4 См.: Назиров Р. Г. Автобиография // Назировский архив. 2013. № 1. С. 139: «...главные мои ориентиры в науке Александр Веселовский, Юрий Тынянов и Юрий Лотман».

работа над дошедшим до нас текстом, видимо, завершилась в середине 1970-х. К примеру, 1975 годом датируется газета, в которую завернута внутри папки готовая машинопись нескольких первых глав.

При этом степень готовности, завершенности романа вызывает вопросы. Рискнем предположить, что итоговый замысел не раз менялся в процессе работы. Уже готовые главы становились частями новых замыслов, получали иной контекст и звучание. Так, например, глава «Холодный город» в машинописи имеет в правом верхнем углу первого листа зачеркнутую машинописную помету: «Рассказы о русской литературе»⁵. Ниже от руки вписано «Главы из повести»; две следующие машинописные копии уже имеют такую же машинописную помету.

Несколько раз менялись и уточнялись планы будущего романа. В папке, имеющей авторскую маркировку «Роман о Пушкине. Главы I—V»⁶, содержится, помимо машинописи и черновиков, в общей сложности десять различных вариантов планов первой части.

Наконец, не всегда соответствуют текущему состоянию архива собственные назировские замечания о степени готовности текста. Так, в одной из рабочих записей читаем: «Первая часть хроники будет 14 глав. Из них к концу июля 73 готово 12 глав»⁷. «Первые 12 глав», судя по разным вариантам планов, могут по составу отличаться друг от друга, однако в любом случае они пока не найдены в архиве полностью. Даже «главы I—V», обещанные маркировкой на папке, могут иметь разный состав (и опять же можно спорить, присутствуют ли они в этой папке в полном объеме).

Короче говоря, история текста «Романа о Пушкине» представляет собой сложную проблему. Относительно ясна только его датировка (см. выше). Степень завершенности и полноты воплощения замысла, вообще наличие итогового замысла — вопросы, пока не решенные. Именно поэтому настоящая публикация не ставит целью полную реконструкцию первой части романа, знакомя читателя с наиболее законченными (судя по состоянию машинописи) главами.

5 Туда же в свое время предназначалась и глава «Призраки Михайловского замка». См.: Орехов Б. В. Рассказ Р. Г. Назирова о Батюшкове. С. 86.

6 АРГН, оп. 1., д. №79.

7 АРГН, оп. 1, д. № 79, л. 79-2-41.

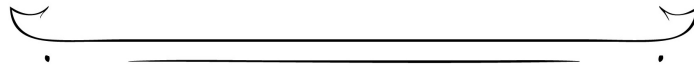
Призраки Михайловского замка

I

Вряд ли Павел Петрович сошёл с ума из-за тяжёлой опеки матери. Шизофрения вообще загадочная болезнь. Скорее всего он был давно предрасположен к безумию, и Екатерина это знала. Он вечно боялся отравы, считал, что его окружают враги и матушкины шпионы. Ему удалось достать и тайком прочесть самую запрещённую в России книгу — трагедию Шекспира «Гамлет», сюжет которой в умах современников вызывал злободневные сравнения с мужеубийством, совершённым Екатериной II. После прочтения трагедии цесаревич окончательно вообразил себя несчастным принцем из рыцарских времён. Романтизм уже носился в воздухе; цесаревичем завладела рыцарская мания.

Взойдя в 1796 году на русский престол, он из ненависти к Зимнему дворцу тотчас заказал Василию Баженову проект новой резиденции в Петербурге на средневековый западный манер. Бренн построил этот замок по проекту Баженова. В 1800 году строительство было закончено; церковный зал замка был освящён в день архангела Михаила, а потому замок был назван Михайловским. Император Павел приказал окрасить его в цвет перчатки с руки своей фаворитки Анны Лопухиной. Так за пустынным Марсовым полем возникло это угрюмое каменное видение густо-красного цвета — воплощённая фантазия страшных готических романов Горація Уолпола и Анны Радклиф, которыми зачитывалась вся Европа. Рвы, наполненные водой, подъёмные мосты, целая система подвалов и потайных ходов, бронзовые пушки, нацеленные во все стороны — все это выглядело грозно. Большую площадь замка называли площадью коннетабля (высшее воинское звание в средневековой Франции), а потом просто стали звать «коннетаблем». Так вот, на коннетабле Павел приказал поставить огромную конную статую Петра Великого и сделать на цоколе надпись: «Прадеду-правнук». У Павла было два кумира — Пётр Великий и Фридрих II, король прусский. В подражание им он не расставался с крепкой палкой, которую любовно называл «берлинкой» и охотно пускал в ход по спинам и головам своих подданных. А затем подобная трость была сделана частью офицерской формы.

В Михайловском замке император прожил всего сорок дней. Порвав с Англией и Бурбонами, он внезапно подружился с первым консулом безбожной Французской республики Бонапартом и в январе 1801 года отправил казачий корпус Платова на завоевание Индии. Около того же времени он послал всем государям Европы вызовы на поединок. Русская знать ненавидела царя за его причудливый деспотизм. Интересы Англии сошлись с интересами русского дворянства, и участь тирана была

решена. Заговор сложился среди его ближайшего окружения. Участники его заручились согласием наследника престола — Александра Павловича.

В ночь с 11 на 12 марта 1801 года, надев парадную форму и все регалии (Павлом же и пожалованные), эти верные слуги и друзья императора направились в Михайловский замок.

Перед этим они выпили для храбрости. В заговоре состоял и флигель-адъютант императора, лично встречавший отряды заговорщиков с фонарём в руках. Пушки замка промолчали, Павел был убит в своей опочивальне.

Граф Пален, вождь переворота, отправился в апартаменты Александра Павловича. Тот был уже в парадном мундире, но лежал на диване и плакал навзрыд. Пален взял его за плечо:

— Полно разыгрывать ребёнка — ступайте царствовать!

Было свежее мартовское утро. По всему Петербургу глашатаи выкрикивали, что государь император скончался от апоплексического удара; то же возвещалось в спешно отпечатанных объявлениях, появившихся на стенах. На улицы высыпали радостные толпы, кричавшие «виват» новому царю. Несмотря на официальный траур, давно уже столица империи не выглядела столь празднично. Дворянство поспешило надеть запрещённые при Павле модные костюмы — фраки и круглые шляпы. Кабаки и трактиры были переполнены. Вино и обманчивое чувство свободы развязало все языки. О чем только не говорили в тот день!

— Я видел его только что! Его положили на кровать в гвардейском мундире и в треуголке величиною с колокол!

— Для чего?

— Ха-ха-ха! Он не понимает! Ему нынче нужна шляпа поболее головы!

— Край шляпы надвинут на проломленный висок и зашибленный глаз — понятно?

— Я сам только из Михайловского: лицо накрашено и подмазано, а синяки все видать! На славу его отделали!

— И поделом!

Повсюду спорили, чем порешили Павла — табакеркой или шарфом.

— Николай Зубов ударил его золотой жалованной табакеркой в висок!

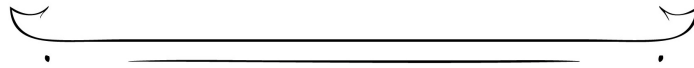
— Вздор! — отвечали Измайловские офицеры. — Наш поручик Скарятин снял с себя шарф, этим шарфом его и ...

И совершенно пьяный сенатский чиновник выговаривал, икая, только что родившуюся пословицу:

— «Павле, Павле, кто тебя давле?» — «Добрый барин фон дер Пален!»

Стоял страшный хохот. То были дни, когда участники переворота ещё открыто хвалились совершенным убийством.

Поэт Державин, выражая всеобщие чувства облегчения и надежды, писал о

перевороте весьма прозрачно:

Умолк рёв Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд...

Любезный и привлекательный Александр, общий любимец публики, вернул из ссылки жертв павловского террора. Говорили шёпотом, что в глубине души он республиканец. Однако с Англией он сразу примирился и вернул корпус Платова с дороги. Александр перенёс резиденцию в Зимний дворец, и Михайловский замок был заброшен. В нем остались жить на казенных квартирах несколько вдов и придворных прихлебателей, у которых от старости уже не сгибались колени.

В длинные зимние вечера Петербурга у камельков знати ползли шепотки о весьма странных вещах. Дескать, незадолго до 11 марта покойный Павел, страдая бессонницей, вышел прогуляться ночью, и вдруг статуя Петра, что на коннетабле, спустилась с пьедестала, и глухой замогильный голос заговорил с Павлом, предсказывая скорую беду. Павел сам рассказал об этом ближайшим людям!

— Мало ли что ему могло примерещиться! — возражали скептики, — Ведомо всему свету, что покойничек-то наш был того... — и следовал выразительный жест.

— Как! Вы не верите в видения? А как же вы объясните то, что творится в Михайловском замке?

Уж весь Петербург знал, что в замке нечисто. То ночные сторожа, то запоздалые гуляки замечали свет и движение в тех частях замка, которые стояли запертыми. Говорили, что странная фигура, гримасничая и угрожая, показывалась в окнах запертой опочивальни, где «апоплексический шарф» прервал дни императора Павла. Надо ли говорить, кого узнавали в этой фигуре?

Александр I до чрезвычайности не любил подобных разговоров.

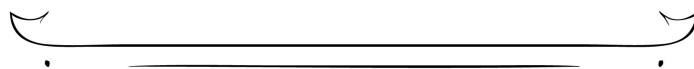
II

Внешне Михайловский замок казался безжизненным, однако в нём шевелилась какая-то странная «загробная» жизнь.

По его пустым залам и коридорам раздавался звон шпор. Смешная и нелепая фигура в напудренном парике, треуголке и красном кафтане с золотыми пуговицами бродила по замку; на боку болталась шпага. Это был кастелян замка Иван Брызгалов, назначенный ещё Павлом и демонстрировавший Петербургу непоколебимую преданность павловскому мундиру и памяти безумного императора.

Иван Брызгалов, сын тверского крестьянина, был истопником Гатчинского дворца в бытность Павла ещё наследником.

После воцарения его он сделал, как все гатчинцы, блестящую карьеру. Простого мужика каприз Павла превратил в статского советника, что по табели о рангах равнялось бригадиру.

Кастелян Михайловского замка после смерти Павла всюду являлся в павловской форме, обращая на себя всеобщее внимание. В обществе над ним смеялись, Орловский рисовал на Брызгалова карикатуры, но это лишь служило его пушей известности. В каждом большом городе есть свой сумасшедший, вот и Брызгалов стал живой достопримечательностью Петербурга, главным из чудаков эпохи. Ему покровительствовал граф Аракчеев, а царь Александр делал вид, что никакого Брызгалова нет на свете. Ханжа и невежда, Иван Брызгалов хотел быть живым олицетворением верности.

Его шаги гулко отдавались под ободранными сводами замка. Губы старика шевелились. Но он не молился. Он повторял, припоминая, безумные остроты Павла, за которыми прежде всего следовал хриплый смех самого венчанного острослова.

В пустыне Михайловских зал Брызгалов пробовал эхо:

— В вашем полку все якобинцы!

Грозное лицо делалось вдруг ласковым, и Брызгалов милостив, говорил сам себе:

— Я знаю, ты мой верный слуга!

Внезапно он становился надменным:

— При моём дворе велик лишь тот, с кем я говорю, и лишь пока я с ним говорю!

Хотя старик был невежествен, у него была цепкая память.

Иногда он вздыхал, впадая в философское настроение, и цитировал подслушанные где-то стихи;

На скользком ипподроме света

Все люди бегатели суть.

Но сразу же вспоминал, что автор этих стихов, как и прочие, отрёкся от Павла и приветствовал «перемену царствования». На лице Брызгалова появлялось выражение возвышенного упрёка.

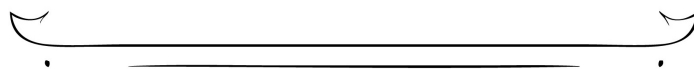
— Ах, Гаврила Романыч, Гаврила Романыч! — бормотал он.

— Тебе ли, взысканному милостями покойного монарха, забывать о светлых днях царствия его... Увы, увы, сколь безмерна людская неблагодарность! Все пропало окромя чести.

Он спускался по длинным лестницам, выходил на коннетабль, отдавал честь Петру Великому и шептал:

— Всегда на страже, ваше величество!

Казалось, время было не властно над Брызгаловым. Шли годы, сгорела Москва, Наполеона прогнали из России, взяли Париж и под трофейную музыку, с бодро развёрнутыми знамёнами, возвратились обратно. Император Александр, баловень Европы, свёз в свою столицу все лавры, коими его увенчали державы Запада. Вскоре однако в его душе начала развиваться меланхолия и сугубая

набожность, наложившие резкую печать на остальную пору его царствования. В 1817 году министром народного просвещения и духовных дел был сделан Александр Николаевич Голицын. Когда-то император Павел камер-юнкера Гурьева и молодого князя Голицына выслал из столицы «за глупость». Теперь оба они стали министрами.

Назначение Голицына знаменовало эру александровского мистицизма. Религиозные искания стали модой. В том же году дочь придворной дамы вдовы Буксгевден, жившей на покое в Михайловском замке, госпожа Татаринова, от рождения лютеранка, перешла в православие и начала устраивать свои радения на манер хлыстовских. Скоро о секте Татариновой заговорил весь Петербург. Шли слухи об экстазах и пророчествах; сам министр Голицын посещал радения в Михайловском замке.

Кастелян замка Брызгалов, слегка усохший, но ещё крепкий, по-прежнему разгуливал по городу, как живой призрак павловской эпохи. Радения в замке его не касались: они устраивались на квартире, где жила Татаринова с матерью.

К госпоже Татариновой благоволила императрица.

Ивану Семеновичу Брызгалову предстояло пережить всех героев нашего повествования. Он умер восьмидесяти восьми лет отроду — в 1841 году.

Мы же ведём сейчас разговор о 1817 годе. В этом году лицей в Царском Селе выпустил в свет своих первых воспитанников. В числе их был Александр Пушкин.

III

Спустя шестнадцать лет после смерти Павла в одну тёмную ночь два друга, гусар Каверин и коллежский секретарь Пушкин, проезжали на извозчике мимо Михайловского замка. Пушкин спросил:

— Пьер, знаешь ли ты, что в этом доме черти водятся?

— Душа моя, ты мелешь вздор! Какие черти? Чертей не существует. Здесь в одну только ночь в году является покойник Павел и стучится в дверь опочивальни — выйти хочет.

— В какую ж это ночь?

— Ясное дело — в ночь на 12 марта.

Извозчик, услышав эти речи, перекрестился и слегка обернулся:

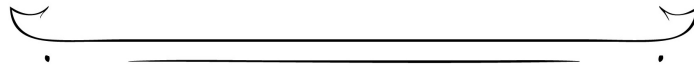
— Господа-милостивцы, а пошто он выйти-то хочет?

Пушкин мгновенно ответил:

— Должно быть, судна не сыщется никак!

Извозчик украдкой плюнул и хлестнул свою пару.

Но Пушкина и всерьёз занимала история убийства Павла, которого он считал «романтическим императором». Переиначивая известный афоризм Шамфора: «Французское правление — это абсолютная монархия, ограниченная песнями»,

Пушкин говорил:

— Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой.

Фраза стала так популярна, что авторство её забылось: позже её повторил маркиз де Кюстин в своей книге о России.

Вчерашний лицеист, проникнутый идеями свободы, Пушкин задумал стихотворение на тему о произволе деспотов и постигающей их неминуемой каре, на примере Наполеона, вот уже два года томившегося на Святой Елене, и Павла Первого, задушенного в Михайловском замке. В те годы он часто посещал братьев Тургеневых, живших на Фонтанке напротив этого замка. Меньшой из братьев был Николай Тургенев, вокруг которого собрался кружок молодых вольнодумцев.

Поглядывая из окон дома Тургеневых на Михайловский замок, Пушкин не раз заводил разговор о событиях его короткой, но бурной истории. Кто-то предложил ему написать стихотворение о замке.

— Принято! — со смехом воскликнул Пушкин.

Одним прыжком он вскочил на длинный стол, стоявший у окон, и растянулся на нём. Слуга принёс бумагу, перо и чернила. Пушкин принялся за работу.

На самом деле ода была почти готова в его уме и отчасти даже записана, но он в молодости любил такие маленькие мистификации.

Через час с небольшим он спрыгнул со стола и попросил внимания. Общество оставило свои разговоры, и Пушкин начал читать:

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!

С первых же строк слушатели были захвачены: они слышали блестящее поэтическое выражение собственных взглядов; особенно чувствовалось влияние Николая Тургенева, сторонника конституции и освобождения крестьян, дух занимался от вызывающей дерзости поэта:

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

И далее он переходил к изложению программного требования кружка о подчинении монархов конституции, воплощающей идею «общественного договора»:

Владыки! вам венец и трон
Даёт закон — а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

А в качестве урока для деспотов, не признающих «вечного закона», поэт напоминал о смерти Павла, обращаясь к мрачному каменному аргументу истории:

...Глядит задумчивый певец

На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенья брошенный дворец —
И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигуллы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.
Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

Для него одинаково представлялись злодеями и Павел, жестокостью и дикими капризами превзошедший древнего императора Калигулу, и его предатели-клеветы, подобные янычарам турецкого султана.

В заключение он обращался к царям с призывом:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Слушатели вскочили с мест и устроили овацию.

— Браво, Пушкин!

Прижав руку к сердцу и весело скаля свои сахарные зубы, он раскланивался на все стороны. Несколько рук протянулось к его листкам, и он, не глядя, отдал оду в эти руки.

И вскоре эти молодые руки, заменив собою печатный станок, рассеяли оду «Вольность» во множестве копий по Петербургу, а там и ещё дальше. К юной славе лицейского чудо-ребёнка прибавилась новая и грозная слава тираноборца.

Открытие Биржи

I

В конце 1801 года в доме поэта Державина собрался небольшой круг друзей, мирно судачивших о дворе, правительстве и литературе. Назначение Державина министром юстиции было уже делом решенным, но об этом говорили вполголоса. Было хорошим тоном острить над молодыми друзьями государя, особенно над Новосильцевым и князем Чарторижским, которого в Петербурге называли «monsieur Vobo».

— Еще один любимец объявился, — сказал желчный адмирал Шишков, — слышали? Фома де Томон собирается перестраивать Биржу.

— Де Томон? Кто таков? — спросил граф Хвостов.

— Французский архитектор, — ответил живописец Боровиковский, — профессор оптики и першпективы.

— Без году неделя в Санкт-Петербурге и сразу получил такое сооружение! — сказал Шишков. — Вот как у нас нынче дела делаются!

Столица была взбудоражена известием, что молодой государь выразил желание возобновить строительство Биржи и доверить это дело новому человеку, а для начала разобрать незаконченную Биржу Кваренги. Она была заложена Екатериной на Васильевском острове еще в 1782 году, даже подведена под крышу, но в 1787 году брошена из-за войны с турками, да так и осталась недостроенной. Между тем, коммерция сильно возросла, в 1799 году была основана Российско-Американская компания, в Европе наступил мир, и Петербургу была нужна новая Биржа.

— Кваренгиева Биржа стоит у самой воды, — почтительно заметил адмиралу Боровиковский. — Кругом теснят ее другие строения, да и само здание мало поместительно. Надобно строить Биржу заново.

— Да что построил этот ваш Томон? — возразил адмирал Шишков. — Всем ведомо искусство Кваренгия, достанет хотя бы взглянуть на Смольный, а ваш профессор першпективы умеет лишь бумагу марать, благо она терпит.

В беседу вступил хозяин дома:

— В позапрошлом году покойный царь допустил господина де Томона к конкурсу на проект нового Казанского собора.

— Но победил-то Андрюшка Воронихин! А что сделал француз?

— Он начертил и подал какую-то дурацкую ротонду, для православного богослужения вовсе не пригодную, — ответил Державин.

— А я что говорю! — с триумфом воскликнул Шишков.

Боровиковский молчал. Не мог же он признаться, что в кармане у него лежит карикатура двух озорных мальчишек, Орловского и Кипренского, на которой

нарисован великий Кваренги, в бешенстве ломающий куклу с лицом Томона. В доме Державина чтили государя, но не жаловали его ближайших друзей и новые увлечения.

Очаровательно-приветливый, высокий и статный государь-император и государыня Елисавета Алексеевна возбуждали всеобщую любовь. Отношения между ними казались прекрасными, они еще не пережили смерти своих дочерей и других испытаний своего несчастного супружества. Обнадеживающая молодость августейшей четы изменила облик русского двора: в моду вошло все новое. По примеру посланника Французской республики, красавца Дюрока, все щеголи столицы уже остриглись *à la Dugos*, сделав прическу наподобие римской; статский советник Леванда, известный своим переводом «Фоблаза», уже принимался за «Вредные знакомства» Шодерло де Лакло; сам Державин предпринимал первые осторожные шаги к тому, чтобы добиться снятия запрета с прославленной «Ябеды» его друга Капниста. В полосу перемен удачно попал и бернский уроженец Тома де Томон.

На вечеринку к Державину прямо из дворца приехал Иван Иванович Дмитриев, друг хозяина. Услыхав споры вокруг Биржи, он передал слова государя, недавно сказанные Кочубею о Томоне:

— «J'ai vu son plan de la Bourse. Il faut le corriger, mais ce monsieur promet bien des choses».

Этим было сказано все: Томон понравился его величеству. Адмирал Шишков засопел и отвернулся: он терпеть не мог Дмитриева за ловкость и уживчивость со всем светом. Как можно одновременно дружить и с Державиным, и с Карамзиным? «Нельзя работати Богу и маммоне!»

Несмотря на воркотню стариков, Томон одолел. Вскоре после описанного разговора, он был утвержден профессором Академии художеств.

Томон неутомим работал над проектом Биржи. В то же время благосклонное внимание государя сделало его модным архитектором и снискало ему ряд новых заказов. В 1801 году граф Иван Степанович де Лаваль, французский эмигрант, женившийся на сказочно богатой внучке горнозаводчика Мясникова, поручил де Томону перестройку с в о е г о дворца на Английской набережной в Петербурге.

II

Только пятый томонов проект Биржи был в 1804 году утвержден Академией. Француз доказал, что нужно отказаться от места, выбранного Кваренгием. Недостроенная Биржа была сломана, и 23 июля 1805 года состоялась торжественная закладка новой — по проекту де Томона. Это было за 4 месяца до битвы при Аустерлице.

Шли годы. В Тильзите был заключен мир с Наполеоном. Прежним друзьям государя пришлось уйти. Накануне отставки Кочубея государь сам привез фрейлинский шифр его дочери; хорошо зная характер государя, Кочубей тотчас стал

укладываться в дорогу. Но после этой отставки государь сохранил главного кочубеева сотрудника — поповича Сперанского, вскоре вошедшего в большую силу.

Послами в Россию император Наполеон направил двух участников убийства герцога Энгиенского — Савари и Коленкура. Высший свет Петербурга оказал обоим ледяной прием. Первый вскоре уехал, зато второй играл роль римского проконсула в усмирённой провинции. Россия, вынужденная присоединиться к континентальной блокаде, увидела, как замирает торговля в ее гаванях. Война с Англией велась вяло с обеих сторон, но все же колониальные товары исчезли с русского рынка. В общем употреблении публики не было ни кофе, ни виноградных вин; конечно, богатые люди ели и пили, что хотели, но все прочие терпели недостаток и роптали на союз с Францией.

Дворянство роптало громче всех, ибо Англия была главным покупателем русского леса, хлеба и пеньки; с блокадою доходы русского дворянства катастрофически сократились. Казна выпускала массу ассигнаций, рассматривая их как скрытый налог. Ценность бумажного рубля непрерывно падала: в 1807 году за него давали 67 копеек серебром, а в 1810 — уже только 25 копеек.

Правда, континентальная блокада дала грубый толчок русской промышленности. В 1809 году правительство ссудило промышленникам 2 миллиона рублей для устройства новых суконных фабрик.

По всей Европе страшно вздорожал сахар, все рафинадные заводы почти остановились: не было заморского сырья. Ведь тростниковый сахар-сырец всегда привозили англичане из колоний, в Европе его только рафинировали (очищали), а сахара из белой свеклы почти не делали. Теперь пришлось взяться за ум. В 1809 году Мальцев открыл свой завод и начал варить свекловичный сахар.

По смерти графа Васильева в 1807 году государственным казначеем (министром финансов) стал Голубцов, а товарищем при нем остался Гурьев. Он сделал карьеру благодаря женитьбе на графине Салтыковой и покровительству молодых друзей государя. Однако после Тильзита Гурьев сблизился со Сперанским, который Голубцова терпеть не мог. В 1810 году по неосторожности своего секретаря Голубцов был изобличен во взятках и вышел в отставку: место его занял Гурьев.

Граф Кочубей говорил, что Гурьев обладает умом не поворотливым.

— Ему трудно удержать равновесие рассуждений, — изящно выражался Кочубей, сам человек весьма «поворотливого» ума.

В 1810 году состоялось повышение тарифных ставок. Новый тариф был введен с начала 1811 года, пошлины на все ввозимые промышленные товары повысились на 50 процентов. В условиях континентальной блокады новый тариф направлялся против Франции. В 1811 году Наполеон заявил перед Законодательным Корпусом:

— Мелочные меры России не повредят нашим фабрикам.

Вся Европа в многозначительном молчании наблюдала крушение тильзитской

дружбы. Когда русское правительство договорилось с известным Жаком Лаффитом о займе, чтобы поправить расшатанные русские финансы, Наполеон отказался гарантировать соглашение.

Петербургская Биржа была построена уже в 1810 году, но отделка ее затянулась. Да и к чему было ее открывать, коли морские пути были перерезаны, а торговля лежала в параличе? Зато в 1811 году государь открыл в Царском Селе лицей для детей русской аристократии.

В марте 1812 года произошло внезапное падение Сперанского, а в июне Наполеон перешел через Неман во главе 600-тысячной армии.

За громами неслыханных войн и фанфарами побед русское общество почти не заметило, как в 1813 году умер Тома де Томон.

III

Летом 1815 года, когда мир жил вестями с сырых полей Ватерлоо, в Санкт-Петербурге увидели чудо средь бела дня: по Неве против течения, поднимая волну и извергая дым из 25-футовой железной трубы, шло судно без весел и парусов. Это был первый в России «с т и м - б о т», сооруженный известным заводчиком Бердом.

Шотландец Берд еще в 1792 году превратил мастерскую своего тестя Моргана в большой чугунно- и медолитейный завод на Гутуевском острове в Петербурге. Благодаря энергии Берда завод стал получать много заказов и приобрел европейскую известность. В 1815 год Берд вделал паровую машину в обыкновенную тихвинскую лодку и насадил на вал гребные колеса, скрытые в дощатых футлярах. В кормовой части «стим-бота» были поставлены под навесом скамьи для посетителей. В тот знаменательный день на «стим-боте» проследовала по Неве императрица и дала свое милостивое согласие на то, чтобы судно наречено было именем «Елисавета».

Первым в России применив изобретение Фультона, Берд основал пароходство на Неве, а вскоре получил исключительную привилегию на все реки Империи.

Страна начинала оживать после разорительных войн. Открылись моря, воскресла торговля, тариф от 31 марта 1816 года был составлен «в свободном духе». На юге молодая Одесса вырастала со сказочной быстротой, обгоняя в хлебном вывозе богатый Таганрог. Российско-Американская компания, снарядившая в недавние трудные времена кругосветные плавания Крузенштерна и Головнина, спешила извлечь выгоду из открытий своих мореходов. И наконец, в Петербурге было закончено здание Биржи. Ее торжественное открытие состоялось 15 июня 1816 года.

Перед началом церемонии к Берду подошел Иван Васильевич Кусов, хозяин крупнейшей торговой фирмы Санкт-Петербурга.

— Знаете ли, господин Берд, во что обошлось сие сооружение? В один миллион сто двадцать пять тысяч рублей.

О! — сказал Берд. — Правительство имело великодушность.

Кусов вывозил лес, сало, пеньку и железо, а ввозил в огромном количестве колониальные товары. Он едва ли не первым начал непосредственно торговать с Америкой, был одним из учредителей Американской компании, завел в столице несколько фабрик и заводов. Берд уважал Кусов; они заговорили о ценах на железо.

— Англия производит два крат более железо, нежели 15 лет назад. Потом будет еще более, гораздо много более.

— А что слыхать о ломателях машин? — спросил Кусов.

— О, их немножко повесили, теперь покойно. Читали в газетах новое изобретение *sire Humphry Davy*? Он изобрел а *safety lamp* — такой ламп для рудокопов, чтобы не зажег руднишный газ.

— Предохранительная лампа? — смекнул Кусов.

— О да! Можно будет сильнее копать каменный уголь.

— Да, этак литейное дело в Англии еще пуше пойдет. Сир Гомфри Деви — золотая голова.

— Какое изящное здание! — обратился к ним коммерции советник Яков Николаевич Мольво. — Жаль, бедняга Томон не дожил до сего дня...

Кусов, Берд и сахаровар Мольво составляли внушительную группу. Стройная дама, беззастенчиво лорнируя их, со смехом сказала своему спутнику:

— *La Terre repose sur le trois ййphants!*

Три слона петербургского индустрии проводили насмешницу холодными взглядами. Ирония аристократов их не трогала.

— Ну, господа? Как вам нравится новый храм Меркурия? — покровительственно спросил Гурьев, здороваясь с капиталистами.

— Храм, воистину храм! — любезно ответил Кусов. — Портик страсть как хорош, колонны огромные...

— Дорический орден, — сказал Гурьев тоном знатока.

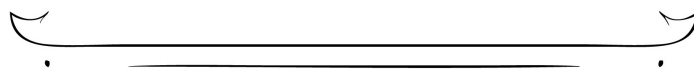
— Каков длина зданиэ? — спросил Берд.

— Сорок сажен, — ответил Гурьев.

Он прибавил одну сажень для круглого счета.

Биржа стояла обособленно, ее фасад украшала колоссальная группа, коей главная фигура — статуя Нептуна — была обращена к Крепости. Вокруг всего здания шел действительно великолепный портик из 44 колонн, «достигавших до аттика под крышею». Зала биржевых операций (*la salle publique*) занимала всю внутренность здания кроме восьми лишь комнат для производства всех письменных дел. В скульптурах внутри и снаружи преобладали Нептун, владыка морей, и Меркурий, бог торговли, в окружении аллегорических фигур Навигации и Рек: этим подчеркивалось, что Биржа есть сердце Санкт-Петербургского порта.

Эффект здания увеличивался находящейся перед его фасадом гранитной

набережной и царственной Невой. С обеих сторон переднего фасада возвышались две огромные ростральные колонны: на каждой из них три атланта поддерживали сплюснутый и пустой шар, в коем должно было зажигать сигнальный огонь, дабы сии огни в пору осенних туманов служили маяками для хода судов. У подножия колонн группировались фигуры Волги, Дона, Днепра и Волхова. Перед зданием Биржи, на крайнем углу Васильевского острова, была построена великолепная гранитная пристань.

Темный гранит набережной, красноватые ростральные колонны и светлая Биржа составляли красивый цветовой контраст.

— Такою Биржею не располагает ни одна нация! — теперь вам, господа негоцианты, только торговать да богатеть.

— На все воля божия, — ответил Кусов, снимая цилиндр и крестясь на петропавловский шпиль.

Торжественное открытие Биржи стало очередным триумфом ее августейшего основателя. Впрочем, он пекся не только о купечестве, но и о дворянстве, заботясь о сохранении дистанции между сословиями: 6 ноября 1816 года специальный указ лишил промышленников из купеческого звания права покупать крестьян. Преимущество пользоваться бесплатным трудом осталось за промышленниками-дворянами. Тем самым купечество было ущемлено в конкуренции с последними.

В 1816 году при Санкт-Петербургской Бирже был создан первый в России биржевой комитет.

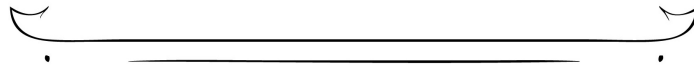
Купечество еще допивало здравие основателя Биржи, когда Константин Батюшков писал свою «Прогулку в Академию художеств».

В этом очерке он восклицал: «Посмотрите на Васильевский остров, образующий треугольник, украшенный биржею, ростральными колоннами и гранитною набережною, с гранитными спусками и лестницами к воде. Как величественна и красива эта часть города! Вот произведение, достойное покойного Томона, сего неутомимого иностранца, который посвятил нам свои дарования и столько способствовал к украшению Северной Пальмиры!»

Наряду с Крепостью, Дворцом и фальконетовой статуей Петра, Биржа стала одним из главных символов Санкт-Петербурга.

Корабли с бакалейными и пряными товарами, апельсинами, хлопком и красным деревом осеняли набережную Биржи густым лесом своих мачт. В курсовые дни по ступеням Биржи поднимались первостатейные купцы, сновали маклеры, шествовали чужеземные капитаны.

7 мая 1817 года был учрежден Государственный коммерческий банк. Умножались бумагопрядильные фабрики, сахароваренные и винокуренные заводы, по России прокладывались первые шоссейные дороги, шумели ярмарки, вонзались кайлы в новые золотые жилы, а в тундрах Уналаски купцы Российско-Американской

компания выменивали у эскимосов меха, получая барыша рубль на рубль, а то и более. Сердце российской коммерции билось на Стрелке Васильевского острова. Под сводами Биржи из ярославцев и тверитян, немцев, выкрестов и греков медленно спланивалось то племя поклонников Меркурия, которому предстояла в будущем власть над Россией — недолгая, но причудливая.

Карьера графа Аракчеева

I

Аракчевы были род старьй, но захудальй. У отставного поручика Андрея Аракчеева в начале царствования Екатерины была в Бежецком уезде деревенька в 20 душ; там и родился в 1769 году сын этого поручика, получивший имя Алексея. Читать мальчик научился у сельского дьячка. В 1783 году генерал Мелиссино (с которого лепили, по его необычайному сходству, лицо Петра Великого для известной статуи Фальконе) пристроил юного Алексея Аракчеева в артиллерийский кадетский корпус в Петербурге. К историческим и словесным наукам кадет Аракчеев склонности не обнаружил, но усердно занимался военными науками и по математике имел хорошие баллы. В 1785 году был произведен в капралы и оставлен при корпусе для преподавания артиллерии, а через два года поручил чин подпоручика. В 1790 года Аракчеев был назначен адъютантом к директору корпуса генералу Мелиссино в чине капитана.

По рекомендации того же Мелиссино капитан Аракчеев в 1792 году поступил к наследнику Павлу Петровичу начальником пешей артиллерии гатчинского гарнизона и проявил такую энергию, точность и такую автоматическую исполнительность, что цесаревич увидел в воплощение своего прусского военного идеала. Скоро Аракчеев был назначен комендантом Гатчины, а затем — начальником всех сухопутных войск великого князя. Немцы гатчинского двора, видя такое благорасположение великого князя Павла Петровича к Аракчеву, поспешили с ним подружиться.

Тайная ненависть между государыней и ее сыном отражалась на русской армии. Если гатчинцы оказывались в столичных кабаках, то кабатчики заранее убирали посуду: гвардия не давала проходу гатчинцам, их били все кому не лень. Принадлежать к партии наследника было нелегко.

Зато потом они отыгрались!

7 ноября 1796 года, при восшествии Павла на престол, Аракчеев был поставлен санктпетербургским комендантом. Так как его чин подполковника не соответствовал этому посту, государь на другой день произвел его в генерал-майоры. Вскоре он получил орден святой Анны I-го класса, потом орден святого Александра Невского. В 1797 году государь пожаловал коменданту столицы баронское достоинство и 2000 душ с правом самому выбрать губернию. Аракчеев выбрал Новгородскую — село Грузино. Таким-то образом Грузинская волость была пожалована Аракчеву в вечное и потомственное владение.

В 1798 году оскорбленный генерал-лейтенантом Аракчевым подполковник Лен, один из сподвижников Суворова, кончает жизнь самоубийством, ибо вызвать на

поединок генерал-лейтенанта он не в праве. Лена любили, поднялся страшный шум, и 18 марта 1798 году государь увольняет Аракчеева в отставку за «излишек усердия».

Но 22 декабря 1798 года барон Аракчеев вновь принят в свиту его императорского величества с отданием старшинства. Уже 8 января 1799 года он пожалован командором ордена святого Иоанна Иерусалимского, а 5 мая удостоен графского титула. В его новый герб император собственной рукой вписывает девиз: «Без лести предан».

— Бес, лести предан! — тотчас скаламбурил Павел Иванович Сумароков.

Новопожалованный граф — инспектор всего русской артиллерии и командир гвардии артиллерийского батальона.

Осенью 1799 года произошел скандал в столичном арсенале: во время караула солдат обрезал золотой галун и кисти старинной колесницы. Граф Аракчеев донес, что караул был отряжен не от его брата, а от другого генерала, но последний изобличил графа. Обнаружив, что Аракчеев пытался его обмануть, император Павел пришел в ярость и 1 октября 1799 года уволил Аракчеева в отставку «за ложное донесение о беспорядках». Граф покинул Петербург и ушел в частную жизнь.

Предчувствуя заговор, император весной 1801 года вызвал к себе из отставки двух слуг, снискавших всеобщую вражду своею бесчеловечной ревностью в исполнении любых приказаний: генерала Линденера и графа Аракчеева. Но военный губернатор Петербурга Пален, душа заговора, приказал на заставах не впускать Аракчеева в город. Впрочем, гра почему-то не выезжал из Грузина.

Возведенный на престол убийцами, Александр Павлович прежде всего поспешил от них избавиться. Постепенно павловы слуги, задвинутые в тень, начали вновь поднимать голову. В мае 1803 года граф Аракчеев был вновь принят на службу на свое прежнее место инспектора артиллерии и командира лейб-гвардии артиллерийского батальона. В 1805 году он сопровождал государя в фатальном походе, который ознаменовался поражением при Аустерлице.

Граф Аракчеев не участвовал ни в одном сражении.

В 1807 году он был произведен в генералы-от-артиллерии, 13 января 1808 года был назначен военным министром, а затем также генерал-инспектором пехоты и артиллерии, подчинением ему комиссариатского и провиантского департамента. Ему еще не было сорока лет.

II

Всем понятно, почему Павел Первый возвысил Аракчеева: тот полюбился государю необычайной скоростью и точностью исполнения приказов, а также строжайшей дисциплиной, которую умел поддерживать он в подчиненных при помощи многочисленных и беспощадных наказаний.

Но Александр Павлович был совсем не похож на своего отца. Однажды, в пору освобождения Европы из-под наполеонова ига, государь подобрал на дороге умиравшего бедняка, подвез в своей карете, обогрел и накормил, за что человеколюбивое общество в Лондоне наградило Александра Павловича золотой медалью. Граф Аракчеев, проявивший себя лишь на поприще снабжения армии и ненавидимый за свою холодную лютость, представлял собою антитезу мягкому и гибкому характеру государя. Почему же Александр Благословенный так жаловал «гатчинского каптернамуса»?

Впоследствии фельдмаршал Дибич давал этому такое объяснение:

— Главнейшее достоинство графа Аракчеева состояло в том, что он был необыкновенно трудолюбив. Государь, чувствуя себя слишком добрым, желал иметь при себе человека строгого, непоколебимого, который бы делал перевес его доброте, и для сего выбор пал на Аракчеева.

Это уже довольно ясно, но окончательно поясняет причину своей карьеры сам граф Аракчеев. С 1808 года он был в очень хороших отношениях с Ермоловым — одновременно отважным боевым генералом и тонким интриганом. Ему-то в минуту откровенности граф сказал:

— Много ляжет на меня незаслуженных проклятий.

Империи не держатся без страха: «*oderint, dum metuant*», как часто повторял Калигула. Но государь Александр Павлович не мог и не хотел внушать ненависть и страх, он был не так воспитан.

Так пусть же у трона его стоит угрюмый пес, который будет вместо него нагонять на всех ужас своею кровожадною пастью и хриплым лаем.

Александр Павлович мог явно творить благодеяния и скрытно совершать противоположные действия: последние всегда приписывались в публике его псу и умножали те «незаслуженные проклятия», о которых с мрачной гордостью говорил Ермолову граф Аракчеев.

Его одиночество в свете, презрение к нему аристократии и жгучая ненависть армии служили в глазах государя гарантией верности: за три шага от трона Аракчееву уже некуда было пойти.

Он не брал взяток и был практически неподкупен. Правда, люди вскоре справились с этим последним недостатком графа.

Дело в том, что он был весьма женолюбив. Еще в 1796 году он взял в дом

~ ~ ~

молоденькую крестьянку Настасью Минкину. Вскоре после того он женился на девице Хомутовой — нежной, воспитанной, из хорошей фамилии. Графиня не выдержала супружества с Аракчеевым, и они разошлись. Настя Минкина осталась «домоправительницей» графа, его х о з я й к о й и тайной советницей.

В то же время у графа была фаворитка из высшего класса — жена бывшего обер-секретаря Синода Варвара Петровна Пукалова, миловидная, умная и образованная. Внебрачная дочь Петра Мордвинова, она принесла в приданое мужу тысячу душ крестьян; став б л и з к а к графу Аракчееву, она еще более обогатила и мужа, и себя.

Иван Антонович Пукалов, который был на 30 лет старше своей хорошенькой жены, добродушно и совершенно открыто говорил в свете:

— Через Варвару Петровну я могу добиться у графа ч е г о у г о д н о.

В свете он прослыл источником всех благ и за хорошую мзду раздавал места просителям.

Сам Аракчеев не брал, но дамы его сердца вполне брали. Варвара Петровна Пукалова не только принимала подарки от искателей фортуны, но даже выпрашивала и требовала их. Она стала показываться на всех балах и блистала роскошью.

— Вы видели, на какой паре изабелиной масти разъезжает Варька Пукалова? — то и дело слышалось в свете. — Вы слыхали о новом колье Пукалихи? Оно стоит сто тысяч! Знаете последний анекдот о Варьке и об одном чувствительном графе? Видели вы жемчуга мадам Пукаловой? Она блистает, как жена Великого Могола!

И в виде неизменного заключительного аккорда следовало:

— Какая наглость!

Между тем, граф Аракчеев принимал деятельное участие в организации войны со шведами, которую Наполеон разрешил русским после Тильзита. По военному министерству граф провел множество административных перемен. Он очень мало спал и был по-прежнему полон энергии. Чуть не на каждом конверте, когда ему подносили письмо на подпись, граф Аракчеев надписывал своим кривым почерком: «Нужное в собственные руки» — и фельдъегери скакали сломя голову.

Когда государь утвердил административную реформу Сперанского — создание Государственного Совета, граф Аракчеев оставил пост министра: в открытом 1 января 1810 года Государственно Совете он был назначен председателем военного департамента с правом присутствовать в Сенате и комитете Министров.

В кампании 1812 года граф заботился о создании резервов и снабжении армии продовольствием. Это было не его время, он терпеливо переживал войну, зная, что герои не умеют управлять.* Граф Аракчеев сопровождает государя в его триумфальном путешествии по Европе. Он достигает «неограниченного доверия»

* Далее — зачеркнутый текст: «Кутайсов убит, Багратион умер от раны, князь Смоленский умер... Остальных — на покой!»

Александра Павловича. Он оказывает все возрастающее влияние на гражданское управление. Он становится в с е м о г у щ и м.^{*}

24 декабря 1815 года графу Аракчееву были поручены доклады по делам Комитета министров.

В феврале 1816 историограф Карамзин приехал в Санкт-Петербург для представления государю первых восьми томов «Истории Государства Российского». Тщетно он ждал аудиенции; наконец, ему намекнули, что граф Аракчеев ожидает его визита. 14 марта Карамзин, скрепя сердце, поехал к Аракчееву. Граф ему сказал:

— Учителем моим был дьячок. Мудрено ли, что я мало знаю? Моё дело исполнять волю государеву. Если бы я был моложе, то стал бы у вас учиться, теперь уже поздно.

В его устах эти отрывистые фразы означали любезность. И последствия визита к графу сказались мгновенно: на другой же день император Александр дал историку чрезвычайно милостивую аудиенцию, обнял его при встрече и проговорил с ним более полутора часов. На печатание первых восьми томов «Истории» было дано государем 60 тысяч рублей. В сущности, и граф Аракчеев, и государь всё ещё жили под обаянием «Бедной Лизы» и в глубине души чтили Карамзина, несмотря на его неоднократно проявленную строптивость.

III

Именно граф Аракчеев явился исполнителем одной заветной идеи государя императора — создания военных поселений.

Государь считал военные поселения благодеянием для мужичков: они могли теперь отбывать службу и одновременно пахать свою любимую ниву. Мужички ведь очень любят пахать свою ниву.

Первый опыт был сделан в Новгородской губернии, возле Чудова. Облагодетельствованные крестьяне подали государю прошение «О защите крещёного народа от Аракчеева». Некоторые приближённые государя также возражали против военных поселений.

В 1816 году в Новгородской губернии произошёл бунт поселенных. Государь, поддерживаемый Аракчеевым, остался твёрд и на все резоны против военных поселений отвечал:

— Они будут, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова.

Государь Александр Павлович с детства был мечтателем, не знавшим подлинной прозы жизни. Фантазёр, облечённый столь неимоверной властью, может быть для человечества опаснее Везувия: ведь счастье людей в том, что не все их фантазии осуществимы.

^{*} Далее следует рукописная вставка.

Военные поселения были устроены в Новгородской, Санкт-Петербургской, Харьковской и Екатеринославской губерниях* по образцу австрийской «военной границы». Государственных крестьян обращали в военных поселян, которые совмещали труд землепашцев со строевой солдатской службой. Это давало сокращение военных расходов (военные поселяне сами себя кормили) и быстрое увеличение обученных резервов. Даже у российского дворянства, столь мало чувствительного к мужицкой беде, адская жизнь военных поселян исторгала испуганный ропот. Народ скрежетал зубами, но палки и шпицрутены графа Аракчеева до поры до времени поддерживали хваленое русское долготерпение.

Штаб военных поселений находился в деревне Грузино. Никто не знал, когда граф спит: он ложился около 11 часов, а в 2 часа ночи посещал штаб военных поселений и чертежную, где в это время кипела работа. Дежурные адъютанты были при нём и оставались на ногах сутки напролёт, в полной форме. Из числа их за быстроту и неслышанно свирепое усердие граф выделил Петра Клейнмихеля, дед которого был скороходом, а отец — каптернамусом того кадетского корпуса, где Аракчеев получил образование. В память былых заслуг граф сделал каптернамуса директором этого корпуса, а позже довёл до генерал-лейтенанта!

Пётр Клейнмихель был «вторым изданием» Алексея Андреевича Аракчеева — с одним лишь исправлением: он был весельчак. Он, смеясь, прогонял сквозь тысячи палок. Граф Аракчеев, усматривая неполадки в каком-нибудь из военных поселений, говаривал:

— Разболтались? Забылись? Я к вам пришлю Клейнмихеля!

И это была страшная угроза.

В 1819 году Пётр Клейнмихель был назначен начальником штаба Управления военных поселений; государь лично узнал и оценил его.

Александр Павлович бывал в Грузине, превращённом в военно-райский уголок, и Настасья Минкина собственноручно потчевала самодержца всея Руси.

Государь любил всех женщин кроме своей жены и относился с симпатией к внебрачным связям.* От своего любимого Карамзина государь усвоил, что и поселяне чувствовать умеют, а потому взирал с умилением на домашнюю идиллию графа Аракчеева.

Одни современники вспоминали позже, что Наська была беглая матросская жена, грубая, злая и подлая, «небольшого роста, с хамским лицом и грузным телом». Другие, напротив, утверждали, что Анастасия Федоровна «была весьма видная, красивая и умная женщина» и происходила из крестьян графа. Петербургская молодёжь, проникшаяся после наполеоновских войн либеральными идеями и надевшая в честь освободителя Колумбии широкополую шляпу a la Bolivar, называла Настасью

* Конец рукописной вставки.

* Далее следует зачеркнутое предложение: «При нём традиционное распутство знати приняло сентиментальный характер, чуждый фривольному веку Екатерины или показному рыцарству Павла».

Минкину грошевой шлюхой.

Народ не понимал, как же своя простая посконница смогла превратиться в некое подобие некоронованной властительницы России, а из этого недоумения рождались самые фантастические толки.

— Наська — ворожея, колдунья, ведьма, — шептались новгородские крестьяне. — Наська графу на картах ворожит, она всё в округе знает-ведает...

— Наська душу запродала нечистому, что хошь может сделать. Она графа приворотным зельем опоила и почитай что на сворке водит.

— Как царь Александра Павлыч в Грузино приезжат, она в ту пору всех кухонных мужиков прогонят, сама варит волшебный суп к цареву столу, в то варево коренья кладет, чтобы царь пуще любил графа Алексей Андреича, чёрта пучеглазого...

— А что ж это за коренья?

— Да что! Не в кореньях сила, а в заговорах: варит да нашептывают, варит да нашептывают. Вишь ты, с л о в о она знает, через то царь к графу милостив и полную волю ему даёт, а нам горе.

— Православных людей сбывают, ровно поганую кошку.

— Что с нами будет? Как жить, мужики?

— Под облак не прянешь и в воду не уйдёшь: живи, покуда можно.*

— Верно бают староверы: остатние времена находят!

По доносам Настасьи граф порол и тиранил дворовых, тягловых людей, военных поселян; сама он особенно любила мучить женщин и девок. Настасья окружила себя невидимой сетью шпионов и шпионок. В Петербурге говорили, что она надувает графа и что Миша Шумский, аракчеевский бастард, рождён Настасьей вовсе не от него.

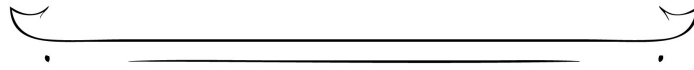
Тогда-то и пошла по рукам пушкинская эпиграмма:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? П р е д а н н ы й б е з л е с т и
..... грошевой солдат.

Да, Аракчеев «без лести предан» дешёвой распутнице!

Сам государь говорил о нём: «Человек необразованный, но единственный по трудолюбию и усердию ко мне...» Граф Аракчеев, вопреки всем законам, лишь по желанию государя, вмешивался в любые дела и на всё имел право.

* Далее зачеркнуто: «— А извести ведьму? — раздавался вдруг тончайших шепот. — Лукавой бабы и в ступе не утолчёшь, а к такой никто и не подступится».

Эта мрачная харя с коротко остриженными волосами и была настоящим
лицом царствования Александра Благословенного.

Серая кошка

I

Летом 1818 года давали как-то «Днепровскую русалку». Пушкин, придя среди первого действия, разговаривал в креслах с поручиком Барковым, оперным либреттистом.

— Знаешь ли ты, что регент Филипп Орлеанский, когда ему нравилась какая-нибудь танцовка в Опере, приказывал привести её к нему в ложу и вместе с Бранкасом и Канильяком тут же раздевал её?

— Какое применение это имеет к нашему разговору? — спросил Барков.

— А такое, милый мой, что князь Пётр Иванович, сатрап императорских театров, ведёт себя наподобие регента Франции.

Из директорской ложи торчала подзорная труба, а за нею виднелись белое жабо и красное лицо князя Тюфякина, известного гурмана и сластолюбца. Печать неограниченного своеволия на этом лице выдавала настоящего большого барина, «гран-сеньёра» в русском стиле. В искусстве он не понимал ничего, был невежествен и глуп, актёров третировал как своих холопов и обращался с ними крайне цинично — особенно в послеобеденное время¹. — Суший боров во фраке! — сказал Барков.

— Добро бы, коли боров, а то ведь кабан, — возразил Пушкин. В антракте они с Барковым рука об руку отправились за кулисы. В тот год Пушкин впервые испробовал крупную игру. То ли новичкам везёт, то ли демон игры кинул ему приманку, только поначалу Пушкин выигрывал. В кармане его зазвенело золото, а в новеньком «книжнике», подаренном женщиной, шелестели крупные ассигнации. Пушкин намеревался истратить деньги с помощью кордебалета, где у него завелись обнадёживающие знакомства. А сегодня Барков представлял его Нимфодоре Семёновой, красота которой не давала Пушкину спать по ночам. Он провёл Пушкина по тёмным коридорам и постучал в одну из дверей.

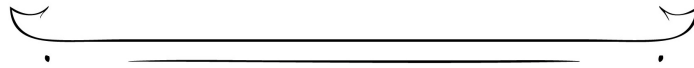
— Антре! — произнес знаменитый голос.

Молодые люди вошли в необычно богатую и празднично освещенную уборную Семёновой. Перед большим «псише» в золочёной раме сидела красавица Нимфодора, и две горничных суетливо обновляли её грим и туалет для второго действия. Барков представил Пушкина, и тот увидел её прекрасное лицо.

— Рада вас видеть в моей конурке. Земля слухом полнится, что в роду Пушкиных завёлся отъявленный проказник. Я надеюсь ещё услышать ваши забавные стишки, но сейчас недосуг.

Она милостиво кивнула и повернулась к Баркову: — Как мой туалет, дружок?

¹ Однозначные отрицательные оценки для Назирова очень характерны. Такие герои статичны и представляют собой не более чем сюжетную функцию [прим. Б. Орехова].

Барков, не отвечая, наморщил важную мину, обошёл вокруг кресла, поправил бант на плече Нимфодоры, что-то потрогал на груди, отступил на шаг и сделал жест одобрения. Пушкин, скрестив руки на груди и держа трость подмышкой, невозмутимо наблюдал эту пантомиму.

Он успел сказать певиче затейливый комплимент по поводу арии первого действия, но тут в дверь просунулась лысая казённая голова и почтительно напомнила: — Нимфодора Семёновна, через минутку-с!

— Иду! — ответила она, не вставая с кресла. — Итак, господа, прошу бывать ко мне без чинов.

И она жестом маркизы протянула Пушкину руку для поцелуя. — Какова? — спросил самодовольно Барков в коридоре.

— Восхитительна! — ответил Пушкин, целуя кончики пальцев. — Но говорят, совершенная красота сочетается по большей части с совершенною же глупостию². Барков нахмурился и хотел возразить, но в этот миг они услышали детский плач — В одном из закоулков театра несколько плотников и декораторов обступили девятилетнего мальчика из театральных воспитанников, прикладывая ему к глазу пятак.

— Что тут стряслось? — спросил Пушкин.

— Видите ли, сударь, он во время дивертисменту пробежал сзади через сцену.

— Я думал... я думал... — бормотал мальчик сквозь слёзы.

— Он думал, за фигуранками незаметно будет. Ан нет, его сиятельство сразу приметили, выскочили из ложи и прибежали — велел сыскать мальца и проучили его своей ручкой... Без мала кривым не сделал.

— Чем он тебя, мой милый? — спросил Пушкин, наклоняясь к мальчику.

— П-под-зорной т-трубой...

— Покажи-ка.

Мальчик отнял пятак от глаза, и все увидели огромный синяк. — Везде одно и то же, — с отвращением сказал Пушкин.

Он вытащил из кармана первую попавшуюся монету. — Возьми себе на пряники, душа моя, не плачь. Мальчик испуганно попятился.

— Бери, чего упёрся? — заговорили вокруг. — Вишь, барин добрый, он тебя жалует, как не взять...

Мальчик нерешительно взял монету. Пушкин погладил его по голове, соорудил ему смешную гримасу, и тот улыбнулся сквозь слёзы.

В странном, весёлом раздражении Пушкин вошёл в ложу своих недавних, но добрых знакомых Колосовых. Мать уже полюбила и баловала его, а Сашенька Колосова, которая ему понравилась на всенощной великой пятницы, была без ума от

² Семёнова принадлежит к редкому в назировской прозе типу женщин, к которым протагонист не демонстрирует уважения. В этом же ряду можно назвать только комсомолку Чемоданову, нарушившую тайну переписки в рассказе «На красном сукне» [прим. Б. Орехова].

его шуток. Балетный дивертисмент кончился, на сцене появилась Семёнова, Колосовы усадили Пушкина и приказали ему молчать.

Вдруг в самом патетическом месте Пушкин снял с себя парик, покрывавший его обритую во время горячки голову. Жалуясь на жару, он принялся обмахиваться париком, как веером.

В соседних ложах оборачивались и смеялись; в креслах начали привставать, заглядывая в ложу.

— Уймись, бесёнок! — прошипела Колосова-мать. — Вы нас на весь крещёный мир острамите!

Пушкин соскользнул со стула и сел в ногах у Колосовых, прячась за барьер ложи. Он нахлобучил парик поперёк головы, как шапку. Сашенька изнемогала от смеха, закрываясь веером.

— Князь Видостан est enrhumé, — сказал Пушкин, — а Тарабар поёт, как сапожник. Всех их следовало бы высечь вместе с князем Тюфяком.

— А вы нынче злы, Александр!

— Хотел бы я знать, каким одеялом укрывается на ночь Нимфодора Семёновна, — не слушая Колосову, произнёс Пушкин.

— Да уж наверное атласным, на гагачьем пуху...

— Пуховые одеяла, у такой очаровательной женщины? — задумчиво протянул он. И пробормотал словно бы про себя: — Лучше бы она покрывалась Пушкиным.

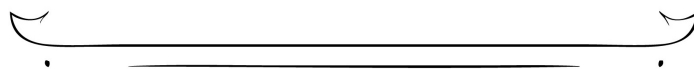
Сашенька ударила его веером. Пушкин негромко, но отчётливо твякнул. В ложах задрожал невидимый смешок. Актёры, чуя недоброе, нервничали.

Так он просидел до конца на полу ложи, издеваясь над оперой и над игрой актёров — весело, но довольно злобно.

— Всю «Русалку» нам испортили! — журила его после спектакля Колосова-мать.

— Я напишу вам другую «Русалку», — отвечал Пушкин. Он привёл в порядок свой парик, принял приличный вид и проводил Колосовых до их кареты.

Во время разъезда, по обычаю того времени, составлялись группы, обсуждавшие спектакль и выносившие приговор, который был важнее, чем голоса присяжных критиков. Одну из таких групп образовали Катенин, Пушкин, Барков и Юрьев. Среди них кипел отчаянный спор. — Какая это «Днепровская русалка»? — гремел Катенин — Это всё та же австрийская пошлая дура «Донаувайбхен», только имена кой-как перековерканы на славянский манер, да и то без всякого смысла... — Нелепая подделка! — поддерживал его Пушкин. — Русью тут и не пахнет. Поручик Барков защищал собрата по цеху — либреттиста Краснопольского: — Какой вам надобно правды? Опера — это всегда сказка... — Так пусть это будет русская сказка! — вскричал Пушкин. Они остались одни, пора было расходиться. Пушкин остановил извозчика, как вдруг из театра вышел князь Тюфякин в сопровождении

бледной молодой женщины. Группа театралов услышала обрывок разговора. — Смотри, Глашка, осержусь! Счастья своего не понимаешь. — Ваше сиятельство, неможется мне, едва танцевала нынче. — Ври больше! Как ко мне ехать, так и хворь напала?

Князь скользнул злобно-неузнающим взглядом по группе молчаливых свидетелей, отвернулся и крикнул: — Стёпка! Подсади-ка барыньку в карету!

Рослый гайдук со зверскими усами привычным движением взял женщину под руку. В тишине раздался скрип зубов — Катенин оглянулся и увидел безобразное лицо Пушкина.

— Александр! — повелительно крикнул Катенин.

Но уже трость Пушкина со свистом рассекла воздух и хлестнула по лицу гайдука.

Тот закрылся руками — Пушкин схватил женщину в охапку, прыгнул с ней в дрожки и крикнул извозчику:

— Гони!

Испуганный извозчик ударил по лошадям. — Как вас зовут? — спросил Пушкин.

— Аглая, — отвечала ошеломленная женщина. А у подъезда театра камергер императорского двора князь Тюфякин сыпал чудовищной бурлацкой бранью и бил по щекам своего злополучного гайдука.

II

Как все слишком страстные юноши, Пушкин не был удачлив в любви. Он нравился женщинам, но всегда не тем, кого сам любил.

В лице он был влюблён в Катеньку Бакунину, сестру одного из товарищей, написал в честь её дюжины две стихотворений, но она осталась недоступна, как Монблан.

Величая Карамзина, которую он страстно полюбил, отдала его письменное признание своему знаменитому супругу, и они вдвоём вымыли Пушкину голову, сделав его своим моральным должником.

Утешением обманутых надежд в Царском Селе явилась для него хорошенькая горничная из дворца. Эта простая девушка очень привязалась к нему — верное средство нагнать на Пушкина скуку.

В Петербурге после лица у него было немало увлечений, но слава опасного шутника отпугивала от него светских Лукреций. Ему оставались доступные женщины. Он мог пламенеть поэтической страстью к Ночной Голицыной, но тратил деньги и здоровье в притонах. В эту весну его сильно взволновала Нимфодора, но при первом же знакомстве она оказалась так глупа!

~ ~ ~

В ночь после «Днепровской русалки» он не доехал до дома. Аглая, танцовщица из кордебалета, жила в маленьком домике со своей глуховатой матерью; кухарку они третьего дня рассчитали и ещё не подыскивали новой. Пройдя в свою спальню и ответив на сонные вопросы матери, Аглая отворила окно в сад. Пушкин легко взобрался через окно. В доме пахло мышами и квашеной капустой. В спальне Аглаи перед иконами уютно теплилась лампадка, на стене висела почти не различимая мадам де Лавальер. За стеной уже храпела старушка. Долго звучали в тихой комнатке шёпот и поцелуи. Через некоторое время, поглаживая увлажнившееся плечо Аглаи, он тихонько засмеялся. Молодая женщина встрепенулась: — Чему вы смеётесь?

— А ведь ты, душенька, здоровёхонька! Она тоже рассмеялась — стыдливо и принуждённо.

— Грешна, соврала я там... Уж очень тошен мне князь Пётр Иванович. У нас меж собой девицы «слюнявым» кличут. Уступчивых он возносит, гостинцы дарит, жалованье прибавляет. Только мне его милостей не надо. Отец мой был чиновник, брат служит по интендантской части. Я князю не холопка!

— Что ж ты теперь будешь делать? В театр тебе никак нельзя...

— Ума не приложу. Может быть, в Москву уеду, попрошусь в тамошнюю труппу.

Она была полна благодарности к Пушкину, столь внезапно исторгшему её из когтей сластолюбивого директора, и эта благодарность по какому-то странному психологическому закону воспламеняла чувства молодого человека. Они не спали всю ночь. Под утро Аглая в прелестном удивлении спросила:

— Ты кто?

— Я числюсь в иностранной коллегии, — недоумённо ответил Пушкин.

— Да я не о том... Как у тебя так получается? Ведь я вся горю с тобой, то смеяться хочется, то плачу — такого со мной не бывало. Не иначе ты зелье пьёшь...

— Зелье, вот вздор! Такова моя натура: мой дедушка был чёрный арап из Африки, а сии арапы в амурных делах сильнее всех в свете.

— Теперь понимаю! Ах, как мне повезло с тобой! Я так рада, что и сказать не могу. А я тебе нравлюсь? Ведь я хороша, скажи, не так ли? — Не знаю, — важно сказал Пушкин, — надо бы рассмотреть тебя получше. Она очень долго отнекивалась и упиралась. После долгих уговоров и даже насмешек Пушкина — уступила. Поднялась с постели и потянула через голову сорочку.

За окном брезжил рассвет.

Оказалось, что эта бледная и мало приметная женщина на диво сложена, что тело её отливает скользкой мраморной белизной, на которой живо пламенеют по плечам рыжеватые волосы... — Ты похожа на Венеру Медицейскую.

Пушкин протянул к ней руки, и Аглая прямо с пола прыгнула в его объятия.

III

Вернувшись домой, Пушкин спал до двух часов пополудни. Его разбудил Дельвиг, которому не терпелось прочесть ему свои новые стихи. Они читали стихи и курили трубки; Никита несколько раз просовывал голову в комнату, заполненную ароматным дымом турецкого табака, но его барин по-прежнему сидел на своей кровати в одной рубашке и с жаром толковал по-французски с Антоном Антонычем. Никита знал по опыту, что когда у барина сидит барон Дельвиг, то лучше их не тревожить, а то неровен час, могут и башмаком запустить. Наконец, Пушкин встал, принял холодную ванну, побрился и пошёл обедать к Дельвигу, потому что в доме Пушкиных обеда в тот день не оказалось вовсе: родители обедали у Бутурлиных, а детям оставили ключи от пустого буфета.

За обедом Пушкин рассказал Дельвигу вчерашнее приключение: секретов друг от друга у них не бывало. Дельвиг выслушал его с выражением братской зависти на лице и вздохнул: — Что ж! Хотя и небольшое, но счастье. — Ты мудрец, — сказал Пушкин, — ты один меня понимаешь. — Так не пойдём нынче в Красный кабачок? — Нет, брат, я нынче опять к ней. Во время прогулки Пушкин сочинил непристойный «мадригал» Нимфодоре Семёновой:

Желал бы быть твоим, Семёнова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым —
Ах, он, поручик! ах, злодей!

Дельвиг смеялся до упаду, а по возвращении домой записал «мадригал», который вскоре снискал шумный успех среди молодёжи и театралов.

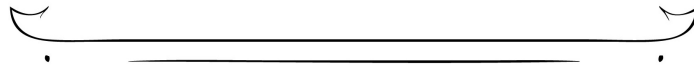
Нимфодора притворялась спокойной и знать не знала никакого Пушкина, но в глубине души горько сожалела, что слишком высокомерно приняла опасного мальчишку. Надо было приласкать его: эти поэты стали чрез меру щекотливы! Вечером Пушкин снова перебрался через ветхий забор маленького сада и тихо постучал в знакомое окошко. Аглая уже ждала его.

В ту ночь он всё же заснул и под утро был разбужен тихими и чудесными поцелуями Аглаи. Она стояла у изголовья кровати.

Стариковский сон короток, маменька скоро встанет, — шепнула она, — а я по тебе соскучилась. — Но счастье Пушкина протекло быстро.

Аглая и её мать с трудом сводили концы с концами. Пушкин едва уговорил Аглаю принять у него немного денег. Однако, как видно, их оказалось недостаточно.

В один из вечеров, подойдя к домику, Пушкин увидел, что двери его распахнуты, всюду горит свет, люди входят и выходят. Он осторожно приблизился. Немец в шляпе, видимо, лекарь, выходил как раз из ворот и важно наставлял какую-

то женщину с обличьем служанки, как кормить больную с ложечки. Пушкин похолодел. Оказалось однако, что Аглая здорова.

Когда соседки ушли из дома, Пушкин подкрался к окну. Аглаи не было видно, потом она пришла вся в слезах. Он тихо постучал, и она впервые встретила его без улыбки.

— Маменьку разбил удар, — сквозь слёзы прошептала она

— Как так?

— Пошла к Андрею, брату моему, подзаныть денег али так, за советом, а через час её привезли без памяти. Ой, горе у нас какое! Она разрыдалась.

— Да почему? — терялся Пушкин. — Что там за несчастье? — Брата разжаловали в рядовые. Она его и не видала, он уже в казарме, со дня на день отправят на Кавказскую линию... Братец мой, несчастный Андрюша! Генералы проворовались, а свалили на маленьких людей...

Пушкин услышал заурядную историю тех лет о тёмных делах интендантства, о грозной ревизии, о спешно доложенных в кассу суммах, занятых на время в других ведомствах, о предательстве старших, исполнителем и орудием которых был брат Аглаи. Военный суд был скор и немилостив к нему³. — У Андрюши всего доходу было сотни две за год, а старшие целые полки в фараон проигрывают! Боже праведный, кто заступится за нас?

В эту ночь Пушкин просидел с Аглаей всю ночь за столом, пытаясь её успокоить или хоть сколько-нибудь утешить

Старушка умерла через неделю. Пушкин помог Аглае похоронить её. Что он мог сделать? Дать полтинник на пряники?

Чернее тучи провожал он Аглаю с кладбища домой. Что же делать? Необычные мысли обременяли его столь беспечный доселе ум. Отказаться от участия и перестать творить добро?

Видимо, не деньгами мог бы он помочь людям: он не Долгорукой и не Шереметев, сам гол, как бубен, где уж пятью хлебами накормить всех страждущих и голодных. Его сила в поэзии, в неслыханном ранее слове! Именно пером может он благотворить сиротливому человечеству.

Он думал об этом и при последней встрече, о которой попросила сама Аглая. Иконы были завешены, она лежала, положив ему голову на грудь. Пушкин был мрачен и задумчив.

— Ты знаешь, я решилась...

— Что ты придумала?

— Всё равно мне жизни не будет.

³ См. «Нестареющая классика» («Газетные рецензии», с. 54): «Как раз в 1856 г. специальная комиссия правительства во главе с князем Васильчиковым раскрыла чудовищные хищения военно-интендантского ведомства в Крымской войне: через два года главный интендант русской армии генерал-майор Затлер был по приговору военного суда разжалован в рядовые» [прим. Б. Орехова].

— Да что, что ты хочешь сделать?

— Поеду в Грузино.

Он так удивился, что поднялся и сел в постели. Голова Аглаи соскользнула на его колени. Пушкин взял её за щёки и повернул лицом вверх. — Никак ты бредишь, друг мой?

— Нисколько, — отвечала она. — Я говорю въяве и в здравом разуме. — Да ты знаешь ли, кто таков Аракчеев?

— Как не знать, он и подписал сентенцию Андрюше, оттого и маменька преставилась. Пусть же он и исправляет своё зло. — Тебя к нему не допустят.

— Прокрадусь полозом. Должна быть правда на свете! Паду ему в ноги, пусть разберётся в деле самолично и помилует Андрюшу. Она снова заплакала. Пушкин не стал её разубеждать.

Он занял денег у друзей и снарядил её в дорогу. Домик был заперт на замок, цветы розданы соседям. Пушкин проводил Аглаю до заставы.

Они поцеловались на прощанье, но какой жгучий и мучительный был тот поцелуй! Маша платком вслед убегающей тройке, Пушкин с удивлением заметил, что какое-то подобие слёз щекочет ему глаза. Он почти никогда не плакал. И он понял, что успел полюбить эту женщину. Но более он никогда её не видел.

IV

— Белые стихи Жуковского решительно никуда не годятся, — заявил Пушкин — Ты становишься привередлив, — отвечал Дельвиг. Он достал из кармана платок, приложил к своей синей, раздувшейся губе, посмотрел на кровь, запятнавшую платок, и поморщился — Иди спокойнее, я ещё не отдышался, — попросил он.

На них было самое простонародное платье. Переодевшись ремесленниками, они совершили свою очередную проказу: отправились в дешёвый кабак, куда ходили колбасники и приказчики, затеяли там драку, перебили посуду и скрылись⁴.

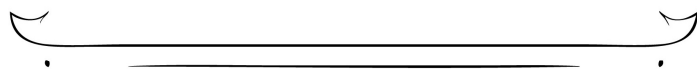
— Подлая рожа, успел он таки разбить мне губу.

— Но зато как ты его славно опрокинул! — воскликнул Пушкин. — Ах, душа моя, это был геркулесовский удар! Он перелетел через скамейку и вышиб головой кухонную дверь. По-моему, он так и не встал до конца.

Они пошли потише. На небе загорались первые звёзды. Петербург успокаивался, готовясь ко сну.

— И всё же, — вновь вскричал Пушкин, — белые стихи Жуковского плохи! Они напоминают прозу, и притом весьма нескладную... Белые стихи удаются только

⁴ Дружба Пушкина и Дельвига, искренняя и крепкая, напоминает дружбу комсомольцев из ранних рассказов Назирова. А отсутствие боязни помахать кулаками — отчётливое свойство мужских персонажей Назирова: «Сила и инициативность, не переходящая притом границ здравого смысла, видна хотя бы из несколько раз выписанной Назириным ситуации назревающей, но не случившейся драки» (Назирковский сборник, с. 33 — 34), а также сноска к этому месту [прим. Б. Орехова].

тебе. Разговаривая о недавней драке и стихах Жуковского, они выбрались с окраины. Начинались более освещенные улицы, опрятные дома. Какой-то будочник, нюхавший табак со знакомым лавочником, остолбенело проводил взором двух явно нетрезвых мастеровых, которые забылись и громко говорили по-французски. Повернув за угол, они остановились у фонаря, и Пушкин вытащил из кармана, обрывок стихотворения. Дельвиг принялся читать и не сдержал смеха. Это была пародия на одно из стихотворений Жуковского.

Послушай, дедушка, мне каждый раз, Когда взгляну на этот замок Ретлер, Приходит в мысль: что, если это проза, Да и дурная?...

— Только ради бога не рассказывай никому об этой шутке! — попросил Пушкин. Будь покоен.

Они стояли возле невысокого, но чистенького домика, в котором слышались голоса и звон чайной посуды. Сквозная изгородь отделяла от улицы дом и дворик. На крылечке дома сидела серая кошка. Пушкин стал пристально смотреть на неё. Кошка была худая и заморенная, кухарка её не баловала. Шерсть у неё была серая, только «душка» белая. Кошка поднялась, сошла с крыльца и замерла перед росшею на дворе редкой и высокой травой. Чахлая петербургская трава, но она была в диво для кошки, словно та только оправилась от болезни. Прижмуривая свои дико-печальные глаза, кошка вытянула шею и стала осторожно нюхать зелёную былинку. Пушкин схватил друга за руку:

— Смотри, брат, смотри! Видишь эту кошку?

— Вижу, так что же?

— Она похожа на мою Аглаю, — шёпотом сказал Пушкин. — Вот так она наклонялась к изголовью, чтобы меня целовать, когда я задрёмывал под утро. Дельвиг посмотрел на него сочувственно и любовно. — Что, брат, не забывается? — Нет, не забывается.

Они пошли далее. Свернули на Фонтанку. Дельвиг шёл ночевать к Пушкину. Прошло около получаса, а они не проронили ни слова. — И куда она могла деваться? — сказал вдруг Пушкин.

— Уехала в Москву...

— Нет, брат, я боюсь худого. Это была особенная женщина, не такая, как все прочие: в ней была искорка священного огня, а таким худо жить на свете. Как она стонала тогда: «Должна быть справедливость!» — Так что же с нею могло приключиться? — возразил Дельвиг. — Утопилась она, — мрачно ответил Пушкин. — Ты полагаешь, с графом Аракчеевым она сумела свидеться? Пушкин молча пожал плечами. — Как знать?

Впрочем, если бы её не допустили пред очи графа Аракчеева, то она попросту вернулась бы в Санкт-Петербург.

Канун

I

В ноябре 1824 года императрица Елизавета Алексеевна простудилась, у неё был сильный кашель и жар. Двор приуныл. Государь являл вид величайшего беспокойства и трогательной скорби.

23 ноября умер граф Уваров, командующий гвардейским корпусом. Он начал службу под знамёнами Суворова, брал Прагу в 1794 году. Человек храбрый и недалёкий, он при Павле I сделал блестящую карьеру благодаря амурным дурачествам с княгиней Лопухиной, мачехой фаворитки. Она заставила Павла перевести Феденьку Уварова из Москвы в Петербург и сделать полковником гвардии Конного полка. Однако полковнику Уварову хватило ума присоединиться к заговору Палена.

Сразу по восшествии на престол Александр назначил Уварова генерал-адъютантом. Молодой государь полюбил Уварова: ведь он не питал злопамятных чувств к авторам переворота, просто большинство их не умело скромно вести себя. Уваров умел.

В 1807 году он был в числе тех немногих лиц, которые в Тильзите сопровождали государя на знаменитый плот. В 1812 году Уваров командовал корпусом кавалерии, при Бородине стоял с Платовым на правом фланге. Армия уважала Уварова за храбрость.

Во время его похорон, ревниво косясь на бледность и слёзы государя, граф Аракчеев довольно громко сказал:

— Один царь его здесь провожает, каково-то другой его там встретит?

Окружающие с трудом сдержали улыбки. Он был далеко не глуп, этот Змей с Литейной улицы.

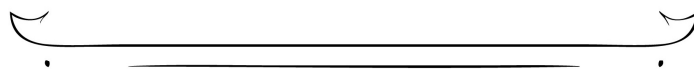
12 декабря командующим гвардейским корпусом был назначен Воинов.

Он принял гвардию в беспокойное время. В ней что-то происходило; впрочем, не только в гвардии. Все знали это.

В 1824 году государь собственноручно набросал такую записку:

«Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселёв, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб- и обер-офицеров».

«Равно как и в отдельных корпусах» — включая *гвардейский*!

Пушкин в Михайловском написал очередную поэму. Зимой отрывки из «Цыган» появились в альманахах Петербурга; раздались крики восторга. Государь прочёл «Цыган» и был поражён красотой этих стихов.

— Жуковский прав, слог у него превосходный, — сказал государь. — Надо мне с Пушкиным помириться.

Лицо его при этом было печально. Поэты — всегда баловни публики, следует их менажировать. Может быть, выпустить Пушкина из деревни? Многие в столице будут довольны...

Как всегда, он ни на что не решился.

II

Весной 1825 года государь ездил на третий сейм в Варшаву. 13 июня он вернулся в Царское.

Вскоре доктора признали для императрицы Елизаветы Алексеевны пребывание в благообразном южном климате настоятельно необходимым.

— Петербург опасен для людей со слабой грудью, ваше величество.

Александр знал, на что они намекают. Императрице грозит чахотка. Что ж, как нежный супруг он поедет с нею.

В Петербурге было неуютно.

Для лечения государыни избрали Таганрог, давно славный своим климатом: Екатерина Великая звала Вольтера пожить в Таганроге, но тот почему-то не захотел.

Князю Волконскому, который недавно воротился из Франции с коронации Карла X, было поручено сопровождать государыню в Таганрог. Император должен был опередить её.

Незадолго до его отъезда граф Аракчеев примчался из Грузина.

— Государь, дело чрезвычайной важности!

Александр побледнел.

— Поселенные? — едва прошевелил он губами.

— Хуже, государь: во Второй армии заговор.

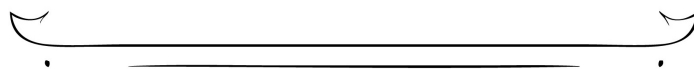
Он рассказал, что унтер-офицер 3-го Украинского полка Шервуд прислал ему донос о замыслах тайного общества во Второй армии. Граф вызвал Шервуда в Грузино: похоже, он говорит правду.

— Где он?

— Я привёз его в Петербург, государь.

Александр подумал.

— Нынче уже поздно; приведи его завтра в обычное время.

На другой день государь в присутствии графа Аракчеева выслушал сообщения Ивана Шервуда. Молодой унтер-офицер был взволнован лицезрением священной особы императора, но излагал толково.

— Алексей Андреевич, снабди его всеми средствами к открытию злоумышленников. Тебе же, Шервуд, не худо бы знать их поближе.

То был приказ проникнуть в Южное общество — и вскоре Шервуд выполнил его.

В результате этой беседы государь отменил смотр, назначенный войскам Второй армии у Белой Церкви. Он изменил свой маршрут.

28 августа Карамзин имел прощальную беседу с государем. Он намекнул монарху, что все мы смертны.

— Государь, вам более нечего откладывать, и вам предстоит ещё столько сделать, чтобы конец вашего царствования сделался достоин его прекрасного начала.

Александр движением головы и милой улыбкой изъявил согласие.

— Я дам России коренные законы.

1 сентября он покинул Каменноостровский дворец, поехал в Александро-Невскую лавру и в начале пятого часа утра отслушал благодарственный молебен. После победы Аракчеева, Серафима и Фотия над Голицыным император отвернулся от мистиков и «обратился в православие»: строго выполнял обряды, молился и целовал руки грязным монахам. В свете хихикали. Много шептали о скандальной связи архимандрита Фотия с графиней Орловой-Чесменской; святой муж открыто обирал именитую свою покаяницу.

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешную плотию —
Архимандриту Фотию.

Кажется, это снова был голос Сверчка на Михайловской печке...

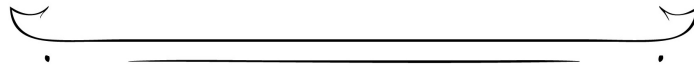
Отслушав молебен, государь беседовал со схимником Алексием и, получив его благословение, отправился на Юг. Его сопровождали генерал-адъютант Дибич и лейб-медик Виллье.

Государыня выехала из Петербурга 3 сентября.

III

По пути в Таганрог, пересекая Курскую губернию, император решил навестить вдову князя Барятинского, умершего два года назад.

Барятинские были рюриковичи, потомки святого Михаила Черниговского. Центром их огромных, цветущих поместий было богатое Ивановское, которое вместе со Степановкой, Мазеповкой и другими сёлами перешло в род Барятинских из секвестрованных имений Ивана Степанова Мазепы после его исторического

предательства. Недавно умерший Иван Иванович Барятинский был русским посланником в Мюнхене, а выйдя в отставку — занялся своими поместьями, которые по своему образцовому устройству и по благосостоянию жителей славились во всём крае. Августейшая фамилия всегда числила князей Барятинских в кругу своих ближайших друзей: один из них принимал самое тесное участие в избавлении Екатерины Великой от ропшинского пленника, другой был кавалером при наследнике Павле Петровиче. Барятинские блистали вкусом и образованностью, любили искусство, ставили в Ивановском на своём театре русские и французские пиэсы.

Государь предупредил вдову о своём визите и через три часа въехал в Ивановское.

Когда открытая коляска государя подкатила к подъезду дворца, на ступенях замер строй лакеев в траурных ливреях. Вместо княгини государя встретил на подъезде очень красивый десятилетний мальчик, старший сын покойного.

Государь ловко соскочил с коляски. Маленький князь Барятинский, отвесив изысканный поклон, приветствовал его на безукоризненном французском языке, прося извинить его больную мать.

— Здравствуй, тёзка! — сказал император, обнимая и целуя его.

Затем взял его за руку:

— Веди меня к твоей матери.

Они уже начали подниматься по мраморным ступеням крыльца, как вдруг мальчик оглянулся и чуть не оступился от удивления: кучер государя, добродушный бородач с самой простецкой харей, слез с козел коляски, отдал вожжи другому кучеру и стал преспокойно подниматься вслед за государем.

Видя удивление юного хозяина, Александр улыбнулся:

— Ильюша, поди сюда, целуй руку князю Александру Ивановичу.

Илья Байков, словно учёный медведь, склонился к изящной ручке мальчика. Любимец государя, имевший чин коллежского советника (что по табели о рангах равнялось полковнику), этот кучер неотлучно сопровождал государя при его путешествиях по русским провинциям. По сути дела, он был телохранителем Александра Павловича.

— Ступай с нами, Ильюша, осматривать дворец, — сказал государь.

Проходя по великолепным залам дворца, император на миг остановился перед батальной картиной со множеством огня, дыма, трупов — как людских, так и лошадиных. Картина на миг пробудила в нем давнюю ностальгию по бранной славе, в которой ему отказывало негласное мнение света.

Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал...

— Чья это работа, князь Александр Иванович?

— Вернетова, ваше величество.

Мальчик ответил громко и четко, так как мать успела предупредить его, что государь несколько туг на ухо.

В малом салоне, поддерживаемая компаньонками, навстречу государю поднялась из кресел дама в черном, со следами былой красоты — княгиня Барятинская, урожденная графиня Келлер. Она казалась убита горем. Государь мягким понуждением усадил ее, не позволив сделать требуемого по этикету поклона. Сам он сел напротив нее; князь Александр остался на ногах.

— Ваше величество, молю простить меня, что по нездоровью не смогла встретить вас на пороге сего печального жилища...

Государь кротко перебил ее, изъявляя глубокое сочувствие ее горю и высоко отзываясь о душевных качествах покойного князя. Как всегда, он говорил автоматически-красиво, и в момент речи мысли его были совершенно свободны: он думал, что прежде княгиня была похожа на королеву Луизу (которую он очень любил), что ежели пруссачки бывают красивы, то уж тогда просто ослепительны; что Наполеон тоже любил Луизу — и поймал себя на мысли, что назвал узурпатора Наполеоном, как встарь. Заметил он и трогательное фамильное сходство между княгиней и ее первенцем.

— Семейство моего дорогого Барятинского всегда будет в праве рассчитывать на мою дружбу, — плавно закончил государь. — По окончании траура, княгиня, жду вас ко двору. Мы вместе будем воспитывать ваших малюток.

На обратном пути он еще раз остановился перед картиной Ораса Верне, внимательно рассмотрел ее в свой золотой лорнет и с глубоким удовлетворением сказал юному князю:

— Mon cher Variatinski, la charge des hussards sera repoussee.

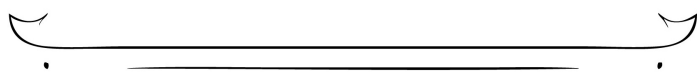
Севши в коляску, он очаровательной улыбкой приглубил маленького хозяина и томно-грациозным жестом ответил на его поклон. Ему нравился этот мальчик. В мальчике чувствовалась порода, благородная кровь. Смешение русской и германской аристократии всегда давало прекрасные плоды. Надо будет устроить судьбу сироток. Сказать Дибичу и Волконскому. Ивановское дышит благополучием. Такие фамилии — вот опора трона.

— Ильюша, погоняй!

Кони мчались, как вихрь.

IV

Визит в Ивановское улучшил настроение государя. 14 сентября он прибыл в Таганрог и спокойно вытерпел церемониальную скуку встречи, волнение гражданских и духовных властей с их экзорбитированными глазами и красными пятнами на щеках. Он отвечал на их приветствия со своим привычным милостивым изяществом

Важный хлебный порт на Азовском море, Таганрог был полон греков и армян. Самым красивым домом в городе был дворец Алфераки, поставщика русской армии в 1812 году: это была уменьшенная копия Зимнего дворца в Петербурге. После начала греческого восстания таганрогская колония греков сильно выросла: много богатых арматоров бежало от турецкой резни в единоверную Россию, в основном в Одессу и Таганрог. Знаменитый Варвакис выстроил в Таганроге мужской греческий монастырь. Эти оливковые лица, масляно-черные глаза и орлиные носы опять напоминали государю о нерешенном восточном вопросе, но он отгонял эти мысли.

Ему здесь нравилось: «воздух прекрасный, вид на море, жилье довольно хорошее», — писал он графу Аракчееву, по обыкновению выражая ему свою неизменную любовь и приглашая его приехать.

Но едва государь послал это письмо, как запоздавшая и ужасающая весть донеслась из Петербурга: 10 сентября в Грузии была зарезана Настасья Федоровна.

Сия попечительная домоправительница графа, столь хорошо известная государю, была убита, по первым сведениям, кем-то из дворовых людей. Но государь сразу же не поверил в это.

Письмо графа Аракчеева от 12 сентября было преисполнено отчаяния:

«Случившееся со мною несчастье, потеряннем верного друга, жившего у меня в доме двадцать пять лет, здоровье и рассудок мой так расстроило и ослабило, что я одной смерти себе желаю и ищущу, а потому и делами никакими не имею сил и соображения заниматься. Прощай, Батюшка, вспомни бывшего тебе слугу; друга моего зарезали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротевшую свою голову преклоню, но отсюда уеду».

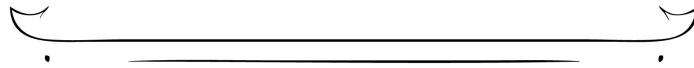
Граф Аракчеев самовольно передал командование поселенными войсками генералу Эйлеру, а вверенные ему гражданские дела статс-секретарю Муравьеву. В предписаниях этим двум лицам от 11 сентября такое распоряжение оправдывалось одною и той же причиной: «по случившемуся со мною несчастию и тяжкому расстройству моего здоровья, так что я никакого соображения не могу делать по делам мне вверенным».

— В такое время! — воскликнул государь. — *Mais c'est impossible!*

«В такое время»: в гвардии смутно, во Второй армии заговор, Ермолов под сомнением, Кочубей за границей, повсюду козни либералов! Нет, нельзя, невозможно в эту пору лишиться своей правой руки!

— Убийство в Грузии есть дело политическое, — сказал он Дибичу. — Оно совершено из ненависти к графу, чтобы удалить его от дел. Это часть обширного заговора, с коим боролся граф Алексей Андреевич.

22 сентября государь писал графу: «Твое положение, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оно почувствовало... Приезжай ко мне: у тебя нет друга, который бы тебя искренне любил. Место здесь уединенное.

Будешь ты жить, как ты сам расположишь. Беседа же с другом, разделяющим твою скорбь, несколько ее смягчит. Но заклинаю тебя всем, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а с отечеством и я неразлучен. *Ты мне необходим...* Вспомни, сколь многое тобою произведено, и сколь *требуется все оное довершения*».

Государь уверил себя, что граф Аракчеев один способен довершить раскрытие и искоренение заговора.

Приписывая убийство Настасьи либералам, государь, как и в Семеновской истории, заблуждался: ее убил графский повар, мстя за свою сестру, искалеченную Настасьей. Убил при молчаливом сочувствии всей дворни.

Граф Аракчеев, добираясь до преступника, уже рвал своим дворовым ногтями, ломал суставы и обдирал им спины хвостатыми плетями, но они молчали, спаянные общей ненавистью и общим терпением.

Государыня приехала в Таганрог 23 сентября. Венценосный супруг встретил ее в большой заботе и нескрываемой печали.

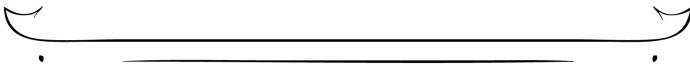
Около середины октября государь предпринял короткую поездку в Землю Войска Донского, посетил Новочеркасск, Аксайскую станицу и Нахичевань. Он обласкал старых казаков, ветеранов двенадцатого года, покорителей Парижа, из коих некоторые еще немного помнили по-французски. Он полюбовался на чернобровых станичных красавиц и отведал искусную их стряпню. Он чувствовал себя спокойно на тихом Дону, среди всеобщей благоговейной преданности.

Но уже 15 октября государь вернулся в Таганрог, и прибывший из южных поселений генерал де Витт сообщил государю чрезвычайно важные сведения о тайных обществах и их руководителях.

Государь приказал Ивану Осиповичу де Витту продолжать свои открытия и 27 октября в сопровождении Дибича отправился в Крым.

Глубоко скрытая тоска съедала само существование Александра Благословенного.

I

Устав от шумной Москвы, разочарованный любовными неудачами, соскучившись по старым друзьям, Александр Сергеевич Пушкин 24 мая 1827 года вернулся в Петербург.

Когда они встретились с Дельвигом после семилетней разлуки, оба были так взволнованы, что целовали руки друг другу.

На другой же день после приезда Пушкин читал у Дельвига своего «Бориса Годунова». Кругом были давно знакомые, дорогие лица. Пушкин душевно согрелся среди них, снова почувствовал себя дома, а не в гостях. Хотя он родился в Москве, весёлая юность его прошла в Петербурге; то было место его первых поэтических триумфов.

Давняя любовь его Анна Керн обрадовалась его приезду и провела с ним целый день в доме стареющего Сергея Львовича Пушкина в дружеской болтовне и воспоминаниях. Это была уже не та строгая девушка, какую он когда-то впервые увидел в доме Оленина, президента Академии художеств. Искушённая в амурных приключениях светская дама предстала перед Пушкиным. Они всё сказали друг другу глазами...

Но обещание лёгкой победы не могло заполнить пустоту в душе поэта. Как ни славил он в своих стихах служение Вакху и Венере, а все же его вечно тянуло к настоящему счастью. Он и сам не очень-то верил в его возможность. «На свете счастья нет, а есть покой и воля», — писал Пушкин. Воля была его божеством, но для творчества, для плодотворных дум поэта не менее важен был «покой».

— Александр Сергеевич, будете ли вы завтра у Олениных? — спросил его Гнедич. — Чай, не забыли ещё дорогу?

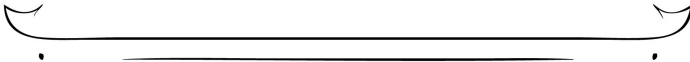
— Всенепременно! — весело откликнулся Пушкин. — Я никогда не забуду, сколь многим я ему обязан.

Он помнил, как Оленин семь лет назад хлопотал за него, когда Пушкину угрожала ссылка в Соловки; правда, эти хлопоты президент Академии художеств предпринял по настоянию Гнедича, который плакал, узнав, что Пушкина ссылают.

Все это были чудесные, культурные, образованнейшие люди!

Оленин был артиллерийским генералом, прежде чем стать академиком. Историк и археолог, крупнейший деятель русской культуры, гостеприимный и радушный, он словно нарочно был создан для роли руководителя изысканного кружка учёных, артистов, писателей. Его трехэтажный особняк на Фонтанке был полон знаменитостей. Но как только солнце начинало согревать землю, Оленины перебирались в своё Приютино — прекрасную дачу за Охтой.

Сюда и приехал Пушкин с Гнедичем вскоре после возвращения поэта в Петербург.

II

— Да, места здесь чудесные! — сказал Пушкин.

Одетый в чёрный сюртук и белые летние панталоны со штрипками, он стоял рядом со скамейкой, на которой сидела Аннет Оленина, и обмахивался своей шляпой, оглядываясь по сторонам. Барский дом в Приютине стоял над рекой и прудом, окаймлённым дремучим лесом. Перед домом, среди цветников, расхаживали павлины. Пушкин и Аннет отстали от общества, вышедшего на прогулку, и увлеклись разговором.

— Вы переменялись на диво! — сказал Пушкин. Аннет рассмеялась.

— Вы знали меня девочкой двенадцати лет, не так ли?

Теперь она стала прехорошенькой миниатюрной девушкой с глубокими карими глазами и золотисто-каштановыми локонами. Эта крошка в семнадцать лет была назначена фрейлиной к императрицам Марии Федоровне (матери царя) и Елизавете Алексеевне (вдове Александра I). При дворе она считалась одной из первых красавиц, но кроме того выделялась блестящим и игривым умом, редкой образованностью и художественным вкусом.

Они с Пушкиным заговорили об искусстве и не заметили, как остальные ушли вперёд. Тогда Аннет предложила вернуться и выбрала эту скамейку недалеко от дома. Пушкин открыл, что она сама пишет стихи. Но как он ни упрасивал её, Аннет не пожелала прочесть ему хотя бы несколько строк.

— Читать мои детские каракули первому поэту России? Да ни за что в жизни!

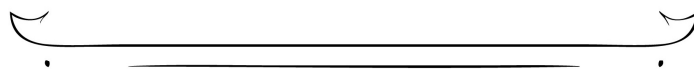
Он покраснел. Положительно, эта маленькая резвушка умела быть любезной...

— Вот вы где! — раздался приятный старческий голос. — Уже познакомились заново?

— Вообразите, папа, — воскликнула Аннет, — мсье Пушкин ставит Ариосто выше Байрона! Не правда ли, это совсем не соответствует тому, что говорят о мсье Пушкине в обществе?

Маленький живой старичок, одетый по-дачному, без своих звёзд и орденских лент, Алексей Николаевич Оленин выглядел обыкновенным добреньким сельским жителем, патриархальным помещиком средней руки. Но Пушкин, говоря с ним, отлично помнил, что это действительный тайный советник (высший гражданский чин в России), член Государственного Совета и что к этому симпатичному старичку благоволит государь император Николай Павлович.

Пушкин умело навёл разговор на любимую тему Оленина — русские древности. Старичок оживился, заиграл, развернул свои обширные знания. Пушкин вежливо оспаривал некоторые из его суждений, чтобы затем согласиться с доводами своего оппонента и признать его правоту. Когда же Пушкин в споре о загадочном

выражении «злато Бусово» процитировал большой отрывок из «Слова о полку Игореве», поражённый и растроганный Оленин воскликнул:

— Неужто вы — Неужто вы до сих пор помните «Слово» наизусть?

— Я и в смертный час его не забуду, — сдержанно и с достоинством отозвался Пушкин. — В Бояне чту я праотца русской поэзии.

— И в нынешней молодёжи едва ли найдутся трое таких, как вы! — сказал Оленин.

В этот миг он по-настоящему любил Пушкина.

III

Быстро пролетело короткое петербургское лето. Пушкин провёл немало времени в Михайловском, откуда привёз богатую жатву своего поэтического досуга. Настала зима. Пушкин вёл рассеянную жизнь, много играл и чаще всего проигрывал; друзья удивлялись, когда он успевает писать. По-прежнему он бывал у Олениных, и Аннет всё больше занимала его.

Но рядом с Пушкиным находилась не она, а лукавая, очаровательно-фривольная Анна Керн. И в самую пылкую пору их связи Петербург вдруг огласился пушечными залпами. Это было 14 марта 1828 года.

Салюты не смолкали весь день. Столица империи праздновала почётный и выгодный мир с Персией. Молодой дипломат Грибоедов прибыл от Паскевича с текстом Туркманчайского трактата: к империи присоединились ханства Эриванское и Нахичеванское, шах обязался заплатить двадцать миллионов военной контрибуции. По сути дела, пушки гремели в честь Грибоедова...

На другой же день император Николай принял Грибоедова, одного из главных авторов Туркманчайского договора. Два года назад этот изысканный денди сидел под крепким караулом в Главном штабе и ждал решения по делу о его связях с заговорщиками 14 декабря. Теперь все переменялось. Император наградил его чином, алмазным крестом и четырьмя тысячами червонцев.

Теперь его карьере завидовали. 14 апреля император назначил Грибоедова полномочным «министром» (посланником) в Персию. Но до отъезда автор «Горя от ума» успел ещё встретиться с друзьями и повидать свет. В доме издателя «Отечественных записок» Свиньина молодой посланник в присутствии Пушкина читал отрывок из своей новой трагедии «Грузинская ночь». Пушкин жадно присматривался к своему давнему приятелю: Грибоедов пожелтел от лихорадки, загорел и облысел. Они перекинулись немногими словами. Оба хорошо понимали друг друга, а поговорить по душам не могли: слишком много было кругом чужих и любопытных ушей. Оба читали в глазах друг друга память жаркой молодости и друзей, которых навеки утихомирила петля или остудила Сибирь.

9 мая небольшая компания совершала увеселительную прогулку по Финскому заливу: Оленин со своей прелестной дочерью, Пушкин, его друг Вяземский и модный английский художник Дау. Как всегда, толпа провожающих и зевак собралась на набережной посмотреть на отплытие «пироскафа».

— Счастливого пути! Бон вояж! — кричали провожающие, махая платочками, когда дым из трубы «пироскафа» пошёл гуще и чернее, колёса завертелись и судно отвалило от пристани.

— Подумать только! — сказал Вяземский Оленину. — Каких-нибудь тринадцать лет назад в Петербурге впервые увидели «пироскаф», сие чудо девятнадцатого столетия, а ныне здесь совершенно освоились со столь удивительным способом передвижения.

— Столичные жители, — ответил Оленин, — всегда следуют горацеву правилу: «Ничему не удивляться».

— Хоть Горация и не читывали.

— То ли мы ещё увидим в наш изобретательный и промышленный век! — вмешался Пушкин — не то с энтузиазмом, не то с насмешкой.

— А тебе этого мало? — возразил Вяземский. — Судно, идущее противу течения и ветров, помощью одного только пара, вращающего колеса...

Машины гудели, из трубы валил дым, колоса парохода вспахивали балтийскую волну, и пенистый след змеился за кормой. С наслаждением вдыхая знакомо-солоноватый воздух «свободной стихии», Пушкин стоял рядом с Аннет. Ей льстило подчёркнутое внимание поэта, слегка возбуждали и раздражали его добродушные колкости, и она соперничала с ним в обычных остротах светского разговора. Оленин, поглядывая на них, все чаще задумывался. Пристроившись неподалёку от молодых людей, Дау украдкой набрасывал портрет известнейшего русского поэта.

Внезапно обернувшись, Пушкин поймал его за этим занятием.

— Донт вейст юр тайм, сэр! — сказал Пушкин. — Ю хэв бифор ю э модл мор ворс пейнтин!

И он взглядом указал англичанину на Аннет Оленину. Дафу не понял и попросил Пушкина повторить по-французски. Пушкин расхохотался. Он изучал английский язык по книгам и сам первый потешался над своим произношением. Смеясь, он повторил художнику по-французски, что лучше бы Дау нарисовал Аннет Оленину, чем тратить время на него — Пушкина.

И тут же, на пироскафе, заняв у Дау карандаш и лист бумаги из альбома, Пушкин написал стихотворение, обращённое к художнику:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуи Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Стихотворение вызвало всеобщий восторг. Аннет задумалась и забыла на лице улыбку. А ведь это не шутка: такая безделушка — а останется в памяти у людей. Пушкин забавен, порою неловок в своих ухаживаниях, но как велика его власть! Втайне она дорожила его растущей привязанностью.

Уже по возвращении в Петербург Вяземский на правах старого друга заговорил с Пушкиным:

— Уж не влюблён ли ты в эту севрскую куколку?

— Ошибаешься! — отозвался Пушкин. — Куколкой её грех назвать, она жива и остра.

— Ты прав, не спорю. Я назвал её куколкой по её миниатюрности: она бойкая штучка. Мала и резва, как мышка.

— Ты заметил, какие у неё крохотные ножки?

— Ну, ещё бы! Что ещё нужно влюбленному арапу?

— Ну, а глаза, глаза, бесчувственное ты создание?

— Влюблён! — воскликнул Вяземский. — Горбатого могила исправит. Мало тебя учили все мышки, лягушки и прочие прелестные зверушки большого света?

— Она другая! — воскликнул Пушкин.

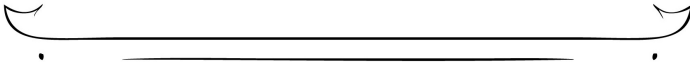
— Ну, конечно! ОНА всегда «другая»!

Аннет записывала в своём дневнике: «Он умён, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен». Манеры Пушкина, при всей его любезности слишком непринуждённые, порой шокировали эту истую дочь чинного Петербурга.

IV

16 мая 1828 года в palazzo Лаваль был большой съезд. Этот дом знал весь Петербург: дворец Лавалей славился своим богатством и несчастьями. Судьба семейства Лаваль была столь необычна, что о ней стоило бы сказать несколько слов.

У Екатерины Великой был статс-секретарь Козицкий, из обедневшей дворянской фамилии с Украины. Он очень выгодно женился на Мясниковой, одной из четырёх дочерей Ивана Мясникова, которым достались все гигантские богатства горнозаводчиков Мясниковых и Твердышевых. Память об этих династиях ещё по сей день не изгладилась на Урале. Дочь Козицкого Александра Григорьевна почти за 30

лет до изображаемых нами событий вышла за графа Лаваля, бежавшего от французской революции, и в самом начале XIX века они выстроили себе в центре Петербурга, близ Невы, роскошный дворец, для которого беломраморные фризy и цветные плиты мелкой мозаики — мраморный пол — были вывезены с острова Капри, из древнего дворца римских цезарей (можно себе представить, каких денег это стоило!).

Лавали жили благополучно, растили детей, граф «Иван Степанович» делал придворную карьеру... Потом на это великолепное семейство словно обрушилось проклятие.

У них был только один сын, и в 1825 году этот двадцатилетний юноша застрелился в пензенском имении своей матери. Одна из их дочерей, Екатерина Ивановна, вышла замуж за князя Сергея Трубецкого, одного из «лучших женихов России» (и по родовитости, и по карьере). Вдруг оказалось, что князь был очень замешан в деле 14 декабря и чуть ли не на коленях вымолил себе жизнь у государя. Его отправили в Сибирь, и молодая княгиня Трубецкая, дочь графа Лаваля, поехала за ним... В свете Лаваля немного жалели, а больше презирали.

И вот 16 мая графиня Лаваль устроила у себя званый вечер, на котором попросила Пушкина читать отрывки из «Бориса Годунова», до сих пор ещё не опубликованного. Она созвала на вечер цвет петербургского общества. Среди гостей были и Адам Мицкевич, которого в столице чуть не носили на руках, и Александр Грибоедов, самый удачливый из русских писателей: ещё бы — в тридцать два года уже полномочный министр в Персии!

Злые языки, особенно дамские, завистливо изощрялись в остроумии по поводу роскоши Лавалей:

— Дают пиры и балы, когда дочь и зять изнывают в дебрях Сибири!

— Несчастлиная Катрин! Выросла на этих мраморных плитах, по которым ходил сам император Нерон, чтобы затем утопать в снегах Сибири!

— Но каково её благородство, каково самоотвержение! Не побояться Сибири...

Слово «Сибирь» было неотъемлемо связано с великолепием палатцo Лаваль.

— Сам Сергей Трубецкой вёл себя далеко не столь благородно.

— К н я з ь Сергей Трубецкой...

— Пусть князь, если вам так угодно, мадам.

Трубецкой, как и все государственные преступники, был лишен всех прав, титулов и дворянства. Называть его прежним титулом — означало маленькую «оппозиционность». Ещё два года назад так не говорили в свете. Но за два года что-то случилось с обществом: то ли оправилось от страха, то ли начало прислушиваться к зову милосердия... Ругать декабристов вышло из моды

В этот вечер Пушкин читал сцену у фонтана. Она произвела великолепное впечатление: свет находил самозванца привлекательным, а Марину Мнишек чрезвычайно натуральной.

Только после чтения, приняв поздравления и обменявшись с комплиментом с графиней Александрой Григорьевной, Пушкин смог поговорить с Грибоедовым.

— Поздравляю тебя с монаршей милостью, Александр Сергеевич.

— Ты тоже считаешь это милостью? — желчно возразил Грибоедов.

— Разве ты не понимаешь, что это политическая ссылка?

— Ты думаешь?

— Это само собой видно. Государю угодно держать меня подале не только от Петербурга — от России! Не дай бог, я напишу ещё одно «Горе уму». Одному тебе скажу как брату: он боится словесности!

Грибоедов важно покивал своей худой птичьей головой, и свет люстр запрыгал в стёклах его очков. Пушкин, считавший Грибоедова умнейшим человеком в России, напряжённо слушал.

— Да, он боится словесности, а пуще всего — рукописной! — повторил Грибоедов. Вид у него был невесёлый. Без слов было понятно, что «министру-резиденту» вовсе не хотелось ехать в Тегеран. Пушкин пытался рассеять его мрачные предчувствия.

— Ты ещё не знаешь этих людей, — отвечал Грибоедов. — Увидишь, дело дойдёт до ножей... Там моя могила. Чувствую, что не увижу более России. Рука об руку прошли они по залам дворца, привлекая всеобщее внимание. Пушкин почувствовал духоту от ламп и взял мороженого. Грибоедов смотрел, как он ест, словно стараясь его запомнить.

— Не понимаю, как ты можешь есть мороженое. Мне даже и в этих палатах зябко.

— Ты привык к южному солнцу.

— Просто Петербург — холодный город. Холодные сердца, казематы, женщины и шутки! Ты знаешь, Москва глупее, но сердечнее.

— «Где лучше? Где нас нет!» — ответил Пушкин цитатой из Грибоедова.

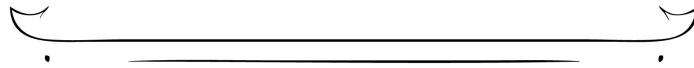
Тот молча улыбнулся и сжал его руку.

Рука Грибоедова была суха и горяча.

Это была их последняя встреча — при жизни.

V

В мае Пушкин снова гостит у Олениных в Приютино. Молодёжь, собравшаяся в этом благословенном гнезде, затеяла горелки: тогда ещё дворянство не чуралось

забав простонародья. Аннет бегала превосходно, но Пушкин догнал её. Запыхавшись и раздумываясь, она быстро проговорила по-французски:

— Если б не эти корни и кочки, ты никогда не догнал бы меня!

Восхищенный Пушкин замер перед ней, не зная, чем объяснить эту внезапную интимность тона. Аннет вдруг осознала сказанное и смутилась.

— Ах, прошу прощения, мсье Пушкин! Я забылась.

— И как вы прекрасно забылись! — ответил он. В этот вечер он уехал в город, но на другой день вернулся в Приютино. Подойдя в саду к Аннет, он с необычной радостью попросил её принять от него стихотворение в память о вчерашнем приключении. Аннет развернула тонкий листочек лучшей бумаги и прочла тщательно перебелённые строки:

Пустое *в* *ы* сердечным *т* *ы*
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *в* *ы* милы!
И мыслю: как *т* *е* *б* *я* люблю!

Аннет Оленина, фрейлина императорского двора, вспыхнула и медленно сложила листок бумаги.

— Однако это становится серьёзным, — сказала она.

— Это всегда было серьёзным, дорогая Анна Алексеевна, — тихо ответил Пушкин.

...И все же она допускала его ухаживания. Уж очень велико было тщеславное удовольствие видеть у своих ног знаменитого поэта и остролова, столь кроткого, покорного, нежного. Это была игра, но какая занимательная игра! И в своём дневнике она признавалась самой себе, что он — «самый интересный человек своего времени».

В свете уже знали о новой страсти Пушкина и как водится судачили о ней.

— Берегитесь, как бы ваша питомица не сделала ошибки! — говорили петербургские матроны Ивану Андреевичу Крылову, большому другу Олениных.

— Пустое, матушка! — лениво отвечал в таких случаях Крылов.

— Аннеточка — умница, а Пушкин прост: она с ним сладит и любую пиэсу разыграет — увидите!

Когда Вяземский написал стихотворение «Чёрные очи», в котором воспевал знаменитые глаза фрейлины Россет, Пушкин сочинил ответ и вписал его в альбом Аннет Олениной:

Она мила — скажу меж нами -
Твоя Россети егоза,

И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

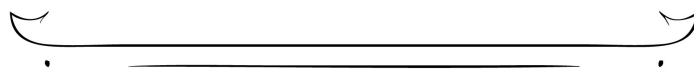
Он имел в виду одного из ангелов «Сикстинской Мадонны» — картины, которые знал лишь в копиях и очень любил. В черновой тетради, когда застревала рифма, он в задумчивости пробовал на все лады анаграммы из фамилии и имени Олениной: Aninelo (Оленина наоборот) или Etenna (перевернутое Annette). Однажды он даже рискнул на бумаге сменить её фамилию и написал: «Annette Rouchkine» — но потом, словно испугавшись, старательно зачеркнул и замарал эти дерзкую пробу пера (как бы не сглазить!).

Он скучал, не видя Аннеты, тратил время на карты или пытался читать. В июле 1828 года Вяземский писал ему из Москвы: «Слышу от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал дня них без вести, а несётся один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли?»

Пушкину хотелось забыться. Он проклинал Петербург и стремился вон из него. Ему не позволили принять участие в войне с Турцией, которая разгорелась весной этого года, не разрешили выезда в Париж. Снова показалась на горизонте опасность: всплыло дело об озорной поэме «Гавриилиада», в которой он когда-то пародировал священное писание. Пушкин заявил, что поэма писана не им, что он лишь переписал её, будучи лицеистом. Ожидая, чем кончится эта неприятная история, он учился английскому языку, читал в оригинале Вордсворта, остальное время проводил на дачах своих друзей и знакомых. Когда уехали из Петербурга его партнёры Киселев и Полторацкий, Пушкин на время оставил игру.

11 августа он снова в Приютино — у Аннеты день рождения, ей двадцать лет. Полушутя, полусерьезно она допрашивает его:

— Что это за слухи доходят до нашего сельского уединения говорят, вы стали конфиденantom мадам Закревской?

— Клевета и наговоры! — с жаром отве­дает Пушкин. — Мы с ней просто большие приятели — свет несправедлив к ней она *добрый малый*! Он испытывает неизъяснимое наслаждение: кажется, Аннет ревнует! В Прию­тине — изобилие грибов, черники, костяники, а потом наступает черёд брусники, из которой в Петербурге готовят освежающую брусничную воду. Все Приютино ходит по ягоды: в доме остаются тишь сам Алексей Николаевич Оленин и Крылов, погружённые в воспоминания или сладкую стариковскую дрему. Пушник, идя по лесу рядом с Анкет, тихо говорит ей:

— Итак, я могу надеяться?

— Вы знаете, как я ценю вас, — отвечает она. — Но в таком серьёзном деле я все предаю воле папа.

Пушкин светлеет: он знает, что Оленин всегда был поклонником его поэзии. С радостной боязнью ждёт он удобного момента, чтобы поговорить с Олениным. Но старик как будто избегает своего (прежде столь желанного) гостя. Его невозможно застать врасплох: постоянно кто-то рядом с ним. И первое горькое сомнение закрадывается в душу Пушкина.

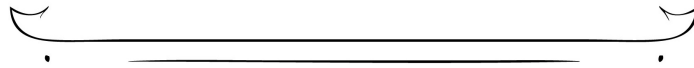
VI

Давнее правительственное расследование об элегии «Андрей Шенье», запрещённые отрывки из которой распространялись в рукописных переделках, наконец, пришло к концу.

13 августа 1828 года председатель Государственного Совета граф Кочубей пишет главнокомандующему столицы графу Толстому:

«По уголовному делу, о кандидате 10-го класса Леопольдове производившемся и в Государственный Совет по порядку поступившему, замешан был известный стихотворец Александр Пушкин. Правительствующий Сенат, освобождая его от суда и следствия силою все­милостивейшего манифеста 22 августа 1826 года, определил обязать подпискою, дабы впредь никак своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать и публику, под опасением строгого по законам взыскания. Таковое положение Правительствующего Сената удостоено было высочайшего утверждения. Но вместе с сим Государственный Совет признал нужным к означенному решению Сената присовокупить: чтобы по неприличному выражению Пушкина в ответах насчёт происшествия 14-го декабря 1825 года и по духу самого сочинения его, в октябре месяце того года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор».

Пушкина вызывают в канцелярию петербургского военного генерал-губернатора и приглашают дать подписку в том, что впредь он никаких своих сочинений до цензурного разрешения не будет «выпускать в публику». О секретном

надзоре полиции, он, конечно же, ничего не знает. Но история с «Гавриилиадой» продолжается.

1 сентября он пишет Вяземскому письмо, специально рассчитанное на «чёрный кабинет», на мастеров незаметного вскрытия печатей и обратного запечатывания.

В этом письме он говорит: «Ты зовёшь меня в Пензу, а того и гляди что я поеду далее, «прямо, прямо на восток». Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец Гавриилада; приписывают её мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм. Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность». Вяземский, конечно, прекрасно знал, что покойный Дмитрий Горчаков не писал «Гавриилиады»...

И внезапно Пушкин заметил, как скучен и холоден Петербург, как безнадёжно небо эпохи над шпилем Петра и Павла — и как удачно вписывается в этот строгий, высочайше дозволенный пейзаж «умная Аннеточка»! Тогда-то и родились в его уме печально-насмешливые строки о Петербурге:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.

Тоска овладевает им. Как ему хотелось покоя! И в глубине душ — сам себе еле смея в том признаться — как лелеял он мечту о новых Пушкиных, о смуглых младенцах с такими же вьющимися волосами, наследием чёрного прадеда!

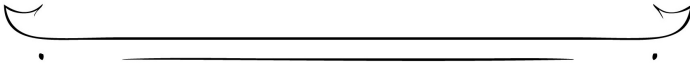
Неужели он снова ошибся?

Его неуверенность уже замечают друзья. С Анной Керн, которую по-приятельски посвятил в треволения своего романа, Пушкин совершенно откровенен. Однажды они перелистывают парижское издание знаменитых «Капризов» Гойи (испанское название «Капричос» привилось в России позднее. У них про исходят спор об излюбленном женском типе в рисунках Гойи.

— Но взгляните-ка, вот эта фигура действительно изящна! — говорит Керн, — И какие у неё миниатюрные ножки в этих тонких испанских туфельках!

— Это ещё не признак совершенства, — отвечает Пушкин. — Вот, например, у ней вот какие маленькие ножки, — он показал размер руками, — да чёрт ли в них?

Анна Керн засмеялась и погрозила ему пальцем: она знала его пылкий характер и понимала, что Пушкин не в силах только любоваться красотой, которая остаётся недоступной. Долго ли он будет вздыхать, любуясь Олениной?

Красавица Закревская, уже снискавшая в свете самую скандальную репутацию, забавляла его своими откровенными рассказами и своим остроумием с оттенком наглости, но никогда не могла сколько-нибудь серьёзно задеть его сердце. Позже в одном из вариантов «Онегина» он назвал её «Клеопатрой Невы». Нет, в мыслях Пушкина была одна только Аннет Оленина.

И он не выдержал этой неопределённости. Он умолил Дельвига поговорить с Олениным. Отнюдь не от имени Пушкина — никакого сватовства! Просто узнать, что думает старик и допускает ли он возможность такого мужа для своей Аннет.

Дельвиг славился своей ленью, но для Пушкина он решился на этот подвиг. Вздыхая и ворча, он тщательно оделся и даже повязал модный галстук, который всей душой ненавидел. Друзья придумали предлог для визита Дельвига к президенту Академии художеств.

Пушкин не выходил из дома Дельвига, ожидая его возвращения. Наконец, вновь послышался топот конских копыт, стук коляски и тяжёлая поступь барона.

Пушкин бросился к нему навстречу: — Ну, что?

— Забудь! — кратко ответил Дельвиг. — Он не хочет говорить об этом.

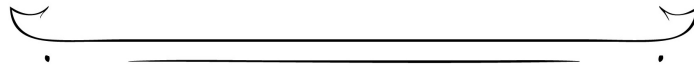
И обиженный за друга, обычно столь флегматичный барон отпустил по адресу президента крепкое словцо.

Пушкин побледнел. Всё было ясно. История предстала перед ним с другой стороны.

Да, он не имел ни состояния, ни положения в обществе. Рад Пушкиных давно захудал, не имел в своих ветвях ни генералов, ни министров, ни тайных советников. Что толку в их знатности и славных предках? Нынешние Пушкины славились только находчивостью и каламбурами. Свет привык к анекдотам о Пушкиных, а в особенности — о нём, Александре Пушкине! Не отдавать же Оленицу свою дочь за героя анекдотов.

Он не знал самого главного. Не знал, что за ним учреждён секретный полицейский надзор и что добряк Оленин в качестве члена Государственного Совета сам подписывал постановление об учреждении этого надзора — вместе с другими членами Совета. Не мог Оленин выдать дочь за человека, за которым сад учредил секретный надзор.

И ещё — чего Пушкин не знал и не подозревал до конца своей жизни, но, может быть, бессознательно чувствовал — сама Аннет мечтала о другом браке. Ей снился блестящий светский лев и вместе с тем безукоризненно образованный и воспитанный человек, но притом с состоянием. Она мечтала о картинах, путешествиях, о самых дорогих итальянских певцах и немецких пианистах, приглашаемых на вечера в её будущем доме. Всего этого Пушкин не мог ей дать.

А он переживал неудачу долго и мучительно. Сердце его никак не могло исцелиться от нежности к этой бойкой и умной девушке, которую он когда-то с любовной насмешкой прозвал «драгунчиком».

Но вот к Оленину он теперь относился по-другому.

В один из долгих осенних вечеров, по-братски скучая возле прихворнувшего Дельвига, он взял с полки любимую книгу — «Опыты в стихах и прозе» несчастного Батюшкова, изданные ещё в 1817 году. Титульный лист книги был украшен затейливой виньеткой: среда облаков — якорь с крылышками (аллегория надежды) и змея, кусающая себя за хвост (вечность). Виньетка означала: «вечная надежда на небеса!»

Пушкин знал, что виньетка гравирована по рисунку старого Оленина, который был и рисовальщиком, и гравёром. Под нею стояла его обычная монограмма: буква О, как бы нанизанная острую вершину буквы А («Алексей Оленин»). Вдруг Пушкин захохотал.

— Ты что? — озабоченно спросил с дивана Дельвиг. — Сам себя щекочешь подмышками?

— Посмотри на эту монограмму! — ответил Душкин, подавая книгу Дельвигу. — Ведь это же нуль на ножках.

Дельвиг взглянул и тоже засмеялся своим сердечным раскатистым смехом. И впрямь — монограмма Оленина напоминала нуль на растопыренных ножках.

Конечно, он не был «нулём». Наоборот, он был весьма примечательной личностью. Но вместо друга Пушкин нашел в нём человека, преданного «порядку», петербургского сановника.

И этого Пушкин не мог ему простить.

И ему вспомнилось: «Холодные сердца, казематы, женщины и шутки».

Р. Г. Назиров

История Польши.
Восстание 1830 года

Предпосылки восстания¹

Из характеристики пана Ячевского в рассказе Льва Толстого «За что?»: «Он юношей вместе с Мигурским — отцом служил под знаменами Костюшки и всеми силами своей патриотической души ненавидел апокалипсическую, как он называл ее, блудницу Екатерину II и изменника, мерзкого ее любовника Понятовского, и так же верил в восстановление Речи Посполитой, как верил ночью, что к утру опять взойдет солнце. В 12-м году он командовал и в войсках Наполеона, которого он обожал. Погибель Наполеона огорчила его, но он не отчаивался в восстановлении, хотя и искалеченного, но все-таки Царства Польского. Открытие сейма в Варшаве Александром I оживило его надежды, но Священный Союз, реакция во всей Европе, самодурство Константина отдаляли осуществление заветного желания...»

Национально-освободительное движение в Конгрессовом Крлевстве^{*} — развивалось тайно, под постоянной угрозой репрессий Зимнего дворца. Царизм постоянно нарушал конституцию 1815 года, что вызывало возмущение поляков.

В 1826 году умер наместник царя — генерал Зайончек, бывший генерал Наполеона, и царь назначил наместником своего брата, великого князя Константина Павловича: по конституции 1815 года наместником русской Польши мог быть или поляк, или член августейшей фамилии. Константин Павлович был женат на польке и хотел разыгрывать в Варшаве роль «обожаемого монарха», но его дикий нрав раздражал поляков.

Они стремились к восстановлению конституционного режима, нарушенного самодержавием.

Шляхта конспирировала в ложах «национального масонства», из которого выросло Towarzystwo Patriotyczne: его целью было восстановление независимого Польского Королевства в его прежних границах (как до разделов или по-польски rozbioryw, инициатива которых исходила от ненавистой Екатерины II. В прежних границах означало «od morza do morza» (от Балтийского до Черного).

Но между шляхтой и польским народом лежала пропасть. Польские крестьяне, chłopi, в 1807 году получили от Наполеона личную свободу, но земли не имели,

¹

Мы продолжаем публикацию «Истории Польши», написанной Р. Г. Назировым. О принципах публикации и своеобразии этого труда см. предыдущие части: «Назировский архив» 2014 № 2 и № 3.

^{*} Венский Конгресс 1814-1815 произвел передел Польши: из большей части великого герцогства Варшавского (созданного Наполеоном в 1807) было создано Королевство (Царство) Польское, переданное русскому царю, Пруссия получила Познаньщину, Силезию, Поморье и др. — В польской истории Царство Польское называется Kongresowe Królestwo (ликвидировано как конституционный режим в 1831 году).

арендовали ее у помещиков и владели жалкое существование. Освобождение от экономического рабства было для шляхты важнее, чем освобождение от России.

Католическая религия в Конгрессовом королевстве оставалась государственной, но соблюдалась терпимость и к другим вероисповеданиям. По контрасту с быстрым немечиванием в прусской Польше и на польских землях под властью австрийского императора, нейтральному наблюдателю бросалось в глаза, что в русской Польше всюду звучит польский язык, официальное делопроизводство ведется на польском языке, администрация состоит из поляков.

Угнетение Польши не имело еще ярко выраженного национального характера, но поляки изнывали под гнетом самодержавного деспотизма, шляхта желала восстановления своих традиционных вольностей, средний класс экономически тяготел к западной Европе.

Польская армия, хорошо вооруженная и обученная, с прекрасными офицерскими кадрами (бывшие солдаты Наполеона, «прощенные» царями), не участвовала в турецкой компании 1829 года: причиной тому считали нежелание цесаревича Константина. Он обожал парады и считал, что война портит солдат. Польская армия была его любимой игрушкой.

Заговор с целью убить Николая I во время его коронации польской короной 24 мая 1829 года (spisek koronacyjny Kordiana) не имел результатов.

Когда царь 30 мая 1830 года открыл 4-й сейм, поляки устроили «вызывающую» национальную демонстрацию, которую Николай I охарактеризовал как возможно патриотическую, но определенно вежливую.

Тем временем Патриотическое общество разделилось на «белых» (умеренных) и «красных». Последние еще разделялись на «академиков» (республиканцев) и «военных» (террористов). «Военные» были очень активны, их тайно поддерживал католический костел, который мало делал для «прусских поляков», совсем ничего не делал для поляков Австрийской империи, где католицизм был государственной религией, но зато яростно боролся против ига «схизматиков» в русской Польше.

В 1830 поляков взволновала Июльская революция в Париже. Брожение в русской Польше, особенно в Варшаве, резко усилилось. Через месяц после Июльской революции произошла революция в Бельгии. При первых же известиях об изгнании Бурбонов из Франции император Николай I приказал готовить 250-тысячную армию для похода в Западную Европу.

Поляков, еще больше, чем Июльская революция, воспламенили события в Нидерландах, которые привели к отпадению южной половины Нидерландов и к образованию нового независимого государства — Бельгии, которое поддерживалось правительством нового французского короля Луи-Филиппа. Бельгийская революция

затрагивала лично Николая I, так как его сестра была женой нидерландского последнего принца. Царь хотел помочь дружественному нидерландскому королевству.

Весть о том, что царь хочет использовать польскую армию для подавления бельгийской революции, вызвала сильное негодование в Варшаве.

Несколько удачных арестов, произведенных правительством, показали заговорщикам, что дальнейшие проволочки могут погубить все дело. Под влиянием Июльской революции в Париже и бельгийской революции тайные группы заговорщиков консолидировались, разработали планы революции и предлагали князю Адаму Чарторыйскому, сенатору Российской империи и члену государственного совета, возглавить движение. Князь Адам отказался, но не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать восстанию.

Начало восстания (по Лавису и Рамбо)

В 6 часов вечера 17(29) ноября 1830 Высоцкий вошел в школу подхорунжих (подпрапорщиков) и сказал:

— Братья, час свободы пробил!

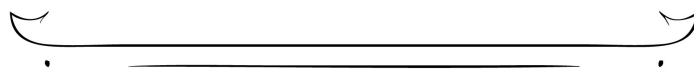
— Да здравствует Польша! — раздался ответный крик, Высоцкий сказал им, что москальи уже начали резню в городе и что надо поторопиться.

В то же время пехотные полки потихоньку вооружились в казармах, а студенты — в Лазенковом лесу.

Высоцкий со 150 подхорунжими напал на казарму гвардейских улан, а 14 заговорщиков побежали к Бельведеру. Сообщники отперли им решетки, окружавшие дворец. В момент, когда они готовились напасть на великого князя, обер-полицмейстер Любовицкий, пришедший к князю с докладом, поднял тревогу и упал, проколотый штыками. Константин, в одном шлафроке, успел бежать и спрятаться в каком-то тайнике. Заговорщики не посмели вломиться к княгине Лович, но убили генерала Жандра. Потом им пришлось удалиться, так как подоспели русские. Константин спасся.

Высоцкий потерпел неудачу у казармы улан. Вскоре к нему на помощь подошли 2000 студентов и толпа рабочих. Дорогой Высоцкий приказал перебить генералов Гауке, Новицкого, Трембицкого и других, виновных в верности своей присяге. Русские полки могли бы подавить восстание в самом начале, но отрезанные в своих казармах, не получая никаких известий и никаких приказаний от великого князя, солдаты бездействовали. С теми из них, кто отважился выйти на улицу, завязался бой.

Большинство польских послов еще сдерживалось своими командирами. Один из них, Жимицкий, даже увлек за собой гвардейских конных егерей, защищал во

главе их Краковское предместье и двинул за великим князем, которому удалось бежать за город.

Ночью Константин призвал к себе русские полки, и в 2 часа пополуночи Варшава была совершенно свободна. Княгиня Лович последовала за мужем.

Константин держался очень странно. Когда ему обещали верную победу над мятежниками, он вдруг сказа:

— Вы можете ошибиться: польские войска — лучшие в Европе, и ничто, ручаюсь, не в силах противостоять солдатам, мною воспитанным.

Ему предложили взять город обратно, но он ответил:

— Не желаю вмешиваться в эту польскую драку.

Переворот был совершен «красными». Русские генералы были все пощажены, но шесть польских генералов было убито. Что оставалось делать «белым» — партии Чарторыйского и Калишской оппозиции? Кабинет после убийства военного министра Гауке распался. Оставался Любецкий, министр финансов. Заливский, предупредив, что за ним будут следить, оставил Любецкого на его посту. Командование войсками он предложил генералу Хлопицкому, наполеоновскому ветерану, который отказывался принять это звание от «бунтовщиков», но принял от административного совета.

На Любецкого были возложены труднейшие задачи — добиться удаления Константина, охранять среди анархии законность и конституцию. 30 ноября Любецкий собрал адм<инистративный> совет, который в своем воззвании определил переворот как событие «столь же прискорбное, сколь неожиданное», и делал вид, что управляет от имени «Короля».

Начало восстания

Вечером 17 (29) ноября 1830 года в Варшаве произошел военный путч. Небольшая группа заговорщиков — подхорунжих проникла во Дворец Бельведер, когда великий князь прилег отдохнуть. В последний момент, услышав крики «Смерть тирану», шум и звон оружия, он вскочил с постели в одной сорочке; его спас генерал Любовицкий, который просунулся в опочивальню Константина, крикнул только: «*Źle, moŹcie księciu!* (Беда, Ваше высочество)» — и тут же был убит подхорунжими. Но цесаревич, предупрежденный Любовицким, успел бежать из опочивальни, переоделся, (т. е. оделся) где-то в одной из верхних комнат, чуть ли не на чердаке, и выскользнул из дворца. Подхорунжие убили также генерала Жандра, приняв его за Константина.

Цесаревич Константин бежал, но восставшие захватили варшавский арсенал и в ночь с 17 на 18 ноября (с 29 на 30) подняли население Варшавы. К заговорщикам

~ ~ ~ ~ ~

присоединились студенты, ремесленники и некоторые части польского войска; захват арсенала позволил заговорщикам вооружить население. Они убили как изменников — военного министра Гауке (родом поляка) и нескольких генералов-поляков, сохранявших лояльность правительству (Станислава Потоцкого, Трембицкого и др.). Несколько русских офицеров попало в плен к восставшим, и в течение ночи кавалерийские отряды цесаревича сделали несколько вылазок в мятежный город с целью их освобождения; большинство русских пленников удалось отбить.

Развитию восстания способствовало крайнее слабодушие цесаревича Константина Павловича. Между русскими частями не было координации; в 7000-м гарнизоне Варшавы было много польских формирований. Поэтому 18 (30) ноября цесаревич с верными частями оставил Варшаву, которая попала в руки восставших.

У восстания не было единого руководства. В польском движении было издавна два течения: 1) аристократическое, во главе с князем Адамом Чарторыйским* и высшими чинами бюрократии и армии (Любецкий, Немюевский и др.), и 2) патриотическое, из мелкой шляхты и интеллигенции, во главе с Лелевелем**, Высоцким, Мохнацким и др. Аристократическая партия высказывалась против вооруженного восстания, но когда оно стало фактом, эта партия тотчас захватила вакантную власть.

Генерал Хлопицкий в ноябре даже скрывался, чтобы избежать приглашения повстанцев возглавить их войска.

В момент восстания власть взял в свои руки Административный Совет во главе с князем Чарторыйским и князем Любецким. Но уже 18 (30) ноября образовался Патриотический клуб, объединивший демократов; главой клуба был Иоахим Лелевель. Клуб потребовал изменения состава Административного совета и введения в него своих представителей. В Административный совет были кооптированы демократы и либералы, в том числе Лелевель, Островский и др.

Тем временем цесаревич Константин учредил свою главную квартиру в селении Вежбна (около трех верст от Варшавы) и вступил в переговоры с мятежниками. Магнатская верхушка восстания искала компромисса с царизмом.

*

Adam Jerzy Czartoryjski (1770-1861) – крупнейший магнат, с 1795 находился при русском дворе, личный друг цесаревича Александра Павловича, а после его воцарения вошел в состав «негласного комитета»; в 1804-1807 был министром иностранных дел Российской Империи. В России его называли Адамом Адамовичем Чарторишским. В соответствии с интересами польской аристократии князь Адам добивался восстановления Речи Посполитой под покровительством России. К началу Ноябрьского восстания князь Адам был тайным советником, сенатором Российской Империи, членом Государственного Совета. Выступил сначала как сторонник компромисса с царизмом.

* Иоахим Лелевель (1786-1861) — выдающийся историк и прогрессивный общественный деятель; один из лидеров демократического крыла в польском освободительном движении.

~ ~ ~ ~ ~

20 ноября (2 декабря) депутация Административного совета явилась из Варшавы в Вежбну к цесаревичу. Островский и Лелевель составляли более смелую половину депутации. Когда цесаревич милостиво заявил, что не хочет мешать полякам и готов им предоставить возможность самим разобраться в случившемся кровопролитии и покарать виновных, Островский крикнул в ответ: «Здесь нет виновных!» Лелевель сказал Константину, что то, что великий князь видит перед собою, есть не бунт, ale powstanie narodowe; он посоветовал Константину покинуть край.

В Вежбну прибыл генерал Шембек и доложил, что его полки идут на помощь великому князю. Заверив Константина в своей преданности, он отправился к своим полкам и застал там эмиссаров из Варшавы. И Шембек повернул в мятежную столицу. Измена Шембека потрясла Константина: он более не мог полагаться на польские части. Они колебались и готовы были нарушить присягу.

В пятницу 21 ноября (3 декабря нов. стиля) цесаревич дал своим польским частям письменное разрешение вернуться в Варшаву. Позже он объяснял это желанием избавить их от позора самовольного перехода к бунтовщикам. Два генерала поляка — плакали, прощаясь с Константином, а один попросил разрешения проводить его до границы, ибо в тот же день 21 ноября, в 10 часов утра, Константин с русскими войсками начал отход из Польши.

Отступление было мучительным из-за осенней распутицы и нехватки самого необходимого, ибо части были подняты 17 ноября по тревоге и бежали из Варшавы налегке. Настроение отряда было подавленным, хотя варшавское правительство запретило нападать на русский отряд или чинить ему какие-либо препятствия. Отряду Константина не было оказано ни малейшего затруднения, и 1 (13) декабря он переправился через Буг, служивший границей русской Польши, а 2 (14) декабря остановился уже на русской территории.

«Карьера моя кончена!» — не раз повторял цесаревич в кругу близких людей. В письмах к Николаю I он оправдывал большинство поляков, сваливал всю вину на кучку озлобленных людей и просил о снисходительности к польской нации. Император отвечал своему старшему брату очень любезно, полностью извиняя Константина, но высказывал весьма решительные намерения.

При получении известий о польском восстании Николай был испуган. По свидетельству его жены Александры Федоровны он принял эти вести «совершенно блѣднымъ, съ измѣнившимся лицомъ».

Место разных партий в движении 1830 года

Коллаборанты были против восстания. Они чувствовали, что оно угрожает им лично. В начале восстания было убито несколько генералов-поляков. Так что вполне понятно, что генерал Красиньский сначала высказался на императора, простив бунтовщиков, а когда эта позиция стала неизбежной — бежал в Петербург, под крыло государя.

«Organiczni» (сторонники «органического развития») тоже были против бунта. Князю Друцкому-Любецкому, Лубеньским восстание портило начатое дело, разрушало с трудом поддерживаемое ими равновесие. Но они не убегали из Варшавы. Они, по выражению, М. Мохнацкого, совершили «nowy rozbiór Polski między braci Łubeńskich». «Органичники» завладели Административным советом, вошли в новое правительство. Томаш Лубеньский в первые дни восстания писал: «Nie piszę do Kochanego Ojca o stanie rzeczy, bo go wcale nie rozumiem, teraz tylko powiedzieć mogę, że powinnoś się każdego jest zaprowadzić nazad przywrycany porządek».

Но центрическая позиция «органичников» оказалась самой уязвимой. Для Towarzystwa Patriotycznego, для «революционистов» Лубенские и все их союзники были ближайшими врагами. Радикалы призывали к бунту против своей, местной власти. Князь Другацкий-Любецкий после нескольких часов переговоров с Мохнацким сказал: «Z tego wszystkiego, co od Mochnackiego słyszałem, co powziąłem przekonanie, iż ma zamiar mnie powiesić».

Но ненависть радикалов вовсе не гарантировала царского одобрения. Другацкий-Любецкий попал в немилость вместе со всем правительством, которое образовал Административный совет: хотя правительство это было умеренным, в глазах царя оно явилось попыткой легализации восстания. Сторонники компромисса так же не нравились царю, как и экстремисты; для жандарма Европы те и другие были бунтовщиками.

Третьей политической ориентацией в Конгрессовом Королевстве, кроме коллаборантов и «органичников», была легальная парламентская оппозиция во главе с братьями Немеевскими. Эта партия высказалась за революцию.

А что с большинством — с простыми людьми? Судьбами солдат правил случай, позиция командования: так, например, upłątany w liczne spiski pułk szaseryw (конных егерей) оказался, в конце концов, на стороне цесаревича Константина — это было определено позицией того же генерала Красиньского.

Большинство просто ожидало развития событий. В ожидании, в испуганном безвластии, рождались мифы. Прежде всего достиг апогея миф о вожде. Он принес ужасающие последствия — привел к жалкой диктатуре Хлопицкого. Как на смех, до него диктатуру предлагали закаменным легалистам, которые были вернее Романовым, чем Польше. С мифом вождя скрестился миф о боевом герое:

очередными вождями охотно избирали тех, которые когда-то (в других странах, в другие времена) показали себя дельными воинами; военный успех должен был гарантировать успехи политические. Отсюда — потрясающий энтузиазм в отношении Хлопицкого.

Но иногда не нужно даже было иметь военного прошлого, ни даже хотеть того, чего хотел народ. 30 января 1831 года сформирован Rząd Narodowy z Adamem Jerzym Czartoryskim na czele, т.е. с вельможей, который возглавлял сторонников конструктивного сотрудничества с царизмом. Это те самые люди, которые презрительно отнеслись к варшавскому восстанию 29 ноября: «zaburzenia przez sto sześćdziesiąt dzieci wszech».

Самым распространенным был миф о порядке. О порядке, которому якобы угрожал якобинизм клубов; о порядке, восстановления которого хотели Лубенские; о порядке, коего именем с дивной последовательностью определяли предыдущую эпоху — эпоху нарушению конституции гражданских прав.

Даже Мохнацкий выступал против парламентаризма — восхвалял правление сильной руки, которое гарантировало бы «настоящий порядок».

Этот миф выражал деморализацию общества, которое отвыкло от свободы.

Дибич, обсуждая в беседе с Вылежиньским свою собственную кандидатуру на пост императорского резидента в Польше, обещал полякам золотые горы за исключением «свободы печати — ее у вас не будет, заранее вас предупреждаю, это вредная вещь, только раздражающая умы». Но подобные речи раздавались в Варшаве, на прениях сейма, — якобы в целях защиты порядка.

А ведь само восстание началось во имя порядка. Во имя конституции, нарушенной цесаревичем, Новосильцевым, двумя царями. По сути дела, восстание было актом легитимистичным. Даже детронизацию Романовых огласили очень поздно, перед лицом неизбежной войны.

К русским не было ненависти. Более того — обращались к русскому народу за помощью против царского деспотизма.

Первым добровольческим формированием в эпоху восстания была gwardia honorowa Хлопицкого, составленная из студентов.

Диктатура Хлопицкого

30 ноября 1830 Любецкий собрал Административный совет, который в своем воззвании определил переворот как событие «столь же прискорбное, сколь неожиданное», и делал вид, что исполняет свои обязанности от имени польского

~ ~ ~ ~ ~

короля. Но 30 ноября образовался Патриотический клуб, который потребовал чистки административного совета и ввода в него новых членов (Владислава Островского, Малаховского, Лелевеля), сохранив, однако, Любецкого. Великий князь Константин, окруженный польскими войсками, готовыми его покинуть, и русскими полками, деморализованными и голодными, чувствовал себя крайне неуверенно. Он поспешил принять уполномоченных административного совета, отказался что-либо обещать от имени брата, но согласился отпустить от себя польские части, обязался не призывать войск Литовского корпуса и перейти через Вислу со своими русскими полками — при условии, чтобы его не тревожили во время отступления и снабдили съестными припасами.

Во время отступления, встречая польских солдат, спешивших присоединиться к восставшей армии, он приказывал им построиться, производил мелочный осмотр и рекомендовал не забывать его добрых советов, повторяя беспрестанно:

— Это мои дети; ведь это я обучал их военным приемам.

Офицерам он говорил:

— Я более поляк, чем все вы. Я женат на польке. Я так долго говорил на вашем языке, что с трудом изъясняюсь теперь по-русски.

...Позже, когда начались военные действия, Константин Павлович при виде того, как польские уланы отбросили русскую кавалерию, не удержался и захопал в ладоши:

— Браво, дети мои! Польские солдаты — первые солдаты в мире!

Он так радовался неудачам Дибича, напевая под его окнами «Jeszcze Polska nie zginęła», что фельдмаршал попросил императора отозвать Константина. Тот умер на пути в Санкт-Петербург, в Витебске, 27 июня 1831. Его последние слова были обращены к княгине Лович:

— Скажи императору, что, умирая, я заклинаю его простить поляков.

4 декабря 1830 окончательно сформировалось временное правительство из 7 членов: кн. Адам Чарторыский, Михал Кохановский, граф Людвиг Пац, Леон Дембовский, Юлиан Немцевич (генерал, поэт и романист), проф. Лелевель, Владислав Островский. В основном — «белые», как и Хлопицкий с Любецким. «Красные» наблюдали за правительством через посредство Патриотического клуба.

Хлопицкий отделался от Высоцкого, отправив его в полк капитаном, и от Заливского, поручив ему организовать восстание на границе Курляндии и Литвы. Подхорунжие, которых Хлопицкий сначала хотел предать военному суду, образовали вместе со студентами «легион чести». 5 декабря Хлопицкий, произведя смотр войскам, на который он явился в наполеоновском мундире, совершил нечто вроде государственного переворота. Он вошел в зал заседаний, поставил в вину членам

правительства их пустые разглагольствования, насилия клубов, недисциплинированность армии, объявил совет распущенным и провозгласил себя диктатором. Он был тогда чрезвычайно популярен.

Хлопицкий постарался успокоить Австрию и Пруссию, обязавшись уважать их границы.

Любецкого и Езерского он послал в Санкт-Петербург для переговоров — ходатайствовать перед «королем» о соблюдении конституции, о свободе и гласности заседаний сейма, вотировании налогов палатами, об охране королевства исключительно польскими войсками и присоединения к Польше «восьми воеводств».

Николай I 3 (15) декабря 1830 после парада объявил своим войскам о «преступлении» поляков, однако прибавил: «Когда вы выступите против поляков, не забывайте, что вы с ними братья единокровные». Он выказал величайшую холодность французскому поверенному в делах Бургоэну и отдал приказ Дибичу о мобилизации русской армии.

17 декабря он обратился к полякам с воззванием, в котором клеймил «гнусное посягательство» 29 ноября; требовал, чтобы послушались «отеческих советов» и «поведений своего короля», приглашая польскую армию следовать примеру «храброго конно-егерского полка» (оставшегося на стороне русских в ночь с 29 на 30 ноября).

Когда эти факты стали известны в Варшаве, они возбудили сильное раздражение в клубах. Адам Чарторыйский счел долгом возглавить депутацию только что созванного сейма и потребовал объяснений у Хлопицкого.

Диктатор высокомерно отказал, заявив, что намерен «управлять именем конституционного короля».

Оскорбленный сейм отнял кандидатуру Хлопицкого, но затем, ввиду бурных протестов армии и народа, возвратил ее, но назначил ему «в помощь» двух комиссаров. Зато Хлопицкий добился приостановки заседаний сейма.

В Санкт-Петербурге Любецкий и Езерский были приняты сначала канцлером Нессельроде, который высмеял требования «восьми воеводств». Когда депутаты были допущены к царю, он повторил им сказанное в воззвании 17 декабря.

Его манифест к русскому народу от 24 декабря, в котором он клеймил поданных, «осмеливающихся диктовать условия своему законному государю», лишил депутатов всякой надежды.

Оставалась Европа, к которой варшавский сейм и обратился, ссылаясь на трактаты 1815 года. Но Николай I договорами о взаимной гарантии уже обеспечил себе соучастие Австрии и Пруссии. Пальмерстон не хотел ссориться с Россией из-за таких незначительных клиентов английской торговли, как поляки. Во Франции мнения разделились.

Передовая партия ссылалась на 20-летнее братство по оружию, на славную память Домбровского и Понятовского, на необходимость в интересах Европы не дать погибнуть свободной нации. Но партия, желавшая остановить революцию во Франции и Европе, стала у власти 13 марта 1831 в лице Казимира Перье. Тогда Николай, на время отказавшись от высокомерного предубеждения против Июльской монархии, послал верительные грамоты своему послу в Париже Поццо ди Борго и дал понять, что ему будет приятно снова видеть послом в Санкт-Петербурге графа де Мортемара. Последний получил инструкцию: в тех случаях, когда речь пойдет о Польше, руководствоваться только текстом трактатов 1815 года.

В Варшаве не могло образоваться умеренное правительство. Партия действия, находившаяся в сношениях с Лаффитом и с франко-польским комитетом в Париже, насчитывала в сейме 2\3 голосов.

При первых известиях о неудаче переговоров в Санкт-Петербурге сейм возобновил свои заседания. Хлопицкий нарисовал мрачную картину общего положения Европы. Он видел спасение только в примирении с Николаем: «Он ваш король, вы ему присягали». Сейм отнял диктатуру у Хлопицкого и хотел оставить ему командование армией, но Хлопицкий ответил, что намерен служить только простым солдатом.

20 января 1831 командование было поручено князю Радзивиллу, человеку престарелому и не имевшему никакого военного опыта. Затем депутат Роман Солтык предложил объявить Николая и его наследников лишенными польского престола и освободить от присяги на верность не только поляков в Королевстве, но и их братьев в «восьми воеводствах». Сверх того он предложил объявить войну Австрии и Пруссии и не складывать оружия до победы или до полной гибели (Солтык явно смешивал сейм с французским Национальным Конвентом 1793 года).

Чрезмерность этих предложений на первых порах испугала Сейм. Но 25 января 1831, когда приехал Езерский и подтвердил, что Николай дарует полякам только прощение и требует полной покорности, раздались крики ярости; в одну минуту был составлен и единодушно принят членами сейма, начиная с председателя сената Адама Чарторыйского, акт детронизации — отстранения династии Романовых от польского престола. Детронизацию провели marszałek Sejmu Władysław Ostrowski и его брат Antoni Ostrowski, руководитель «гвардии народной».

Этим актом сейм лишил себя всякого права ссылаться перед Европой на текст венских трактатов. Мортемар, проезжая через Польшу, встретил в лесу эмиссаров польского правительства и узнал о намерении сейма вотировать низложение.

Мортемар предупредил, что на его помощь поляки могут рассчитывать только в случае примирения польской нации с королем.

Когда по приезде Мортемара в Санкт-Петербург весть о детронизации подтвердилась, его роль неизбежно свелась к простым разговорам с царскими министрами. Поляки поставили себя вне европейского международного права. Им оставалось только испытать счастье своего оружия.

На другой день после ноябрьского восстания польская армия насчитывала 23 800 пехоты, 6 800 кавалерии, 108 артиллерийских орудий. Правительство развило энергичную деятельность: призвало ветеранов, объявило набор рекрутов, зачисляло в строй поляков, перебежавших из австрийских, прусских и русских земель, поощряло образование вольных партизанских кавалерийских отрядов, равно как отрядов к о с и н ь е р о в, которые в бою должны были добыть оружие у врага, чтобы заменить свои косы ружьями. В марте 1831 польская армия имела в наличии 57 924 пехоты, 18 272 регулярной кавалерии, 3 000 волонтеров — всего 79 000 человек и 158 орудий. После первых боев численность сильно уменьшилась, а в сентябре 1831 поднялась до 80 821 человека — максимум того, что могла выставить страна с 4 млн. жителей.

Население Российской Империи составляло 60 млн. человек. Русские с самого начала смогли выставить 86 000 пехоты, 28 000 кавалерии (в сумме 114 000) и 356 орудий, не считая гарнизонов и крепостной артиллерии. Несмотря на первые неудачи у них в июле 1831 года имелось на лицо более 86 000 человек (потери от холеры превышали все иные). В этот момент численное превосходство русских стало незначительным.

Но все, что осталось от польской армии, созданной Наполеоном и Константином, растворилось в массе рекрутов — храбрых, но не обученных; под русскими же знаменами стояли почти исключительно испытанные войска.

В течение всей войны русские сохраняли двойное превосходство в кавалерии и тройное в артиллерии.

Ни один польский главнокомандующий не стоял на высоте своих задач. Хлопицкий искал смерти в бою и нашел тяжелую рану. Паскевич превышал польских стратегов на целую голову, но и с Дибичем они еле справлялись.

Временное правительство

Восставшая Польша имела хорошо обученную армию в 23 800 человек пехоты, 6 800 кавалерии плюс 108 орудий. В дальнейшем повстанцам удалось довести ее до общей численности 80 821 человек со 158 пушками, но, видимо, в это число входят отряды, действовавшие отдельно от армии; регулярную польскую армию историки

исчисляются примерно в 50 000 человек. Против нее Россия без труда выставила армию в 114 000 человек.

В ночь с 3 на 4 декабря (с 21 на 22 ноября по юлианскому календарю) в Варшаве образовалось Временное правительство (Rząd Tymczasowy) во главе с кн. Адамом Чарторыйским, сторонником компромисса.

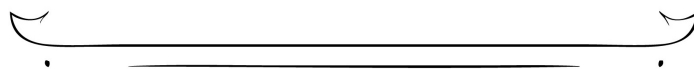
Рост революционных настроений в стране, требование полного разрыва с Россией вызвали установление диктатуры Хлопицкого 5 декабря 1830 года (23 ноября). Но этот популярный наполеоновский генерал тоже опасался решительных действий и развития революционного процесса. Он отправил в Петербург посольство в надежде, что император Николай I согласится, простив полякам революционную вспышку, дать Польше под властью своей династии вполне обособленное политическое существование. Но государь потребовал безусловной покорности.

Тогда сейм, собравшийся еще в декабре 1830 года, принял свою самую решительную меру.

23 января 1831 года генерал Хлопицкий ввиду провала его попытки договориться с царем сложил с себя диктатуру и отказался от звания командующего; командующим сейм назначил князя Михаила Радзивилла, с неохотой принявшего этот пост. А 25 января 1831 года (по нов. стилю) сейм принял акт о низложении Николая I с польского престола. Князь Адам Чарторыйский подписал «акт детронизации», но заявил нескольким сеймовым «послам» (депутаты сейма называются по-польски «posły»), что они «погубили Польшу».

Дело в том, что до этого магнатское руководство движения («белые») стояли на почве законности, требуя восстановления конституции 1815 года, дарованной Польше царем Александром. Такая позиция давала правое обоснование дипломатическим демаршам западных держав в пользу поляков перед царем. В воздухе носилась идея военной поддержки поляков в той или иной форме. Но после «акта детронизации» вмешательство европейских держав стало невозможным.

Чарторыйский и его друзья надеялись только на помощь Европы и на соглашение с Николаем. Они были реальными политиками и видели страшное неравенство сил России и Польши. Отказ Николая от соглашения и требование полной, безусловной покорности возмутил поляков, и они единодушно низложили своего «круля Миколая». Теперь, с точки зрения Европейских держав, поляки превратились в мятежников против своего законного монарха. Англия не могла поддержать революцию. Л. Толстой изображает это с некоторой перестановкой событий: «В конце лета газеты принесли известие о Парижской революции. Вслед за этим стали приходить известия о готовящихся беспорядках в Польше. Ячевский со страхом и надеждой ожидал с каждой почтой известия об убийстве Константина и

начале революции. Наконец в ноябре получилась в Рожанке сначала весть о нападении на бельведер, о бегстве Константина Павловича, потом о том, что сейм объявил династию Романовых лишенной Польского престола, что Хлопицкий объявлен диктатором и польский народ опять свободен.

Восстание не дошло еще до Рожанки, но все обитатели ее следили за ходом его, ожидали его у себя и готовились к нему. Старик Ячевский переписывался с старым знакомым, одним из главарей восстания, принимал таинственных евреев-факторов не по хозяйственным, а по революционным делам и готовился присоединиться к восстанию, когда настанет время. <...> Ванда отослала свои бриллианты подруге в Варшаву с тем, чтобы вырученные деньги отдать в революционный комитет». (Толстой, «За что?»).

Патриотизм польского народа подталкивал снизу его вождей, которые заседали в Варшаве и тратили время на интриги. Традиционное для польской «шляхетской демократии» отсутствие дисциплины, борьба партий и группировок за власть ослабляли восстание.

Николай I, *zdetronizowany uchwałą sejmową*, ответил на постановление варшавского сейма об отстранении Романовых от польского престола своим манифестом от 25 января (6 февраля) 1831 года.

Реакция русского общества на польское восстание

9 (21) декабря 1830 Пушкин писал Елизавете Михайловне Хитрово (Оригинал по-французски): «Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т.д.» И далее: «Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы их ненавидеть, начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней (une guerre d'extermination) мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным (un sentiment funebre). Вспомните их поэта Мицкевича. — Все это очень печалит меня. Россия нуждается в покое».

2 (14) января 1831 Пушкин пишет Вяземскому: «О Польше нет ни слуху ни духу. Я видел письмо Чичерина к отцу, где сказано *il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre*. Здесь некто бился об заклад, бутылку V.C.P. противу тысячи рублей, что Варшаву возьмут без выстрела». Это писалось в Москве, но не только москвичи

полагали закидать шапками поляков и ставили тысячи против бутылки «Вдовы Клико», что бунт будет скоро и легко подавлен.

21 января (ст. стиль) Пушкин снова пишет Элизе Хитрово: «Вопрос о Польше решается легко. Ее может спасти лишь чудо, а чуда не бывает. Ее спасение в отчаянии, una salus mullat sperare salutem, а это нонсенс. Только судорожный и всеобщий подъем (*une exaltation convulsive et g n rale*) мог бы дать полякам какую-либо надежду. Стало быть, молодежь права, но одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что следовало осуществить уже 33 года тому назад. Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества.

Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, не приличествующий могуществу. Все хорошее в них, то есть чистосердечие, исходит от государя; все плохое, то есть самохвальство и вызывающий тон, — от его секретаря*. Совершенно излишне возбуждать русских против Польши. Наше мнение вполне определилось 18 лет тому назад».**

В следующем письме к ней, не позднее 9 (21) февраля, Пушкин писал: «Последний манифест государя превосходен. По-видимому, Европа предоставит нам свободу действий (*l'Europe nous regardera faire*)». Он не ошибся.

Первые успехи польских повстанцев вскружили им головы. В Варшаве открыто говорили и писали, что Балтийское море на севере, Черное море и Карпаты на юге, Днепр на востоке должны быть естественными границами воскресшей Польши. Испуганные таким размахом князь Миттерних и Фридрих-Вильгельм III, прусский король, поспешили заключить с Николаем I конвенцию, направленную против повстанцев.

Отправляя делегатов для переговоров с царем, Варшава дала им императивный мандат: требовать возвращения будущему автономному королевству «восьми воеводств», т.е. Литвы, Белоруссии и половины Украины. Это вызывало ожесточение в России и ухудшало ситуацию повстанцев в европейской дипломатии.

Им сочувствовали только во Франции. В декабре 1830 — январе 1831 в Париже происходят о б щ е с т в е н н ы е м а н и ф е с т а ц и и в пользу Польши. Луи-Филипп не желал и не мог вмешиваться в польские дела силой оружия. Польские представители в Париже ходили не к королю, настроение которого угадали, а к премьер-министру, который им вполне с о ч у в с т в о в а л. Он, однако, больше

* Блюдов

* Т. е. В 1812 году, когда поляки воевали Россию с Наполеоном.

выражал свою симпатию словами и денежными взносами в кассу польского комитета в Париже.

Новое польское правительство возникло революционным путем, а потому не было признано ни одной державой Европы: в этом смысле кн. Чарторыйский был прав, акт детронизации погубил Польшу. Но правы были и «красные» — лишь всеобщая революция могла бы дать полякам надежду, как сказал Пушкин.

Уже в ноябре 1830 имп. Николай I срочно вызвал фельдмаршала Дибича-Забалканского из Берлина, куда посылал его договариваться с прусским королем о совместных действиях против революции во Франции. Дибич обещал государю, который поручил ему армию против Польши, подавить восстание одним ударом.

Военные таланты Ивана Дибича (из силезских баронов von Diebitsch und Narden) государь ценил очень высоко. Дибич в свое время отличился еще при Аустерлице, Эйлау, Фридланде, Гейсберге; его боевую карьеру увенчала победа над Турцией в 1829 г., приведшая к Адрианопольскому миру, по которому султан признал независимость Греции и сделал большие уступки России. Но в Польше Дибич просчитался.

С армией численностью 114 000 человек он вступил в пределы Польши через двенадцать дней после «акта детронизации».

Национальное правительство. Война.

29 января 1831 в Варшаве образовалось Национальное правительство (Rząd Narodowy). В нем председателем (prezes) был избран князь Адам Чарторыйский; он взял на себя ведомство иностранных дел. В Жонд Народовый вошли также Лелевель и Островский. Князь Чарторыйский, не обладая сильной волей, играл пассивную роль в событиях, хотя проявил самоотверженность и даже подвергал опасности свою жизнь на полях сражений. Он был вождем тех, кто хотел возродить магнатскую Польшу; он и его друзья блокировали проведение каких-либо прогрессивных реформ.

Патриотическое общество резко критиковало правительство князя Адама. Когда Лелевель, председатель Патриотического клуба и в то же время член правительства, назвал князя Адама «изменником», князь хотел подать в отставку. Однако его сторонникам удалось еще на некоторое время удержать князя Адама в качестве председателя Жонда Народового.

В самой середине суровой зимы, 25 января 1831 года (по стар. стилю) огромная русская армия под командой Дибича-Забалканского перешла Буг и вступила в Царство Польское. В походе участвовал цесаревич Константин, который командовал гвардейским корпусом, обычно находившимся в резерве.

~ ~ ~ ~ ~

Первое сражение под Стоцком, 5 февраля 1831 (нового стиля), закончилось победой поляков. Они взяли в плен некоторое число русских солдат и захватили шесть пушек. Россия была удивлена, хотя об этом официально не сообщали, но слухи о неудаче бродили в салонах Петербурга.

Затем Дибич оттеснил польскую армию к Висле; под Вавром 7-8 (19-20) февраля, т.е. через две недели после битвы при Стоцке, поляки потерпели поражение. 13 (25) февраля в сражении под Гроховым, недалеко от Варшавы, польская армия вновь была разбита. В Гороховской битве участвовала русская гвардия. Сразу после этого поражения они отступили к Варшаве; 14 (26) февраля князь Радзивилл ушел в отставку, и главнокомандующим стал Ян-Зыгмунт Сквинецкий.

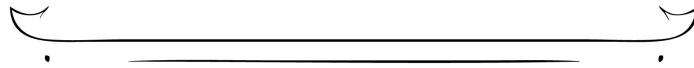
После этого наступило затишье в военных действиях, и цесаревич Константин с разрешения фельдмаршала Дибича уехал в Белосток к больной княгине Лович, своей жене. Он прибыл туда 18 (30) февраля, недовольный ходом военных дел, и способом ведения войны; в частности он порицал суровость расправ над повстанцами и «реквизиции» (т.е. грабежи).

Военные действия шли вяло, Дибич проявил нерешительность. Поляки надеялись на помощь Франции, где им очень сочувствовал председатель Совета министров — Лаффит. Но политика этого либерального банкира казалась королю Луи-Филиппу слишком левой. Лаффиту пришлось уйти в отставку, и 13 марта 1831 года его заменил другой банкир — богатый, консервативно настроенный Казимир-Пьер Перье. В кабинете, который он возглавил, Казимир Перье взял министерство внутренних дел. В полном согласии с королем он категорически отказался говорить о военной помощи полякам. Они были предоставлены собственным силам.

Крестьянские массы литовских, белорусских и украинских воеводств не поддержали восстания. План разгрома русской гвардии не удался из-за медлительности Сквинецкого. Наказание последовало быстро: 14 (26) мая в битве при Остроленке с главными силами Дибича поляки потерпели поражение.

1 (13) июня 1831 года Пушкин из Царского Села писал Вяземскому: «Здесь залы очень замечательны. Свобода толков меня изумила. Дибича критикуют явно и очень строго. Тому неделю Эриванский был еще в Петергофе. Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуты в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и, кажется, от верных людей: Кржнецкий* находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей белой лошади, пересел на другую белую и стал командовать — видели, как он, раненный в плечо, уронил палаш и сам свалился с лошади, как вся его свита кинулась к нему и посадила опять его на лошадь. Тогда он запел «Еще Польша

* Главнокомандующий поляков Сквинецкий (Skrzynecki).

не сгинела»^{**}, и свита его начала вторить, но в ту же минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Все это хорошо, но в поэтическом отношении. Но все-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. <...> Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention^{***}, т.е. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье еще, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрагу. А то бы был долг платежом красен».

Дибич в Польше: неудачи и победы

В январе 1831 фельдмаршал Дибич-Забалканский прибыл в главную квартиру, в Белосток. В приказе по армии он говорил: «Русский штык докажет полякам, что их измена столь же бессильна, сколь и преступна».

5 февраля, зная, что приготовления поляков далеко не закончены, Дибич перешел в границу пятью колоннами, решив идти прямо на Варшаву. Его воззвания «к польским воинам» с приглашением покинуть национальное знамя и манифест царя к русскому народу, в котором царь называл акт детронизации безумием и изменой, были оглашены на заседании Сейма и возбудили живейшее негодование. Зима позволила русским преодолеть реки по льду. Поляки стояли частью слева от них, близ Минска^{*} и Калушина, частью слева от них, близ Остроленки и Пултуска. Против 100 000 русских было 47 000 поляков. Дибич рассчитывал пройти между обеими массами поляков и выйти на Прагу (предместье Варшавы).

Поражение польской кавалерии при Калушине повлекло за собой отступление всей польской армии к Праге. Барон Розен (Григорий Владимирович) и генерал Пален (Петр Петрович) слишком увлеклись преследованием, и главнокомандующий Радзивилл надеялся разбить порознь эти 2 русские дивизии, заманив их в лес и болота Горохова.

19 февраля началась первая битва при Грохове. Пален выступил раньше Розена, не нашел достаточно места, чтобы развернуть свои войска, и на его глазах они были обстреляны 40 пушками Шембека, потеряли два знамени и две батареи.

* «Jeszcze Polska nie zginęła...» - марш Домбровского, впервые исполнен в 1796 в Италии, где польский легион под командой Домбровского начал свой бранный путь в армии генерала Бонапарта.

** Принцип невмешательства.

* Минск – не столица Белой Руси, а одноименный городок на дороге между Седльцем и Варшавой.

Получив подкрепления, Пален в свою очередь заставил отступить поляков, но не смог отбить у них ольховую рощу, служившую им как бы плацдармом (Olszyna).

20 февраля бой возобновился; Розен также потерпел поражение при атаке на Ольшину, потеряв 2 000 человек Дибич, поспешивший на место боя, хотел подождать подхода корпуса Шаховского.

24 февраля русские взяли Бялоленку (Białoleka), но 25-го Круковецкий отнял ее вновь. В этот день русские ожесточенно атаковали Ольховую рощу, Хлопицкий был серьезно ранен, и это лишило оборону руководства, т.к. старый кн. Радзивилл держался только его «советами». Русская артиллерия совершенно подавляла польскую числом стволов и быстротой стрельбы. Затем русская конница массой обрушилась на польские позиции, была встречена в упор огнем пехоты и контратакована с фланга генералом Кицким. Здесь был совершенно уничтожен кирасирский полк имени принца Альберта (русский). Эта блестящая защита обеспечила лишь отступление поляков к Праге. Под Гороховом они дрались со славой, но потеряли 10 000, а русские 8 000. Они могли восстановить силы в Варшаве, тогда как русские стояли открытыми бивуаками среди суровой зимы, нуждаясь в припасах и уже умирая от холеры.

Поскольку Радзивилл обнаружил полную неспособность, Сейм заменил его Скшинецким, который объявил, что спасет честь нации, «т.к. устроит великую могилу для русской армии». Тем не менее он вернулся к политике Хлопицкого и пробовал завязать переговоры с Дибичем.

26 февраля русская пехота с боем вошла в Прагу и разместилась там. Дибич не пытался перейти Вислу: он ожидал предложений капитуляции (в 1794, когда Суворов взял Прагу, Варшава сдалась сама). Но поскольку этих предложений не последовало, Дибич решил расположиться на зимние квартиры, приказал войскам о т с т у п и т ь и разместил по деревням: в Варве стал барон Гейсмар (Федор Клементьевич Гейсмар, весторальский барон, русский генерал), в Дембе-Вельке барон Розен. В это время сейм под нажимом клубов решил распространить восстание и послал корпус Дверницкого в Подолию и Волынь, а корпус Серавского — в Люблинское воеводство.

Игнацы Прондзыньский, начальник главного штаба польской армии, хороший стратег, узнав, что Дибич делает приготовления в Карчеве для переправы через Вислу, решил попытаться сильную диверсию. Он пробовал склонить Скшинецкого к своему плану: захватить русских на зимних квартирах и уничтожить порознь отдельные корпуса.

Скшинецкий потерял две недели на размышления; только в ночь с 30 на 31 марта польская армия перешла через Вислу по большому мосту, который соединяет Варшаву с Прагой и который почему-то не был сожжен Дибичем.

31 марта корпус Гейсмара был захвачен врасплох в Вавре и рассеян менее чем за 1 час, причем потерял два знамени, две пушки, и 2 000 человек пленными.

После полудня в тот же день поляки напали на Розена в Дембе-Вельке. Деревня была взята, русская пехота опрокинута блестящей конной атакой Скаржинского. Розен едва не попал в плен. Его левое крыло было уничтожено, но правое успело отступить под прикрытием ночи.

1 апреля поляки настигли его у Калушина и отняли три знамени. Прондзынский торопил главнокомандующего — воспользоваться разгромом русской армии и взять самого Дибича.

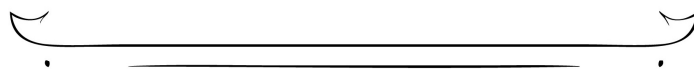
Но Скшинецкий потерял 5 дней, затем двинулся очень медленно, и 10 апреля под Игане его встретил Розен, уже получивший сильные подкрепления и занимавший позицию под прикрытием двух батарей. Эти батареи были взяты поляками и вновь отняты русскими. Атаки русской кавалерии отбиты, и польская пехота захватила деревню штыковой атакой, без единого выстрела. Русские потеряли 1 000 человек убитыми и ранеными, а 2 000 попали в плен к Скшинецкому.

В результате этой великолепной 11-дневной кампании поляки помешали Дибичу перейти через Вислу под Карчевым, и русская армия потеряла 16 000 человек, 10 знамен и 30 пушек. Победа была бы еще решительнее, если бы Скшинецкий не испортил своей медлительностью планов начальника главного штаба. Тем не менее, с этой минуты Скшинецкий прослыл великим полководцем.

Русская гвардия под начальством Бистрома и великого князя Михаила (Константин уже уехал) располагалась между Бугом и Наревом, в деревнях вокруг Остроленки. Надо было помешать Дибичу соединиться с ней. Продзыньский предложил замечательный план разгрома русского гвардейского корпуса, но Скшинецкий загубил эту идею своею медлительностью. Он послал 8 000 человек оставить и задержать Дибича, а сам с 40 000 тайком перешел через Буг и расположился в Сероцке.

Debe Wielkie — селение на дороге из Варшавы в Брест-Литск. В начале марта 31 Дибич двинулся с главными силами к устью Вепша, намереваясь, перейдя через Вислу, направиться левым берегом в Варшаву. Для прикрытия брестского шоссе, фланга и тыла армии, оставлен был 6-й корпус барона Розена, в котором после Грохова оставалось всего 13 000 пехоты и до 5 000 конницы, при 49 орудиях.

Поляки, пользуясь удалением русских главных сил, решили атаковать 6-й корпус превосходными силами и чем отвлечь Дибича от переправы через Вислу.

Собрав до 40 000 пехоты и кавалерии, при 116 орудиях, они в ночь на 19/III выступили из Праги и прежде всего обрушились на стоявший вблизи нее русский авангард, которым командовал генерал Гейсмар. Последний, хотя некоторые его части были отрезаны (причем литовский полк, потеряв полк командира, положил оружие), по возможности, удерживал противника и, успев к 4 часам пополудни отойти к Дембе-Вельке, соединился с частью главных сил, занявшею позицию у этой деревни. Атакованный тройными силами, русский отряд потерпел поражение. Только благодаря прибытию 3 свежих полков, ему удалось отступить на Седльца. Урон наш доходил до 55 тысяч, из них 3 000 пленными. Вследствие сражения при Дембе-Вельке Дибич отказался от переправы через Вислу, и Варшава на этот раз была спасена.

Эдвард Дембовски — философ, левогегельянец, революционер. Несколько лет издавал в Варшаве «Przegląd naukowy» и написал «Pismennitswo polskie» (Познань, 1845), где резко осудил консервативность писателей. Погиб под Краковом в 1846.

Великий князь Михаил Павлович и Карл Иванович Бистром, очень встревоженные, поспешили отступить. Поляки заняли Остроленку (Ostrołęka, город на р. Нарев) и преследовали русских по направлению к Белостоку. Однако 3 (15) мая русская гвардия и корпус Дибича все же успели соединиться; теперь они смогли выставить 70 000 против 40 000 поляков.

Русские войска вернулись к Остроленке, вновь захватили этот город и начали переправляться через Нарев. Чтобы помешать им Сквинецкий 26 мая дал кровавое сражение при Остроленке, которое длилось 12 часов. Поляки уступили превосходству русской артиллерии. Окончательно решен был исход боя блистательной атакой русских кирасир Мейендорфа. Поляки потеряли 8 000 убитыми и ранеными, у них погибли дивизионные генералы Каминский и Кицкий. Деморализованная армия Сквинецкого в беспорядке откатилась к Пултуску, а затем к Варшаве.

Дибич стал лагерем и дал армии передышку, готовясь к штурму Варшавы. В это время затихло восстание в Подолии и на Волыни, но первые польские победы повлекли за собой восстание в Литве. В марте-апреле восстание разгорелось в Литве отдельными кострами. Генералы Дезидерий Хлаповский, Генрих Дембинский и Гелгуд были посланы для поддержки этого восстания. Но они не смогли взять Вильно, и вскоре пришлось отойти.

Между тем император Николай I был очень недоволен Дибичем, который обещал взять Варшаву в конце февраля, а вместо этого затянул кампанию. Граф Орлов был послан к Дибичу с предложением подать в отставку. Деликатный разговор состоялся в лагере под Пултуском 9 июня.

~ ~ ~ ~ ~

— Я сделаю это завтра, — ответил Орлову усталый и больной фельдмаршал Дибич.

На другой день, 10 июня 1831, он умер от холеры.

Поляки во время восстания много писали о жестокостях генерала Дениса Давыдовича, этого «Вольтера русских степей», и о грабежах русских войск.

Что произошло при Остроленке?

После того, как по вине Скшинецкого не удалось нападение на русскую гвардию, армия Дибича 14 (26) мая настигла дивизию Лубинского, быстрым натиском опрокинула ее, взяла штурмом город Остроленку (Ostrołęka, город на р. Нарев) и перешла через Нарев. На помощь к Лубицкому явился с войском сам Скшинецкий. Битва длилась двенадцать часов и носила упорный характер. Ее решила блистательная атака русских кирасир Мейендорфа. Скшинецкий был разбит наголову, поляки потеряли до 8 000 человек, у них были убиты дивизионные генералы Каминский и Кицкий. Разбитая польская армия в беспорядке отступила. Она была деморализована.

После этого Дибич стал лагерем между Пултуском, Ружаном и Пшаснышем; он дал армии передышку и готовил решительное наступление.

В русской армии появилась холера, которая с прошлого года свирепствовала во внутренних губерниях империи и в Москве.

Петербургские салоны, свободные толки которых изумили Пушкина, ругательно ругали и цесаревича Константина, и Дибича. Считали, что цесаревич слишком мирволил полякам и сам виновник восстания; говорили, что он не желает сражаться против своих «подданных» и громко восхищается польскими солдатами, отдавая им предпочтение перед русскими.

Действительно, в одном письме к государю Константин высоко оценивал боевую выучку польских войск, их храбрость в одном из боев и тут же деловито сообщал о потере русскими нескольких пушек. Подтекст был прост: «Мои солдаты лучше твоих», соперничество братьев. Но патриоты большого совета шепотом называли Константина «предателем».

Кончина Дибича и Константина

Из Белостока цесаревич к армии больше не вернулся: такова была воля Николая I, который настоял на этом вопреки притворному недовольству Константина, человека столь трусливого, сколь и жестокого. Рейды повстанческих польских отрядов в Литву вскоре испугали цесаревича и вынудили его вместе с больной женой вскоре покинуть Белосток.

В это время перед возобновлением военных действий внезапно умер от холеры фельдмаршал Дибич: это случилось в ночь на 29 мая (10 июня) в с. Клечеве под Пултуском. Еще ранее император Николай принял решение заменить Дибича другим своим любимцем — Паскевичем-Эриванским, которого специально для этого вызвал с Кавказа.

11 июня 1831 (ст. ст.) Пушкин писал Нащокину из Царского Села: «О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Он уронил Россию во мнении Европы и медленностью успехов в Турции и неудачами против польских мятежников. Здесь говорят о взятии и сожжении Вильны и о том, что Храповицкого будто бы повесили. Ужасно, но надеюсь — неправда». И в тот же день Вяземскому: «Потеря Дибича должна быть чувствительна для поляков; по расчету Толь будет главнокомандующим в течение 20 дней; авось употребит это время в пользу себе и нам. Здесь говорят о взятии Вильны и о повешении Храповицкого. Ужасно во всех отношениях! Дай Бог, чтоб это было ложное известие».*

После смерти Дибича главнокомандующим был назначен Паскевич-Эриванский; он отправился в армию на «пироскафе». До его прибытия армией временно командовал Толь.

Как уже говорилось цесаревич Константин с больной княгиней Лович покинул Белосток. Передвигались медленно, и 3 июня ст. стилиа (четыре дня после смерти Дибича) прибыл Константин в Витебск, где остановился в доме губернатора кн. Хованского. Он постоянно жаловался на смертельную скуку.

13 (25) июня Константин Павлович почувствовал недомогание, 14-го решил, что он простужен; утром 15 (27) июня «обнаружились первые признаки холеры», а в 8-м часу того же дня он умер.

13 (25) июня Паскевич прибыл в Пултуск и на др. день принял командование армией. Пушкин 26 июня (ст. ст.) писал из Царского Села Нащокину: «Тело цесаревича везут; также и Дибичево. Паскевич приехал в армию 13-го. О военных движениях пока не имеем еще никакого известия».

31 июля (ст.ст.) набальзамированное тело цесаревича привезли в Гатчину; в Петербурге еще свирепствовала холера. Только 15 (27) августа гроб с телом

* М.Е. Храповицкий – русский губернатор Вильны и Гродно. Слухи о взятии мятежниками Вильны и повешении Храповицкого оказались ложными, но эта паника характерна для середины лета, когда судьбы восстания были еще неясны.

Константана был торжественно доставлен в Петропавловский собор, а 17 (29) августа состоялось погребение.

Развал восстания

Жонд Народовый и командование польской армии больше были заняты дипломатической перепиской, ожиданием помощи держав, чем организацией активного сопротивления царизму. Только во Франции общественное мнение требовало помочь полякам. Но правительство Луи-Филиппа ограничилось осторожными представлениями петербургскому двору. Расчеты повстанцев на помощь Европы оказались ложными, а опасения Пушкина — напрасными.

Единственный путь к победе восстания — разрешение аграрного вопроса, наделение крестьян землей и призыв их в ряды защитников родины — был исключен классовым эгоизмом шляхты. Сейм всеми силами противился проведению аграрной реформы. Разочарованные результатами восстания, хлопы отказывались записываться в *rospolite ruszenie* (всеобщее ополчение).

Преступное бездействие польского командования после Остроленки, явное стремление аристократии к компромиссу с царизмом и движение русских войск на Варшаву вызвали в ней революционный взрыв — народные волнения 3-4 (15-16) августа 1831 года. Большую роль в событиях 15 августа сыграла агитация патриотического Общества во главе с Лелевелем, Маврикием Мохнацким и другими. Варшавское население решило низвергнуть Жонд Народовый, бросилось на тех, кого считала изменниками, и хотело расправиться с самим князем Адамом Чарторыйским. 15 августа он бежал из Варшавы; из толпы кто-то выстрелил ему вслед, но прострелил только плащ.

Получив известия, что вооруженный народ вторгся в зал заседания правительства и убивает «белых», командующий Дембинский*, обнажив фронт, двинул войска к Варшаве, чтобы остановить распространение «анархии». 17 августа Жонд Народовый подал в отставку. Сейм восстановил диктатуру в лице генерала Круковецкого.

Лелевель, «историк-политик», не разделял планов этого переворота, не захотел войти в состав Комитета общественного спасения (Komitet Ocalenia Publicznego) и отверг предложения Круковецкого.

Кн. Адам Чарторыйский после этого находился в военном лагере — в отряде генерала Раморино*. Восстание начинало разваливаться.

* Джироламо Раморино – итальянец, родившийся в Женеве в 1792. Его считали побочным сыном Ланна. Простым солдатом сражался при Ваграме (1809). В русском походе 1812 – капитан артиллерии. Участник пьемонтской революции.

Между тем, Паскевич, приняв командование, смелым и рискованным переходом перебросил армию на левый берег Вислы: он сперва двинулся из Плоцка вниз по Висле, а затем переправился через нее у Осеки, близ прусской границы, обошел сильную позицию войск Скшинецкого и вынудил их отступить под валы Варшавы. Пушкин 21 июля (ст. ст.) писал Нащокину: «Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Польши и из Парижа; дело, кажется, обойдется без европейской войны. Дай-то Бог».

Наступление Паскевича на Варшаву и вызвало народный бунт 15 августа.

3 (15) августа Пушкин писал Вяземскому: «Кажется, дело польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем, Франция одна не сунется; Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся».

14 (26) августа — тому же Вяземскому: «...Варшава окружена, Кржнецкий сменен нетерпеливыми патриотами. Дембинский, невзначай вернувшийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Кржнецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно, они хотят сражения; следственно, они будут разбиты, следственно интервенция Франции опоздает, следственно граф Паскевич удивительно счастлив».

Генрих Дембинский был бессилен против русской армии. Паскевич обложил Варшаву с левого и отчасти с правого берега Вислы. Он предложил мятежникам условия сдачи, которые были отвергнуты.

3 (15) сентября 1831 Пушкин закончил письмо из Царского Села Вяземскому словами: «Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще известия нет». Он получил его в тот же день или 4 (16) сентября от П. Н. Миллера.

Падение Варшавы

25 августа (7 сентября) 1831 года Паскевич начал штурм укрепленного селения Воли, предместья Варшавы. После отчаянного сопротивления поляков, русские в 11 часов утра взяли Волю.

По предложению генерала Круковецкого правительство вступило в переговоры с графом Бергом, уполномоченным Паскевича. Русский командующий требован безусловной сдачи города и возвращения польского народа к покорности. Повстанцы не хотели соглашаться на такой позор и отвергли ультиматум Паскевича. В ходе переговоров Круковецкого о сдаче Варшавы, в ночь с 7 на 8 сентября, объединенные «избы» (т.е. палаты) сейма сместили диктатора и поставили председателем

~ ~ ~ ~ ~

правительства известного либерального публициста Бонавентуру Немоевского. Он принял это избрание по крайней необходимости, не желая еще более осложнять своим отказом и без того отчаянного положения.

Когда мятежники отказались от безоговорочной капитуляции, Паскевич прекратил переговоры и немедленно приступил к штурму Варшавы (8 сентября). Произошло жестокое сражение, в котором Паскевич получил сильную контузию ядром в левую руку. Скоро поляки были сбиты с отдельных укреплений, и русские войска уже готовились ворваться в город, как поляки «предались безусловно великодушию императора».

На деле капитуляция Варшавы не была разгромом польской армии, ибо она выговорила себе беспрепятственный отход к Модлину. Паскевич потому сделался покладист, что хотел скорее взять город: 26 августа (8 сентября) была годовщина Бородинского сражения, и хитрый хохол захотел сделать из капитуляции Варшавы некий реальный символ. Итак, 26 августа он смог рапортовать государю: «Варшава у ног Ваших, польская армия по моему назначению отходит к Плоцку». Победный рапорт Паскевича повез в Петербург родной внук Суворова, взявшего Варшаву в 1794 году.

За эту победу Паскевич получил лестный высочайший рескрипт от 4 (16) сентября 1831 года и был возведен в звание князя Российской империи с титулом светлейшего и наименованием Варшавского.

11 (23) сентября Пушкин писал П. А. Осиповой (оригинал по-французски): «Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом (avec quel enthousiasme) мы приняли это известие после 9-месячных тяжелых неудач. Что скажет Европа? Вот вопрос, который нас занимает».

Уже в сентябре 1831 года была экстренно отпечатано брошюра «На взятие Варшавы», содержащая три стихотворения: одно Жуковского и два Пушкина — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Первое было написано 16 августа, за 10 дней до взятия Варшавы, по поводу речей во французской Палате депутатов, где Лаффайет, Моген и другие призывали к вооруженному вмешательству Франции в защиту Польши. Стихотворение Пушкина кончается встречной угрозой:

Вы грозы на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на костеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.

Эта ода имела шумный успех. Император был доволен, а Эльза Хитрово моментально перевела «Клеветникам России» на французский язык (перевод не сохранился). Но Вяземский в письме к Пушкину насмешливо отозвался об этой оде, а слова о пространности России назвал «географической фанфаронадой». Николай Тургенев по поводу оды «Клеветникам России» сказал: «Пушкин — хам».

В «Бородинской годовщине» Пушкин варьировал те же темы, обещая незлопамятность («Мы не сожжем Варшавы их») и прямо прославляя Паскевича, лежавшего после контузии.

После капитуляции Варшавы война продолжалась недолго. Мелкие отряды мятежников были рассеяны, а главная польская армия, стоявшая близ Модлина, была оттеснена Паскевичем в Пруссию, где сложила оружие.

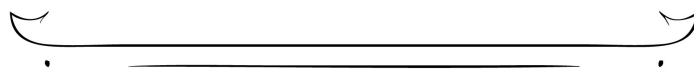
Генерал Раморино 5 (17) сентября перешел австрийскую границу, чтобы укрыться в Галиции, где австрийские власти разоружили его отряд. Находившийся в этом отряде князь Адам Чарторыйский перешел к генералу Ружицкому, надеясь, что еще не все потеряно, но и Ружицкий 16 (28) сентября ушел в Галицию. Князь Адам уехал в Краков, но к городу приближались войска; когда они заняли Краков, князь Адам бежал из него благодаря покровительству австрийских властей.

6 (18) октября 1831 опубликован Высочайший указ о князе Чарторыйском: «повелеваем из списков службы исключить» — так кончался указ.

Князь Адам уехал в Лондон, где виделся с Пальмерстоном и Греем, затем переехал в Париж, где и поселился. Его дом стал центром «дипломатической» партии в польской эмиграции. То были аристократы, монархисты, заклятые враги польской демократии. Князь Адам родился 14 января 1770 и умер 15 июля 1861 в Монфермейле под Парижем.

Расправа

«Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши и подчинения одной части ее властям ненавистных немцев, другой — власти еще более

ненавистных москалей, могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 30-м и 31-м году, когда после прежних несчастных попыток освободиться новая надежда освобождения казалась осуществимою. Но надежда эта продолжалась недолго. Силы были слишком несоразмерны, революция была задавлена. Опять бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей были присланы в Польшу и под начальством то Дибича, то Паскевича и высшего распорядителя Николая I, сами и не зная, зачем они делают это, пропитав землю кровью своей и братьев своих поляков, задавили их и отдали опять во власть слабых и ничтожных людей, не желающих ни свободы, ни подавления поляков, а только одного: удовлетворения своего корыстолюбия, ребяческого тщеславия.

Варшава была взята, отдельные отряды разбиты. Сотни, тысячи людей были расстреляны, забиты палками, сосланы. В числе сосланных был и молодой Мигурский. Имение его было конфисковано, а сам он определен солдатом в линейный батальон в Уральск». (Толстой, «За что?»).

Паскевич сурово расправился с восставшими: 5 000 шляхетских семей были сосланы на Кавказ, а имения их конфискованы; 260 студентов были отданы в солдаты; 30 женщин, участниц восстания*, насильственно пострижены в монахини*.

Ивану Федоровичу Паскевичу царь подарил богатое имение Демблин, переименованное в село Ивановское, и указом 23 марта 1832 (ст. ст.) фельдмаршал Паскевич был облачен саном наместника Царства Польского.

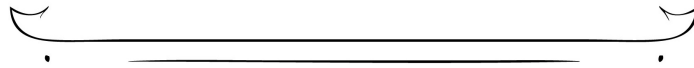
Польская конституция 1815 года была отменена, польская армия распущена, Варшавский университет закрыт. В Царстве Польском была введена строгая цензура. Тупой, жестокий и ограниченный диктатор Польши, Паскевич начал политику русификации. В начале 1833 он доносил царю из Варшавы: «Страх на край уже наведен».

В октябре 1833 под Брестом Завиша неудачно покушался на жизнь Паскевича.

Руководители Ноябрьского восстания требовали от царя соблюдения конституции 1815 года, автономии Царства Польского под эгидой династии Романовых и присоединения к автономному Царству Литвы, Украины и Белоруссии. В ходе восстания его лидеры отказались от социальных преобразований и преследовали демократов, порою даже пытались арестовывать их (например,

* Героизм польской девушки Эмилии Плятер, из знатного рода на Литве, прославил Мицкевич в балладе «Смерть полковника». Эмилия Плятер командовала отрядом повстанцев, одетая в мужскую одежду, и умерла от ран.

Толстой в рассказе «За что?» изображает Альбину, юную патриотку: «Один ран раз мачеха, зайдя в ее комнату, застала ее перед зеркалом в панталонах и конфедератке. Альбина готовилась в мужском платье бежать из дому, чтобы присоединиться к польскому войску.

Лелевеля). Народ почти не поддержал восстания, этой «консервативной революции», по определению Энгельса.

Николай I решил в 1831, сохраняя для Польши название царства, а для себя титул царя польского, уничтожить все, что могло бы поддержать «иллюзии о независимой Польше». Вопреки амнистии, дарованной им — правда, со множеством оговорок — 6 ноября 1831 (н. ст.), избранная часть нации была терроризирована конфискациями, ссылками в Сибирь и переселениями целых семейств. Конституция, дарованная Александром в 1815, была уничтожена; коронование царя польского отныне должно было совершаться в Москве одновременно с коронацией императорской короной.

Министерства в Польше были уничтожены и заменены управлениями и комиссиями, подведомственными различным русским министерствам; административный совет превратился в собрание директоров под председательством наместника.

Варшавский университет лишился юридического факультета. Национальная библиотека была перевезена в Санкт-Петербург.

Польская армия была распущена, и ее составные элементы распределены по русским полкам; охрана Царства Польского была поручена общим силам Империи.

Вся русская организация (система налогов, судопроизводство, денежная система) была мало-помалу введена в королевстве.

В 1833 попытка Заливского поднять восстание в Люблинском воеводстве кончилась расстрелами и виселицами.

В октябре 1835 царь, показывая варшавским нотаблям новую цитадель, предупредил их, что при малейшей попытке мятежа город будет разгромлен и уничтожен.

Польские ордена сохранились только как русские ордена и раздавались теперь наиболее преданным слугам самодержавия.

На месте, где планировалось поставить памятник Юзефу Понятовскому, позже был воздвигнут памятник Паскевичу.

В 1844 польские воеводства были превращены в пять губерний: Варшавскую, Радомскую, Люблинскую, Плоцкую и Модлинскую.

Паскевич и Варшава

Паскевич прибыл в ореоле славы. Начальником штаба у него был Карл Федорович Толь (еще один остзейский барон). Против 50 000 человек и 142 пушек Скининецкого, ослабленного отсылкой корпуса в Литву, Паскевич имел 86 000 и 438 орудий.

Он решил во что бы то ни стало перейти через Вислу, рассчитывая, что левый берег, менее опустошенный войной, позволит ему прокормить армию и что Варшаву легче взять с Запада (предместья Чисте и Воля), чем с Востока (Прага).

Скшинецкий утверждал, что «никогда нельзя помешать врагу перейти через реку», а потому не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать этому переходу, или напасть на русскую армию, разделенную надвое Вислой, или помешать ее передвижению по левому берегу.

8 июля Паскевич занял Плоцк. Он делал вид, что хочет переправиться в этом месте, а тем временем Пален при помощи понтонов, присланных из Пруссии, построил мосты в Осецке, и 19 июля армия переправилась на левый (западный) берег Вислы.

Уже 20 июня, при известии о поражении генерала Янковского, в Варшаве вспыхнул мятеж. Правительство (Жонд Народовы), уступая крикам толпы, приказало арестовать этого генерала, а также его зятя генерала Бутковского, еще нескольких генералов и полковников, камергера Феншау (бывшего русского шпиона при Константине) и жену русского генерала Базунова. Они были заключены в варшавский Замок.

Через 25 дней, при известии о переходе русской армии через Вислу, волнения в охваченной паникой Варшаве вспыхнуло с удвоенной яростью, Скшинецкому пришлось подать в отставку; правительство было бессильно поддержать порядок в городе. 15 августа народ оттеснил «народову гвардию» (национальную гвардию), охранявшую замок, и убил в нем Янковского, Бутковского, Базунова, Феншау и еще нескольких генералов. Убийства произошли и в других тюрьмах; общее число жертв — тридцать три ч<е>л<ове>к<а>.

16 августа генерал Ян Круковецкий, после тщетных попыток успокоить толпу, объявил себя комендантом Варшавы. Утвержденный в этой должности Исполнительной комиссией, он рассеял сборища с помощью войск, призванных из армии, арестовал клубистов, закрыл помещение Патриотического общества и начал расследование. 17 августа правительство подало в отставку. Собрался сейм. Он назначил главнокомандующим Генриха Дембинского.

Дембинский продолжил следствие, учредил военный суд, обвинил Круковецкого в бездействии, а Лелевеля — в случайности мятежа. Все ополчились против Дембинского. Его обвинили в стремлении к диктатуре и желании передать Варшаву русским (для подавления мятежа он снял некоторые части с позиций и оголили фронт). Сейм назначил новое правительство из 5 человек и назначил главнокомандующим Круковецкого, который приказал казнить четверых участников убийств 15 августа.

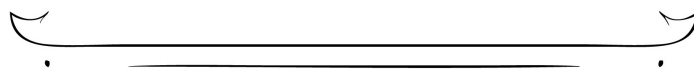
19 августа русская армия расположилась в нескольких милях от Варшавы. Со стороны Воли угрожали главные русские силы, со стороны Праги — Розен и войска правого берега. На совете польских генералов Круковецкий предложил дать битву перед Волей со всеми наличными польскими силами, Ян-Непомук Уминский — ограничиться защитой города, но захватить обратно территорию на правом берегу Дембинский — избавить столицу от ужасов осады и перейти в Литву с правительством и армией. Кончили принятием половинчатого предложения Уминского: сопротивляться Паскевичу на укреплениях (довольно жалких), преграждавших подступы к городу; Лубенскому с 3 000 кавалерии снова занять Плоцкое воеводство; Раморино* с 20 000-ами получил приказ атаковать русских на правом берегу.

Это разделение армии было величайшей ошибкой польского командования. В Минском воеводстве уже находились значительные силы Адальберта Хшановского (Chrzanowski), который оказался не в состоянии одолеть нескольких тысяч русских под командой Евгения Александровича Головина. Раморино, преследуя Головина и Розена, в минуту величайшей опасности оказался близ Брест-Литовска, 140(?) км от Варшавы.

С западной стороны Варшава защищалась двумя линиями укрепления: в 600 метрах от городского вала тянулся целый ряд редутов, шедших от укрепленного предместья Чисте до деревни Мокотова; в 1600 метрах — второй ряд укреплений, опирающийся на деревню и форт Волю и укрепленную деревню Раковец. Первую линию защищал Дембинский, вторую — Юзеф Бем.

Главнокомандующий Круковецкий, испуганный создавшимся положением, попытался завязать тайные переговоры с Паскевичем. Последний предложил полякам амнистию и некоторые гарантии на будущее, но о «восьми воеводствах» не могло быть и речи. Амнистия не должна была распространяться на литовских повстанцев, в которых царь видел просто взбунтовавшихся русских поданных, не достойных ни малейшего снисхождения. Условия Паскевича были сообщены польскому правительству и с негодованием отвергнуты. Круковецкий ответил русскому фельдмаршалу, что поляки «взялись за оружие для завоевания независимости в тех границах, которые некогда отделяли их от России». Накануне гибели они все требовали вернуть им Литву и Украину.

Армия в Варшаве насчитывала 50 000, но из них 15 000 национальной гвардии. Тогда как поляки ослабили ее безумными диверсиями, Паскевич собрал к себе дотоле рассеянные корпуса Ридигера, Головина и Киприана Антоновича Крейца. У него теперь было более 78 000 человек и около 400 пушек. Пален должен был

атаковать слева, князь Шаховский в центре, великий князь Михаил с гвардией справа; Крейц и кавалерия составляли резерв.

Бем дал знать в Варшаву, что он не в состоянии продержаться на своих позициях более 24 часов, «после чего все мы будем или убиты, или взяты в плен».

На рассвете 6 сентября русская артиллерия открыла ураганный огонь по передовым редутам. Они были взяты в штыки русской пехотой, так же как Раковец и другие деревни. Воля была почти окружена. Защищавший ее генерал Совинский на требование сдаться ответил: «Одно из ваших ядер оторвало мне ногу под Бородиным, и я более не в состоянии сделать ни шагу назад». Когда деревня была взята штурмом, бой продолжался в костеле, и Совинский был убит у подножия алтаря. Высоцкий, будучи ранен, сорвал зубами повязки, наложенные на его раны хирургами.

Вылазка, произведенная защитниками второй линии города под начальством Дембинского и Круковецкого, потерпела неудачу; русские уже сильно окопались в укреплениях первой линии. Сам Паскевич устроился в Воле. Всю ночь с 6 по 7 сентября его артиллерия бомбардировала вторую линию; польская артиллерия, которой не хватало зарядов, отвечала с перерывами.

7 сентября в 3 ч. утра Прондзыньский явился перед русскими аванпостами с письмом от Круковецкого, в котором изъявлялась покорность армии и нации «законному государю». Паскевич с целью ускорения переговоров просил польского главнокомандующего явиться к нему.

Круковецкий с Прондзыньским прибыл в 8 ч. утра, указав, что «полное» подчинение, требуемое Паскевичем, слишком унижительно, заявил, что не имеет полномочий от сейма.

— Остановимся на этом, — сказал Паскевич, вынимая из кармана часы, — Через час я начну приступ.

Между тем время шло; в полдень сейм собрался на заседание. Послышались негодующие крики, требовали отставки министров. Островского, Винцента Немоевского требовали предать суду.

Напряженное ожидание было воспринято царем и его окружением как историческая победа. Пушкин и Жуковский около 14 (26) сентября совместно издали брошюру «На взятие Варшавы», где Жуковский поместил «Старую песню на новый лад», а Пушкин — «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину».

В день 8 сентября польская армия, сильно уменьшившаяся вследствие дезертирства, сосредоточилась около Плоцка. Из них 20 000 человек с 92 пушками под начальством Матвея Рябинского перешли границу и сложили оружие на прусской

территории. Рожицкий и Каминский увели с собой 10 000 человек в Краков, а Раморино весь свой корпус (уже только 15 000) — в австрийскую Галицию.

Осталось всего 10 000 солдат, осажденных в Плоцке, Модлине и Замостье. В течение октября они сдались русским.

Паскевича император осыпал милостями. Польское конституционное королевство перестало существовать.

Но в то время как Паскевич совершал свой переход через Вислу, французская армия смогла вступить в Бельгию, прогнать голландские войска и обеспечить независимость нового королевства. Польша спасла Францию и Бельгию.

В сражении под Остроленке особенно отличился Толь, начальник штаба русской армии. По смерти Дибича Толь две недели командовал русской армией, до самого прибытия Паскевича. Толь же приписывали скорое взятие Варшавы, т.к. Паскевич был сильно контужен в самом начале штурма и передал команду Толью.

Постоянные несогласия между Паскевичем и Толем (человеком суровым, строгим и очень независимым) заставили последнего покинуть армию. Толь без дозволения государя вернулся в Санкт-Петербург, государь был к нему неблагодарен. Обиженный Толь внезапно бросил Петербург и уехал в свое эстляндское имение. В 1833 умер герцог Виртембергский, и в октябре того же года Толь был назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными званиями.

Судьбы польской эмиграции

Генералы, тысячи польских офицеров и солдат, бежавших в Швейцарию, Францию, Англию, 1831 года образовали грозную силу всемирной революции. Они отныне встречались повсюду, где надо было поддержать борьбу за свободу: в восстаниях Парижа, Берлина, Вены, в революциях в Италии, Германии, Венгрии, Румынии.

Во Франции, где палаты вотируют вспомогательные фонды для польских эмигрантов, где для их детей основали в Батиньоле польскую школу (1842), изгнанники собрались в особенно большом количестве. Князь Адам Чарторыйский возглавлял «белых», и его парижский дом отель Ламбер стал штабом аристократической эмиграции. Йоахим Лелевель заявил, что «шляхта должна соединиться с народом». Он боролся против «дипломатической партии» кн. Чарторыйского и опубликовал знаменитое воззвание «К братьям русским» (призыв к совместной борьбе против царизма), за что правительство Луи-Филиппа в сентябре 1833 выслало его из Франции. Он поселился в Брюсселе.

Во Франции жил и великий польский пианист Фредерик Шопен, возлюбленный Жорж Санд и кумир Европы.

~ ~ ~ ~ ~

Адам Мицкевич тоже осел в Париже; он воодушевлял изгнанников своими пламенными стихами. С 1840 по 1844, занимая лекторскую кафедру в Коллеж де Франс, он вместе с Кине и Мишле проповедовал национальные революции и воскресение поработенных народов.

Церковь и кладбище в Монморанси приняли прах многих польских героев, ораторов и поэтов.

Юзеф Бем, странствующий рыцарь революции, совершил португальскую экспедицию, участвовал в австрийской революции, стал генералом в венгерской революционной армии 1848-1849 годов и, наконец, приняв ислам, стал турецким генералом под именем Амурет-паша.

Подводя итоги поражения, раздираемая противоречиями польская эмиграция обсуждала проблему: «нужно ли было браться за оружие?» — «Bić się czy nie bić?» Польская проблема № 1. были резкие критики walki zbrojnej, создававшие program ułożenia się z zaborcami. Эту дилемму должны были решать на практике сторонники королевского легитимизма и инсургеты, профессиональные офицеры Крулевства и заговорщики, «krajowcy» и эмигранты...

Оставшиеся в крае и беглецы ожесточенно спорили и взаимно проклинали друг друга; эмиграция самым фактом своего существования ставила под сомнение ład krajowy, но без края и без всех «краевых компромиссов» она сама потеряла бы всякий смысл.

Но и обвинения по адресу заговорщиков, «красных», якобы погубивших польскую свободу своим экстремизмом, тоже были несправедливы. Spiskowi ze szkoły podchorążych, rozproszający «zaburzenia», в конце концов положили конец компромиссному Конгрессовому Королевству и растревожили совесть генералов, вынужденных вопреки своей воле и убеждениям продолжать восстание.

Парижские wychodźcy предприятиями вроде wyprawy Zaliwskiego подвергали земляков репрессиям, а своим участием в африканских колониальных экспедициях в ее противоположность. Практический смысл этих действий был исчезающее малым. Но поражением кончались и все мероприятия тех, которые (тоже в интересах нации) склонны были соглашаться на компромиссы.

Так неужто не следовало бороться? Zatem trzeba było przystać na spodlenie? Этим словом борцы терроризировали соглашателей (ugodowcy), сами себя считая героями; впрочем, и сами эти соглашатели, хотя бы и неохотно, часто тоже считали борцов героями, или безумцами, или сеятелями опасного фермента. Борцов обвиняли в авантюризме или даже в провокации; эти обвинения исходили не от zaburcyw, а от собственно общества. Тем самым ставился под сомнение последний довод борющихся

— моральный довод, ибо силой они не располагали. И вот этот моральный довод в своем собственном польском обществе получил наименование patriotycznego szantażu.

И однако этому патриотическому шантажу поддавались, хотя и не из личных интересов. «Устроиться» в жизни можно было только в соглашении с zaborcami, nie przeciw nim.

Моральный довод отвергался как безответственный, а также за валленродизм, за заговорщический, тайный образ действий, за искажения человеческого естества конспирацией. И все же люди уступили патриотическому шантажу. Современный историк Томаш Лубеньский пишет о злополучных руководителях Ноябрьского восстания: «И вот люди, выбранные против своей воли, лойялисты, одаренные узурпированной властью, должны были ее принять и как-то исполнять, несмотря на все свои опасения, сопротивления и капитулянтские иссушения, потому что они еще больше боялись морального физического шантажа со стороны тех элементов, которые, как бы их не называть — бунтарями, безумцами или провокаторами, — воспользовались святой идеей независимости.

Патриотический шантаж — категория двузначная.

В Польше народ пел мрачно-веселую песенку: «*Poszli naszy w byj bez broni*».

Мохнацкий писал о польских романтиках: «Романтики были революционерами, потому ли, что все принадлежали к союзам, потому ли, что в теории искусства не признавали авторитетов».

Зыгмунт Красиньский (1812 — 1859) — писатель, происходящий из магнатского рода; его отец наполеоновский, затем царский генерал, крайний реакционер. В 1829 году Красиньский оставил Варшавский университет вследствие конфликта с патриотическим студенчеством^{**} и выехал за границу, откуда лишь изредка приезжал на родину.

Писать и печататься он начал еще в Польше, подражая «роману ужасов» и Вальтеру Скотту. Во время Ноябрьского восстания и освободительной войны Польши против царизма Зыгмунт Красиньский по приказанию отца оставался за границей.

По приказанию отца он же в 1833 явился в Санкт-Петербург, чтобы быть представленным Николаю I. Позже в стихотворении «К москалям» Красиньский излил свою ненависть к победителям, говоря (после малодушного унижения перед царем-палачом) о гордости и независимости той среды, из которой происходит, о том,

^{*}Зыгмунт Красиньский находился под исключительным влиянием отца, знатного вельможи, близкого к Николаю I. Еще студентом Красиньский по приказанию отца отказался участвовать в политической демонстрации студентов и стал изгоем в их среде. И дальше Красиньский решал все политические и личные вопросы с точки зрения отца. Для рода Красиньских «отчизна» была неотделима от власти крупной шляхты и католического духовенства.

что он никогда не будет служить москалям. Красиньский, упрекавший демократов (в том числе Мицкевича и Словацкого) за то, что своим призывом к борьбе они попирают учение Христа, сам готов был удушить всех москалей. Высокомерная брезгливость к этим азиатским варварам, русским, типична для Красиньского, как выразителя идиосинкразий крупной шляхты.

В 30-е годы под влиянием исторического опыта Ноябрьского восстания и событий в Западной Европе, изучения новейшей литературы, философии, истории Красиньский создал свои лучшие сочинения. При всех своих противоречиях и консерватизме он был чутким и прозорливым художником.

«Nieboska komedia»

«Будь проклята поэзия!» — восклицает Красиньский устами героя «Небожественной комедии».

Граф Генрик — поэт. Поэзия делает неспособным к настоящей любви, к семейной жизни, потому он может любить только свою мечту, а не живую женщину. Его личная жизнь разбита благодаря поэзии, и поэзия же губит его и на общественной, исторической сцене. Граф Генрик во главе аристократии борется против революции. Но свою среду он так же презирает, как и демократов. Он любит лишь свою мечту, живет в мире призраков и гибнет бесплодно.

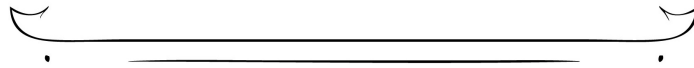
Генрик «осужден навеки за то, что ничего не возлюбил, не чтит ничего, кроме себя и грез своих».

В «Небожественной» противопоставлена революция, аранжированная сатанинскими силами, с демонизмом и жестокостью: вешание шляхтича, отрубание голов, оргия Леонарда с жрицами революции, а сам Панкратий — фанатик, с чертами Христа. Революции противопоставлены аристократы в Okorach Św. Tryjcy.

В драме Красиньского смешивались sprawy wielkie i małe, сфера «sacrum» соседствовала со сферой «profanum». Генрик и Панкратий воплощали две противоположные идеологии и противоположные темпераменты. Epilepsja Orcia, Choroba, często wykorzystywana przez literaturę tamtego okresu, uprawdopodobniała jego ekstratyczne wizje.

Кончалась «Небожественная комедия» великим кличем: «Galilaeae vicisti!» — повторением легендарных слов Юлиана Апостата.

Образ графа Генрика, несомненно, навеян Байроном, но это не просто подражание байроновским героям: в нем Красиньский выразил драму своей личности. Он сам страдал безволием, неспособностью к реальной жизни. Воля его с детства была направлена железной волей отца, гордого аристократа, который оставался верным русскому царю во времена восстания 1830-1831.

Патриотически настроенный, но во всем привыкший подчиняться отцу, Зыгмунт Красиньский участия в движении не принимал и лишь мечтал о подвигах. Эта раздвоенность усугублялась еще и физическими причинами: нервный, болезненный юноша страдал болезнью глаз, для укрепления которых врачи предписали ему долгое пребывание в темной комнате. В бездействии и тьме он мечтал о силе и подвигах. Ему казалось, что существо его распадается на тело и душу. И вот он с восторгом хватается за философию, которая учит его, что человек вообще двойственное существо, что в человеке два разных принципа — тело и душа, которые должны составить высший принцип — дух. Троичность человеческой природы отвечает троичности Божества. История мира и человека представляет собою ту же троичность: Царство Плоти (Ветхий Завет), Царство Души (Христианство), а Царство Духа еще не наступило. Оно будет осуществлением Царства Божия на земле — «Христовой общности».

Эта философия изложена им в трактате «Троица в Боге и в человеке». В историософии Красиньского равно содержатся мысли о политике, как и о Боге. Мистическая историософия служила обоснованием патриотических и аристократических идеалов молодого графа. Слияние души и тела в жизни народа — это для Красиньского соединение плоти нации (крестьянства) с душой ее (шляхтой) в единую, высшую нацию — Дух, который станет во главе других народов и поведет их по пути к Царству Божьему на земле.

Мессианистические грезы Красиньского имели большой успех у современников.

Красиньский отличался поразительной политической прозорливостью. В Париже, в Риме и во всей Европе он видел призрак социальной революции и всю силу своего таланта употреблял для борьбы с нею. В «Небожественной комедии» он показал силу ненавистной ему демократии и слабость католических, шляхетских рядов. Вождь демократии Панкратий побеждает в этой борьбе, но, превратив в развалины старый мир, он не в состоянии построить новый, ибо, по мнению Красиньского, только в единении классов возможно созидание. Панкратий погибает, побежденный Христом — символом любви.

Лирическая поэзия Красиньского, его пространные проповеди христианского смирения и покорности (подчинения крестьянства шляхте) никогда не пользовались успехом и даже снижали ему репутацию графомана. Только самые яркие консерваторы, краковские клерикалы, старательно раздували мнимое величие этой лирики.

~ ~ ~

Винценты Красиньский (1789-1858) — при вступлении французских войск в Великую Польшу (1806) стал командиром кавалерийского полка. Служил Наполеону, с 1811 — граф Империи. С 1815 — в армии Королевства Польского, сенатор. Человек консервативных взглядов, генерал Красиньский был в милости у Александра I и Николая I. Отец великого поэта, которого всю жизнь сурово угнетал.

В 1835 он анонимно публикует за границей фантастическую драму-видение «Nieboska komedia», где в обобщенно-публицистических образах впервые в польской литературе затронут вопрос о движущих историю социальных противоречиях, о неизбежности гибели старого общества.

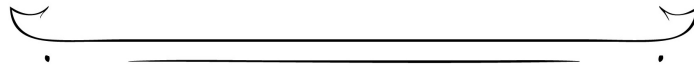
Герой драмы Генрик — представитель шляхты и религии. Старый шляхетско-католический мир борется с новым — с миром «сапожников и портных, черни, руководимой выкрестами и демагогами». Ненавистная чернь, руководимая безжалостным и умным демагогом Панкратием, побеждает. Генрик погибает.

Знаменателен идейный поединок Панкратия с Генриком. Демагог говорит:

«Стон отчаяния и боли тысячей тысяч — голод ремесленников, нищета крестьян, опозоренные жены и их дочери, унижение человечества под игом предрассудков и звериных обычаев — вот моя вера, а бог мой на сегодня — это мысль моя, это мощь моя, которая хлеб и честь распределяет среди них во все времена».

Сила же Генрика — «в моем боге, который отцам моим дал власть». Изображая борьбу аристократов и демократов с консервативных позиций, Красиньский дает в конечно счете отрицательную характеристику защитникам феодальных устоев, показывает обреченность и бессилие даже лучших из них и создает, по выражению Э. Дембовского, «похоронный гимн старому миру». Революционный лагерь Красиньский изобразил в памфлетном тоне, наделив восставших кровожадной мстительностью или слепым фанатизмом, хотя и призывал, что гнев их вызван преступлениями аристократов.

Во второй драме, «Irydion» (1833-1836) Красиньский обратился к истории упадка древнего Рима, изобразил неуклонную работу подтачивающих общество разрушительных сил и показал невозможность поворота истории вспять. Вместе с тем он выступил против идеи насильственного свержения гнета и, осудив «грех ненависти», высказался за пассивное ожидание свободы, даруемой милостью Провидения. Сюжетно эта драма связана с поэмой Мицкевича «Конрад Валленрод»: Иридион — это грек, который мстит римлянам, прикидываясь их другом. Он погибает, но побеждает мистически. Конрад в поэме Мицкевича погибал, успев разрушить изнутри Тевтонский орден. — Различие огромное.

В 40-е годы Красиньский переходит к откровенной защите аристократии и мессианизму. В поэме-видении «PrzedŚwit» (1843) он изображает шляхту как носительницу высоких христианских идеалов. Наконец, он создал «Psałmy przyszłości» (1845-1848), где выставил шляхту ведущей духовной силой нации, а социальную революцию изобразил как бедствие.

Главную отповедь Красиньскому дал гениальный поэт Юлиуш Словацкий, уже сжигаемый чахоткой. В «Ответе на «Псалмы будущего» он обличает консерватизм Красиньского и его страх перед революцией.

Зыгмунт Красиньский умер в Париже, где, кстати, и был рожден. Хотя сам он не хотел даже жить в поработенной стране, его творчество во многих случаях вдохновляло «угодовцев» — политическую партию польских дворян — соглашателей, шедших на вынужденную коллаборацию со своим ненавистным врагом — царизмом — ради сохранения классовых привилегий.

Тем не менее, блестящее художественное дарование Красиньского поставило его в один ряд с Мицкевичем и Словацким. Эти три поэта, все три разделенные соперничеством и враждой, образуют великую троицу польского романтизма.

Красиньский назвал Мицкевича «якобинцем».

Совершенно иной путь прошел другой известный польский поэт — Северын Гоцинский (1801 — 1876). Он родился близ Умани (на Украине), в обедневшей шляхетской семье. Он выступил с революционно-патриотическими стихами, направленными против обскурантизма, аристократии, костела: «Modlitwa wolnego», «Uczta zemsty», «Korab wolności» («Ковчег свободы», 1824, опубл. 1831), и др. В 1831 он издал сборник песен «Pobudka».

Гоцинский принадлежал к «украинской школе» польского романтизма, которая развивалась под влиянием украинского фольклора и изучения украинской истории. Он посвятил гайдамацкому восстанию 1768 года на Украине («Колиивщина», Гонта и Зализняк) знаменитую поэму «Zamek Kaniowski» (1828), в которой осудил насилие и преступления шляхты, показал силу народного гнева. Восстание гайдамаков он показал без оттенка польского шовинизма.

Он играл видную роль в польском демократическом движении. С ранней юности преследуемый на своей родине Украине царской полицией, Гоцинский прожил всю жизнь агитатором, революционером, членом политического общества. Участник Ноябрьского восстания, после его подавления перешел австрийскую границу, продолжал революционную деятельность в Галиции, где участвовал в создании «Содружества польского народа» и выступал с литературно-критическими

статьями. Гоциньский — это крайняя левая польского романтизма, как Краси́ньский — крайняя правая.

В 1838 он переехал во Францию, сотрудничал в демократических изданиях, писал революционные стихи, опубликовал сборник «Trzy struny» (1838), поэму в позе «Krył zamczyska» (1839 — 1840, опубл. 1842) и др. — как и Мицкевич, он подпал под влияние Анджея Товяньского, принадлежал к его секте, и мистицизм на несколько лет заглушил в нем жажду активной борьбы.

Но уже стариком, в 1863, старый поэт собирался снова взяться за оружие и присоединиться к новому польскому восстанию: Только болезнь расстроила его планы. Всю жизнь Гоцинский бедствовал и порою буквально голодал. В 1871, во время коммуны, его нашли в одной из мансард Парижа распухшим от голода. Свои убеждения он сохранил до самой смерти.

Юзеф-Богдан Залеский (Zaleski, 1802 — 1886) был другом юности Гоциньского. Он родился на хуторе Богатырка, Таращанского уезда на Украине, и сам писал, что его «мать Украина в песни пеленала». Начал писать очень рано, примкнул к романтизму. Лучшая часть его наследия: «думки», лирические стихи, поэмы — связана с Украиной, ее природой, историей, фольклором. Мелодичная и задушевная поэзия Залеского окрашена сентиментальной идеалистичностью.

С 1830 Богдан Залеский принимает в восстании и сражается с такой отвагой, что получает от польского революционного правительства золотой крест «Virtuti militari» («За воинскую доблесть»). В эмиграции тон поэзии Залеского меняется. Во Франции он был сначала членом «Демократического общества», но затем отошел от общественной деятельности и занял консервативные позиции. Он поддается преобладающему мистическому настроению польской эмигрантской интеллигенции, пишет религиозные гимны, подпадает под влияние философии мессианизма Мицкевича и пишет мистическую поэму «Дух степи», в которой воспоминания об Украине переплетаются с идеями перевоплощения души. Поздние произведения Залеского уже далеко не на высоте тех, которые он создавал в своей юности, совпавшей с «зарей польского романтизма».

Henryk Rzewuski (1791-1866)

Генрик Ржевуский (Жевуский) родился в Славуте на Волыни. Это был апологет аристократии, крайний реакционер, продажный агент царизма в Польше и человек большого таланта.

В 1839 он издал историческое повествование в форме гавэнды (болтовни) — «Pamiętki J. Pana Sewerina Soplicy cześnika parnawskiego», действие которого происходит в середине XVIII века.

В нем Жевуский создал галерею шляхетских типов — забияк, пьяниц, сутяг и невежд из окружения кн. Радзивилла («Panie Kochanku»). Произведения Жевуского одновременно с ироническим отношением к изображаемому проникнуты любованием «сарматским» (старошляхетским) укладом.

Под псевдонимом Ярош Бейла граф Жевусский издал публицистическое сочинение «Meszaniny obuczajowe» («Нравоописательная смесь», 1841-1843); в нем выразились реакционные взгляды писателя, противника национально-освободительного движения. В 40-е годы он был связан с литературной группой консерваторов, сложившейся вокруг журнала «Tygodnik Peterburski».

Противопоставление «сарматизма» западному культурному влиянию сказалось в романе Жевуского «Listopad» (1845-1846), широком историческом полотне из времен Зыгмунта—Августа. По идеологии Жевуский относительно близок к консервативному крылу польского романтизма; однако его сочность бытописания, воспроизведение эпохи через типичные для нее понятия и приметы, ориентация на «заурядного» шляхетского героя — все это сыграло первостепенную роль в дальнейшем развитии польской исторической прозы.

Жевуский написал также романы «Zamek Krakowski» (1847-1848) «Adam Śmigielski» (1851), «Rycerz Lizdejko» (1852), «Zaporożec» (1854). В 50-е годы он был чиновником при царском наместнике в Варшаве и редактировал правительственную газету «Dziennik Warszawski».

Умер 28 февраля 1855 в Цуднове.

Компания палачей и предателей

Указом от 13/25 февраля 1832 в Царстве Польском был утвержден Верховный военный суд для расправы над защитниками и главными участниками восстания 17/29 ноября 1830 года. Всего суду было предано 22 пленника и 265 беглецов заочно. Процесс продолжался 2 года, и перед произнесением приговора имп. Николай, находясь в Модлине (он не захотел въехать в Варшаву), сказал генералу Сулиме, председателю Верховного суда, что надо строго осудить мятежников: «Скоро и строго». Сулима посмел добавить: «Государь! И справедливо». Николаю это не понравилось, и Сулима был заменен.

Членами Верховного суда были ген. Панютин, Окунев, поляки Чарнецкий, Кастеллар и Квятковский — это были самые суровые судьи; судьи, склонные у

умеренному решению, были Даннеберг и Мамонов из русских, Шанявский и Фалинский из поляков; главным обвинителем был презренный поляк Покленковский.

При обсуждении меры наказания присутствующему обвиняемому Винцентию Немоевскому судья Чарнецкий так мотивировал свой вотум за смертную казнь:

«Я обязан обвиняемому Немоевскому своей жизнью, т.к. во врем революции я был арестован полковником Заливским, как плохой патриот, но личная благодарность обязана уступить перед долгом судьи; я высказываюсь за смертную казнь обвиняемому Немоевскому».

Михал Квятковский (род 1773).

Эугениуш-Alexander Rokickowski (1798-18530 — судейский чиновник в Царстве Польском, 1832 прокурор Верховного суда, потом сенатор.

Юзеф Фалинский (род. 1784) тоже был из судейских чиновников Конгрессового Крулества.

Фелиск Юзеф Чарнецкий (+1834) — сенатор-воевода Крулества, в 1832 член Верховного суда — Юзеф Каласантый Шанявский (1764-1843) — польский политический деятель.

Генерал-лейтенант Сулима Никол. Сем. (1777-1840) — участник подавления восстания, как и Панкратьев с Данненбергом.

Польское восстание 1830-1831 годов

Силуэты и лица.

Силуэты и лица.

Хлопицкий (см. также 1-ю тетрадь)

Юзеф Дверницкий

Дембинский

Винценты Немоевский

Бонавентура Немоевский

Михал Радзивилл

Скшинецкий

Прондзыньский

Маурыцы Мохнацкий

Людвик Кицки

Ян Круковецкий

Типичная расправа — князь Сангушко

Юзеф Высоцкий

Петр Высоцкий

~ ~ ~ ~ ~

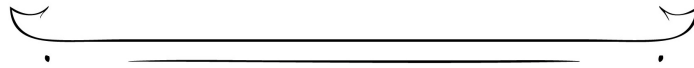
Юзеф Бем
Иоахим Лелевель
Удивительное превращение Адама Гуровского
Падение знаменитого рода (Пацы)
Вацлав Ржевуский
Ворцель
Колонна Валевски
Жизнь и смерть Михаила Чайковского
Гауке
Томаш Лубенский
Юзеф Заливский
Владислав Замойский
Юзеф Островский
Генрык Каменский

Гжегож Юзеф Хлопицкий (1771-1854) — участник восстания 1794. В 1797 — майор 2-го батальона 1-го польского легиона на службе Французской республики. После легионов служил во французской армии, с 1807 — в войсках великого княжества Варшавского. С 1815 — дивизионный генерал в армии Королевства Польского. Поссорившись с Константином, демонстративно подал в отставку, что снискало ему большую популярность. К восстанию 1830 относился резко отрицательно, но согласился принять диктатуру, рассчитывая ускорить соглашение с Николаем I.

1. Grzegorz Jyzef Chłopicki (1772-1854) — польский военачальник, на службе у Наполеона сильно отличился, особенно при осаде Сарагосы, получил крест Почетного Легиона. Барон Империи. В русском походе 1812 года ранен под Смоленском. В 1814 году вернулся в Польшу. Независимое поведение по отношению к наместнику цесаревичу Константину снискало большую популярность.

При начале «революции 29 ноября» (т.е. варшавского восстания 17/29 ноября 1830 года) Хлопицкий сначала не принимал никакого участия в событиях, но по общему желанию согласился 5 декабря (н. стиля) принять диктатуру, которую сложил уже 23 января 1831. Затем вступил в армию простым солдатом и отличился особенно под Вавром (19 февраля) и Гроховым (25 февраля), где в кровавой битве за Ольшину был тяжело ранен.

10 марта Хлопицкий переехал в Краков, где жил и в одиночестве умер 30 сентября 1854.

2. Józef Dwernicki (1778-1857) — кав. генерал, участник войны Домбровского и Понятовского, русского похода, за Лейпциг и Ганау получил крест Почетного Легиона.

В 1830 быстро организовал 3-ю кавалерийскую дивизию, уже в начале февраля начал драться. 14 февраля 31 выиграл бой под Сточком Подляским с ген. Гейсмаром, а через 5 дней под Новой Ветью с ген. Крейцем (Kreutz).

Посланный с дивизией за Буг, 4 марта взял Люблин. В апреле Рюдигер разбил его части и вытеснил самого в австрийскую Галицию, где 1 мая Дверницкий сложил оружие.

3. Генрих Дембинский

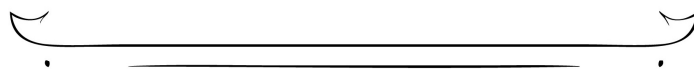
Henryk Dembiński — дельный офицер наполеоновской Великой Армии, великолепный стратег и zagończyk (zagon — рейд, набег) во время Ноябрьского восстания, в котором он zdobył generalskie szlify (эполеты). 10 августа 1831 в лагере под Болимовым Сквинецкий передал Дембинскому dowództwo naczelne. Но Дембинский был главнокомандующим недолго, всего несколько дней.

В эмиграции поступил на службу египетского паши и организовал войско в Сирии. В 1848-1849 был одним из вождей (какое-то время даже главнокомандующий) революционной Армией Венгрии. Человек, который участвовал во всех битвах за свободу, Дембинский был niezłomny, szalenie odważny idealista. Летом 1850 он приехал в Париж. Ему было неполных 60 лет. Внушительная осанка, голова старого льва, с совершенно седой головой и усами, с властным взглядом светлых и мудрых глаз. Живое воплощение романтической легенды о трагич<еском> герое. Вся польская эмиграция, раздираемая распрями, окружала его неслыханным уважением.

Молодой живописец Henryk Rodakowski упросил Дембинского позировать для «исторического портрета». Он написал одинокого вождя, сидящего перед шатром, с картой на коленях, и в генеральской венгерской форме. Новый романтический герой — вождь разбитой армии «Генерал Дембинский» получил золотую медаль парижского Салона 1851. Картина вдохновила стихотворение великого поэта Норвида.

Henryk Dembiński (1791-1864)

Воспитывался в Венской инженерной академии, служил в польских войсках Наполеона I, был дельным офицером, несмотря на молодость.

Во время Ноябрьского восстания получил бригаду, прославился походом в Литву и действиями Беловежской пушче, заслужил генеральские эполеты. Великолепный стратег и «zagończyk», т.е. конный партизан (по-польски *zagon* значит рейд, набег), Дембинский приобрел большую популярность в армии. 10 августа 1831 в лагере под Болимовым Сквинецкий передал Дембинскому главное командование над армией. Но Дембинский был главнокомандующим недолго.

После падения Варшавы он эмигрировал и вел бродячую жизнь, поступил на службу египетского паши Мехмета-Али и организовал его войско в Сирии. Во время Венгерского восстания в 1849 Дембинский явился в ряды инсургентов, но здесь этот отважный партизан, поставленный во главе крупных венгерских сил (какое-то время даже главнокомандующий), действовал неуспешно. Военное превосходство русской интервенции было слишком велико. Когда стала очевидной невозможность дальнейшей борьбы, Дембинский бежал в Турцию. В 1850 летом прибыл в Париж.

4. Wincenty Niemojewski (1784-январь 1834 — государственный деятель, из знатного рода, с 1818 калишский посол в Сейме, сразу стал во лаве оппозиции как рьяный защитник конституции 1815 года, снискал большую популярность. В 1825 преследования властей дошли до домашнего ареста В. Немоецкого, с запрещением въезда в Варшаву.

После Ноябрьского восстания 1830 он поспешил в столицу, снова заседает в Сейме как посол Калиша, вошел в сосав революционного правительства и там играл активную роль. После падения Варшавы хотел бежать во Францию, но был схвачен на границе, приговорен к ссылке в Сибирь, но по дороге заболел и + в Москве. В «национальном правительстве» был заместителем министра внутренних дел и полиции.

5. Его брат Bonawentura Niemojewski (1787-1835), патриот и публицист, тоже посол Сейма и член оппозиционной группы В. Немоевского, был в Сейме 1830-31 годов членом так называемого stronnictwa kaliskiego, которое в точности опиралось на конституцию и занимало центр между «аристократиями» и «демократами». В мае 1831 вместе с Малаховским вышел из состава министерства, но еще активнее действует как посол и публицист. Когда во 2-й половине августа ген. Круковецкий стал *prezesem rządu*, он захотел перетянуть на свою сторону «калишскую партию» и призвал Бонав. Немоевского и *wiceprezesa* Б. Немоевский согласился. В ходе переговоров Круковецкого о сдаче столицы в ночь с 7 на 8 сентября, объединение избы Сейма сместили этого генерала и поставили Бонав. Немоевского председателем

правительства. Он принял этот выбор по крайней необходимости, не желая еще более осложнять отчаянное положение, а после капитуляции ушел с войском в Модлин.

Когда 23 сентября 1831 большой военный совет высказался подавляющим большинством против продолжения борьбы, возмущенный Бонав. Немоевский сложил свою должность и вместе с другими членами правительства вскоре покинул край, отправляясь во Францию. Умер изгнанником в Париже.

6. Кн. Михал Радзивилл (1778-1850), когда Хлопицкий сложил диктатуру, получил от Сейма 21 января 1831 главное командование. Принял неохотно и после гроховской битвы передал верховное командование 26 февраля Скшинецкому.

7. Jan Zygmunt Skrzyneczki (1787-1860) — служил Наполеону. В период Конгрессового Королевства получил командование 8-м пехотным полком. Наутро после гроховской битвы назначен главнокомандующим, но надеялся лишь на иностранное вмешательство. В начале марта вел даже переписку с Дибичем, что было дурно принято в Париже и Лондоне. Слабый военачальник. Счастливо продуманный Прондзыньским напад на гвардию по вине Скшинецкого не удался, а в результате — поражение при Остроленке (26 мая 1831), которое деморализовало армию. Скшинецкий вернулся в Варшаву, хотел уменьшить силу Патриотического клуба и реформировать правительство, возможно, в целях достижения диктатуры. Сейм на реформу не согласился, общественное мнение против Скшинецкого. Наконец, он был вынужден 10 августа в лагере под Болимовым передать главное командование Дембинскому. Затем присоединился к партизанскому корпусу ген. Рожицкого, с которым 22 сентября перешел на территорию вольного города Кракова, а оттуда отправился в Галицию.

8. Игнацы Прондзыньски (Prądyński, 1792-1850) — военный инженер, с 1813 адъютант Домбровского. Восстание 1831 застало его pułkownikiem kwatermistrzostwa, был послан укреплять Замостье. Когда главное командование получил Скшинецкий начинаются недоразумения, которые достигли пика после Остроленского поражения 26 мая.

5 июня Скшинецкий уволил Прондзыньского, и тот 16 июня пишет председателю правительства и маршалам «посольской избы» свое оправдание, а по сути дела — обвинения Скшинецкого, которому Прондзыньский отказывает не только в способностях вождя, но и в солдатской отваге.

Вновь призванный на службу, Прондзыньский в начале августа стал квартирмаршалом при Дембинском. Предложенное ему после событий 15 августа

главное командование Прондзыньский принимает при условии разделении его Круковецким; однако, плохо принятый в главной квартире, слагает его другой день.

Составляет план обороны столицы. 4 сентября вместе с Высоцким начинает переговоры с Даненберген, которые затем ведет 7 сентября, по предложению Круковецкого, с графом Бергом.

Сослан в Ярославль, затем в Гатчину, описал по приказу имп. Кампанию 31-го года. 1833 вернулся в Польшу, потом выехал в Краков, умер на острове Гельголанд.

9. Маугусу Mochnecki (1804-1834)

Родился в деревне Боянец (Западная Украина). Выдающийся критик, в дискуссиях 20-х годов выступал как сторонни романтизма, высоко оценил его зачинателей (Мицкевича, Мальчевского, Гоциньского и др-х); писал также о музыке и театре. Мохнацкий стремился перенести на польскую почву концепции немецкой эстетики, прежде всего Шеллинга. Боролся за национальное своеобразие литературы, от литературной критики требовал не приговора художнику на основе свода низменных правил, проникновения «в суть исторического духа народа» через рассмотрение его художественных памятников. Основной труд Мохнацкого — «O literaturze Polskiej w wieku XIX— um» (1830).

Мохнацкий участвовал в деятельности подпольных патриотических организаций. Сначала во имя патриотической мысли он горячо противился планам вооруженного восстания; проникательный, далеко видящий, он яснее всех понимал чрезвычайно малые шансы такого восстания. В конце концов он решился принять участие в Ноябрьском восстании — решился отчаянно, очертя голову, только из солидарности с поколением, к которому принадлежал.

Мыслитель, понимающий объективные факты, всегда сохранял интеллектуальную дистанцию перед явлениями действительности, всегда — кроме вечера 29 ноября 1830, когда он вышел на варшавские улицы. Романтик-позитивист, фигура сложная и противоречивая, Мохнацкий стал одним из лидеров «красных» (демократического крыла в ноябрьском восстании).

После 1831 Мохнацкий эмигрировал во Францию и работал над историей этого восстания («Powstanie narodu polskiego w r. 1830-31», t. 1-2, 1834).

Современный польский историк в эссе «Wieczyr listopadowy» пишет: «Historia powstania narodu polskiego...» — это лучшая политическая книга, какая написана в польской литературе, наверняка одна из лучших в европейской литературе. Ее не переиздают сто лет, потому что авторы, пишущие о Мохнацком, не могут решить, кем

он собственно был: революционером, консерватором или просто гениальным игроком?»

«Wielka Emigracja» после 1831 сильно идеализирована историками. Значение великих романтических поэтов в формировании национального сознания сильно преувеличено. В эмиграции больше читали газеты и манифесты, чем стихи и драмы, а в «краю» знаменитых изгнанников еще меньше знали. Даже Мохнацкий, который в Варшаве провозгласил Мицкевича первым национальным поэтом, в Оксерре словно бы и вовсе не знал о появлении «Дзядов» и «Пана Тадеуша».

«О польской литературе XIX века» — это небольшая книжечка, которую Петр Хмелевский назвал «конституционной хартией романтизма в Польше». Мохнацкий, вслед за Шеллингом считая искусство высшим выражением «национального духа», говорил в этой книжечке: «Действительное бытие имеет лишь то, что сознает свое существование, поэтому имеет бытие лишь тот народ, который пришел к сознанию своего существования, а это сознание выражается в литературе; народы, которые не создали своей литературы, исчезли, каково бы ни было их политическое прошлое; народ, который хоть раз пришел к самосознанию и выразил его в литературе, исчезнуть не может».

Это писалось накануне восстания, книжка осталась незаконченной, потому что Мохнацкий с головой окунулся в борьбу: он боролся и пером публициста, и оружием солдата. Улучив минуту в разгаре борьбы, он вернулся к своей книге и написал предисловие, где есть такие слова:

«Пора, наконец, перестать писать об искусстве. Теперь другое у нас и на сердце, и на уме. Мы импровизируем самую чудную поэму народного восстания. Наша жизнь уже стала поэзией. Лязг оружия и грохот пушек — вот что отныне будет нашим ритмом и нашей мелодией. Не польская литература, но польский край со всем его народом, с полями и степями, — вот что должно нас прежде всего занимать. Немного я найду теперь читателей, и я радуюсь этому... Все экземпляры своей книги я обрекаю на то, чтобы они лежали на книжных полках до тех пор, пока мы не вернем себе политического бытия».

Из этого явствует, что возможность открытой политической борьбы прекрасно лечит от немецкого идеализма.

Призыв превратить поэзию слов в поэзию подвигов не был для него простой фразой. В битве при Остроленке Маурыций Мохнацкий получил четыре раны.

Он умер 20 декабря 1834 в маленьком французском городке Оксере.

10. Ludwik Kiciński. Родился в 1799 году. Храбрый воин, при «Конгрессовом Крулестве» — полковник в отставке. Был женат на Зофье с Матушевицев, которую воспитала у себя в Пулавах знаменитая Изабелла Чарторыйская. Но первая жена

Кицкого рано умерла. Вторым браком он женился на Наталье z Bizpingu, но брак их длился всего полгода.

Приняв активное участие в Ноябрьском восстании, Кицкий стал генералом. Jeden z popularniejszych dowódców powstańczej jazdy, герой нескольких битв, он мог бы иметь и свою минуту в чехарде польских главнокомандующих, но уже 26 мая 1831 погиб в сражении при Остроленке — пал с саблей руке во время атаки на русские пушки. Его молодая жена осталась беременной. Дочь, родившаяся уже по смерти отца, называли Людвикой, но жила она мало. Наталья Кицкая умерла в 1888, в возрасте 87 лет, оставила пространные мемуары, в которые включила письма мужа в период восстания.

Кицкий был сыном королевского конюшего и сенатора-воеводы времен великого княжества Варшавского; в 1809 вступил в его армию, сражавшуюся под знаменами Наполеона, вскоре стал адъютантом генерала Рожнецкого, потом капитаном штаба Юзефа Понятовского. Отличился своей храбростью под Смоленском, Бородиным, над Березиной и под Лейпцигом, где был тяжело ранен. — Позже в армии Крулества Польского стал адъютантом цесаревича Константина и камергером императора. В 1830 принял активное участие в восстании, получил чин генерала. Погиб под Остроленкой 26 мая 1831.

11. Граф Ян Круковецкий (Krukowiecki, 1770-1850) — в русской службе назывался Иваном Петровичем. Род Круковецких получил графский титул в Галиции в 1794. Ян Круковецкий служил в австрийской армии, потом в армии Великого Герцога Варшавского и Царства Польского.

В 1830 инсургенты поручили генералу Круковецкому дивизию и назначили генерал-губернатором Варшавы; он много сделал для укрепления столицы и строго наблюдал за порядком, но не пользовался доверием инсурентов. Вытесненный из этого положения своим личным врагом главнокомандующим Скшинецким, Круковецкий стал во главе одного радикального кружка и после народного возмущения 15 августа 1831 совершенно захватил власть в свои руки; напуганный сейм выбрал его в президенты с диктаторской властью.

Круковецкий, однако, не обнаружил ни стратегических талантов, ни мужества и после кровавого боя у Воли (6 сентября нового стиля) начал с русскими переговоры о добровольной сдаче, во время которых сейм его сместил. После взятия Варшавы Круковецкий попал в плен, был сослан в Казань, а потом всеми забытый, жил в Варшаве, где и умер.

11. Типичная расправа — князь Сангушко

Князь Роман Сангушко (1880—1881) — отпрыск одной из знатнейших фамилий Литвы. Когда началось Ноябрьское восстание, молодой магнат был отставным кавалергардским корнетом. Но бывший гвардеец царя встал под знамя свободы. Он был взят русскими в плен и, как изменник, лишен чинов, княжеского титула и дворянства. По рассказу Петра Долгорукова, тогдашний гродненский губернатор Михаил Муравьев велел привести Сангушко в губернаторский дом и в зале велел при себе сорвать с него мундир, после чего плюнул ему в лицо. Сангушко был сослан в Сибирь на поселение, в 1832 определен рядовым в 1-й Сибирский линейный батальон и в то же году переведен на Кавказ.

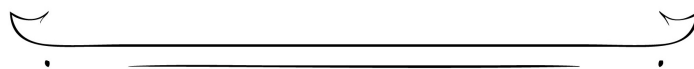
Там он в 1837 за отличие получил офицерский чин. В 1841-1842 служил чиновником в Московском статистическом комитете; воцарение Александра II положило конец его мытарствам. В 1857 Роману Евстафьевичу Сангушко были возвращены княжеский титул и все его права. Будучи крупным землевладельцем Волынской губернии, Сангушко основал много заводов и фабрик, первым завел в этой губернии сахароваренную промышленность. Превратился в капиталиста.

13. Юзеф Wysocki (1809-1974) — польский генерал, участник восстания 1830-1831, после поражения которого эмигрировал во Францию, где много работал в военных мастерских Меца и Тулузы. В 1848 сформировался для Кошута польский легион. Участие в битвах против австрийцев и русских дало ему чин венгерского генерала. После разгрома венгерской революции бежал в Турцию, а оттуда в Лондон и Париж. В 1863 явился в восставшую Польшу, командовал партизанским отрядом возле Ломжи и снова вернулся в Париж, где и умер.

14. Петр Высоцкий (1799-1877) — офицер, один из главных заговорщиков 1830 года; вечером 29 ноября подал сигнал к восстанию Варшавы. Вместе в Дверницким волновал Волынь и Галичину, затем вернулся в Варшаву и в чине полковника защищал редуты во время штурма 26 августа 1831 года. Был взят в плен, сослан на каторгу в Сибирь, в 1857 помилован Александром II.

В начале восстания Петр Высоцкий играл такую важную роль, что Хлопицкий специально позаботился отделаться от него: дал чин майора, и в этом чине Петр Высоцкий некоторое время командовал 10-м пехотным полком.

15. Юзеф Бем род. 14 марта 1794 в Тарнове (Галиция). Воспитывался в кадетском корпусе и <закончил> артиллерийское училище в Варшаве. Вступив в польскую конную артиллерию, участвовал в русском походе Наполеона в 1812 году.

За отличие при обороне Данцига (1813) получил от Наполеона орден Почетного легиона.

После преобразования польской армии в 1815 Бем снова поступил в артиллерию, читал лекции в Варшавском артиллерийском училище, но по кончине Александра I был уволен от службы как человек неблагонадежного образа мыслей.

Когда вспыхнуло ноябрьское восстание, Бем поспешил в Варшаву и сразу занял выдающееся положение в польской армии. За отличия в боях при Иганье и Остроленке назначен главнокомандующим всею польскою артиллерией, к^ото^{ро}ю он распоряжался весьма искусно во время варшавского штурма.

Эмигрировав в Германию, а потом в Париж, Бем примыкал к консервативно-аристократическому крылу Великой Эмиграции. Большею частью занимался различными научными проектами и ушел в частную жизнь. Европейская революция 1848 вновь пробудила кипучую энергию Бема. В Вене он принял активное участие в Октябрьском восстании и стал одним из главных организаторов обороны Вены от правительственных войск, а по заключении венцами капитуляции успел бежать в Венгрию, где Лайош Кошут поручил ему главное начальство над Трансильванией.

Здесь Бем высказал вновь замечательную энергию и предприимчивость, как в организации военных сил, так и в борьбе против русских и австрийцев, командуя венгерскими войсками в Трансильвании, Бем одержал победу над превосходящими силами Австрии и России. Наконец, русскому генералу Лидерсу удалось разбить <его> под Темешваром и Германштадтом (июль 1849). Вызванный Кошутом в Венгрию и потерпевший новое поражение над Темешваром, Бем бежал в Турцию, принял магометанство и под именем Амурат-паши стал работать над преобразованием турецкой армии.

По настоянию России и Австрии, Амурат-паша в 1850 был удален из султанской столицы и водворен в Алеппо (Сирия). Здесь в ноябре 1850, во главе турецких войск, Амурат-паша подавил кровавое восстание арабского населения против христиан и 10 декабря 1850 умер в Алеппо от лихорадки, которой не смог перенести его организм, подорванный трудами и ранами.

Бем был очень талантливым полководцем. Всегда любим своими солдатами.

16. Йоахим Лелевель (1786—1861)

Великий патриот, историк и общественный деятель Польши происходил из давно ополяченного немецкого рода. В 1808 он закончил Виленский университет, где в 1815—1818 и 1821—1824 годах занимал кафедру истории (основатель

романтической школы в польской историографии). После раскрытия тайных студенческих обществ «филаретов» и «филоматов» Лелевель был отстранен от преподавания как их идейный основатель.

Переехав в Варшаву, он установил связь с тайными патриотическими организациями. В 1828 был избран послом в Сейм.

С началом Ноябрьского восстания 1830 Лелевель как признанный идеолог освободительного движения стал председателем *Towarzystwa Patriotycznego* и вошел в Административный Совет. После входа в правительство Лелевель в Вежбне 2 декабря 1830 вместе с Островским составлял более смелую половину депутации. Великому князю Константину он сказал, что то, что великий князь видит, есть не бунт, ale powstanie narodowe, и, посоветовав Константину покинуть край.

При создании Rządu Tymczasowego (в ночь с 3 на 4 декабря) Лелевель проявил некоторую инициативу, но далее не развил ее. Во время przesilenia 17-19 декабря вел себя равнодушно, в Сейме голосовал с большинством, принял пост заместителя министра просвещения. Его обширные мероприятия в этой области не успели осуществляться.

Лелевель участвовал в составлении манифеста, предназначенного для Европы и подчеркивающего законность действий поляков, защищавших конституцию 1815 от нарушений и насилий (официальная дата манифеста — 20 декабря 1830, действительная — 5 января 1831).

Патриотическое общество резко критиковало правительство, и по приказу Хлопицкого Лелевель 11 января 1831 был арестован, но ненадолго.

Ему принадлежит лозунг «*Na Litwę!*» — 25 января 1831 Лелевель произнес в Сейме речь, поддерживая предложение о детронизации династии Романовых и одновременно предлагая обращение к русским и манифест к польскому народу. Он вошел в состав Rządu Narodowego. Коллеги по правительству Чарторыйски и Бажиковски (*Barzykowski*) называли Лелевеля «социалистом», «демагогом». В составе Национального правительства Лелевель добивался принятия ряда революционных мер (наделения части крестьян землей и др.). Шляхта ненавидела Лелевеля за его «агарный социализм» (социализма в этом никакого не было).

В мае 1831 в Сейм были введены литовские и «русские» (украинцы и белорусы) послы, чего горячо добивался Лелевель.

15 августа 1831 восставшая народная толпа вторглась в зал заседаний правительства. Поведение Лелевеля дало повод слуху, что он действовал в сговоре в *Królewieckim* и *Puławskim*, хотя «историк-политик» планов переворота не разделял, в Komitet Ocalenia Publicznego войти не хотел, предложения генерала Круковецкого отверг.

После подавления восстания Лелевель эмигрировал и 29 октября 1831 прибыл в Париж, где возглавил Национальный польский комитет. В эмиграции он становится более радикальным.

В 1832 против известного законопроекта Фергюссона в английской палате общин Лелевель собрал протесты всей Франции; он был против легиона, против португальской экспедиции Бема, против алжирских формирований.

За опубликование Национальным комитетом написанного Лелевелем воззвания «К братьям русским», содержавшего призыв к совместной борьбе против царизма, правительство Луи Филиппа в сентябре 1833 выслало его из Франции. Он поселился в Брюсселе и прожил 20 лет на rue du Chêne, 26, близ Ратуши.

18. Падение знаменитого рода.

Пац — шляхетский род герба Гоздова, восходящий к первой половине XV века. Николай Пац (+1985), епископ киевский, был в 1562 послом в Москве; примкнул к реформации, оставил в 1582 епископскую кафедру и получил должность смоленского Каштеляна. В 1579 издал религиозную поэму «Epistola ad verso Christi Fideis».

Станислав Пац (+1588), коронный подстолий, разбил русские войска в 1564 и 1566.

Михал Казимир Пац (+1682) бил шведов в Курляндии, в 1660 взял Вильно после шестилетней русской оккупации города; известен как враг кроля Яна Собесского.

Крыштоф Зыгмунт Пац (1621-1684), канцлер великого Княжества Литовского, был также врагом Яна Собесского.

Последний в роду Людвик Пац (+1835), генерал и сенатор Царства Польского, стал одним из вождей восстания 1830-1831. За это громадные имения Пацев были конфискованы царем Николаем I.

19. Вацлав Ржевуский (правильнее Жевуски, 1765-1831) — польский поэт, ученый и путешественник по Востоку, популярный благодаря своим романтическим приключениям. Говорили, что в Аравии он принял ислам под именем Эмир-Гутап. Сам себя называл Эмир Тадж уль Фехр, что означало в переводе с арабского «Венец славы». Мицкевич воспел его в поэме «Фарис».

Вацлав Жевуский удивлял мир своими познаниями и фантазией. Его отец был Северын Жевуски — один из инспираторов Тарговицкой конфедерации. Зато Вацлав Жевуский, słynny „Emir”, умер от ран под Дашевым в 1831 году.

20. Ворцель (Worcell)

Станислав Габриэль Ворцель 1917-1857) — сын богатого магната, с юных лет участвовал в революционном движении, член Патриотического общества и активный участник Ноябрьского восстания. Этот граф был руководителем польской демократической эмиграции. Друг Герцена.

21. Александр Флориан Юзеф Колонна, граф Валевский (1810-1868) — побочный сын Наполеона и графини Валевской, род. в имении Walewice. Принял участие в Ноябрьском восстании, после подавления его эмигрировал в Париж, где встретил восторженный прием. Поступив во французскую армию, он сражался в Алжире, затем вышел в отставку и занялся журналистикой. При Наполеоне III — министр. В каких-то мемуарах о нем сказано: «Вальсирует, как полубог».

22. Жизнь и смерть Михала Чайковского (1804-1886)

Михал Чайковский (1804-1886) — польский писатель и воин, непримиримый враг русского царя. Молодым патриотом участвовал в Ноябрьском восстании, в 1831 бежал из Варшавы и эмигрировал в Турцию. Он был красивым, голубоглазым юношей. В Турции принял магометанство и стал называться Садык-Магометом. Бывший вальсер парижских салонов, Садык-Паша стал батькой отборных «султанских казаков» (некрасовцев и запорожцев). Под ним ходили три иррегулярных сотни: украинская, добруджская и кубанская. Садык-паша командовал ими во время Крымской войны и проявил отвагу в боях с русскими.

Уже в весьма зрелом возрасте Садык-паша женился на молодой красивой гречанке Тересе Теосколо. Узнав, что ее связывают дружеские отношения с экономом дома Янковским, престарелый Садык-паша потребовал, чтобы она удалила последнего. Тереса отказалась, и 17 января 1886 Садык-паша покончил с собой выстрелом из пистолета. Ему было 82 года.

Русские называли его Михаилом Станиславовичем. На султанскую службу он вступил в 1851; во главе своих «султанских казаков» участвовал в войне против России в 1853-1856. Чайковский был шляхтич с Украины, романист. В Стамбуле он долго жил как официальный представитель отеля Ламбер (Agencji Polskiej князя Чарторыйского). Его жена и трое детей остались в Париже, он сошелся в Стамбуле с Людвикой Шьяндецкой, которая фактически стала его женой.

Связь Чайковского со Шьяндецкой вызвала скандал и послужила той каплей, которая переполнила чашу терпения князя Адама Чарторыйского и его окружения.

Главным источником разногласий были «плебейские» концепции пана Михала, который (вопреки желаниям Чарторыйского и графа Замойского) не хотел, чтобы

~ ~ ~ ~ ~

будущие польские формирования подчинялись Польше и в случае вступления в Польшу защищали бы имения польской шляхты на Украине.

В 1850 князь Адам отобрал у Чайковского руководство Польской Агенции в Стамбуле и передал Владиславу Косцельскому, рекомендуя Чайковскому вернуться в Париж. В ответ Пан Михал принял ислам и вместе с Людвикой Шньядецкой приступил к энергичной организации польского легиона на султанской службе. До него, например, ислам принял Юзеф Бем. Поляки, принявшие ислам, не подлежали выдаче в силу трактатов Турции с Австрией или Россией. Султан не выдавал мусульман.

[Среди обращенных был участник великопольского восстания Konstanty Borzecki, он же Мустафа Джелалетдин Паша, член генерального штаба Оттоманской Порты, прадед поэта Назыма Хикмета].

Людвика Шньядецка вступила в мусульманский барк с Садык-пашой. Они жили в богатом, большом доме с садом. Однажды ночью в 1851 их дом был кем-то подожжен, дотла сгорел вместе со всеми бумагами. Это была главная потеря: имущество вскоре удалось восстановить с помощью турецких друзей.

Во время Крымской войны Садык-паша командовал польско-казацким легионом (два полка) и находился в Бургасе. На Черном море. Сюда к нему приезжал Адам Мицкевич, взявший на себя посредническую миссию в деле примирения Садык-паши и Замойского. Из этого ничего не вышло, Мицкевич вернулся в Стамбул и умер от холеры.

В 1856, после Парижского мира, султан постепенно ликвидировал легион Садык-паши. В феврале 1865 умерла Людвика Шньядецка, женщина замечательного ума, обаяния и энергии, имевшая сильное влияние на Садык-пашу. Тогда наступил его закат.

В 1872, прощенный русским царем, Чайковский вернулся на родную Украину. Там и разыгралась его драма: он застрелился 4 января 1886 в украинской деревне Пархимово близ Боков. (А родился в деревне Гальчинец под Бердичевым).

Чайковский — автор повестей и рассказов из истории славян, преимущественно украинцев: «*Powieści kozackie*» (1837), «*Wernyhora*» (1838), «*Kirdžali*» (1839) и др. Надежду на будущее человечества и освобождение родины он связывал с казачеством, которое идеализировал в духе реакционных утопий. Культивировал поэтич<ескую> прозу, стилизованную под украинский фольклор; отдавал предпочтение приключенческой фабуле. Лучшим в наследии Чайковского признан роман «*Owrućzanin*» (1841) — из жизни шляхты на Украине в 1812 году.

23. Маурицы Гауке (1775-1830) — генерал, участник войны 1792 и восстания 1794. С 1798 сражается в рядах польских легионов. Во время осады Мантуи австрийцами, когда поляки защищали ее вместе с французами, Гауке был капитаном артиллерии. С 1806 он служил в войске великого княжества Варшавского, участник войны этого княжества с Австрией в 1809. В Королевстве Польском — генерал от артиллерии, заместитель военного министра, приближенный великого князя Константина, «граф Маврикий Федорович».*

Снискал ненависть в радикальных кругах и 29 ноября 1830, в первый же вечер восстания, был убит как предатель.

24. Томаш Лубенский (1784-1870) в Великом Герцогстве Варшавском стал командиром кавалерийского полка. Участвовал в наполеоновских войнах, сражался в Испании. В Конгрессовом Круге стал сенатором. Генерал Лубенский активно участвовал в восстании 1830-1831.

25. Юзеф Заливский (1797-1855) — один из организаторов Ноябрьского восстания 1830, в 1833 предпринял попытку возобновить восстание в Королевстве Польском. Экспедиция не удалась и повлекла за собою жестокие репрессии.

26. Граф Владислав Замойский (1803-1868) — участник восстания 1830-1831, эмигрант, участвовал в организации польских добровольческих формирований в Италии (1848-1849) и Турции (1855). Был соперником Садык-паши (Чайковского) и его «султанских казаков».

27. Юзеф Болеслав Островский (1803?-1871) — участник восстания 1830-1831, беспринципный деятель и пасквильянт (прозвище *Ibuś*). В эмиграции с 1831, широко известен как бесчестный интриган.

28. Henryk Kamieński — командир эскадрона в Испании, во время ее завоевания Наполеоном, один из участников штурма Сомосьерры, в 1811 произведен в полковники, в 1812 переведен в корпус Раппа, вместе с которым выдержал осаду

* Отца «Маврикия Федоровича Гауке» звали Фридрих Гауке. Этот польский шляхетск<ий> род происходил якобы из Фландрии. Фридрих Гауке (+1810) переселился в Варшаву, был директором лицея. Маврикий Г<ауке> — военный министр, убит в начале восстания. — Его дочь Юлия (род. 1825) вышла замуж за принца Александра Гессен-Дармштадтского, получила титул графини, а позже герцогини Баттенберг и была матерью принца Александра Баттенберга, великого князя Болгарии, а впоследствии графа Гартенау.

Племянник министра Маврикия Гауке был Юзеф Босак-Гауке, игравший видную роль в восстании 1863-1864 и убитый в рядах французских войск под Дижоном в 1870 году.

Гданьска. С 1830 Каменьский был генералом в восставшей польской армии. Погиб в кровавой битве при Остроленке 26 мая 1831, как и генерал Кицкий.

Польская смесь (быт, нравы, история)

Три лика Богоматери особо чтимы в Польше: 1) святая Ченстоховская икона, покровительница Польши; 2) образ Богородицы в костеле Остра Брама, Вильно, покровительница Литвы; 3) чудотворный образ в замковом костеле Новогрудка.

Кавария — женский монастырь в предместье Вильны.

Сад дворца Казановских в Варшаве; мраморные изваяния греческих богов и богинь.

Влока — 20 десятин. Гарнец — j ведра.

«Вербушка — польская песня вербовщиков; разгульные песни вроде казачка или краковяка, бывшие в большом ходу в западных губерниях, когда у нас были вербованные (уланские) полки, где рядовые по польскому обычаю назывались товарищами».

Кобза — округлая балалайка или род бандуры, на которую натянута «кобза струн» (8 струн или 4 пары скрипичных струн).

Казачка — рогаль, рукоять сохи, за которую держится пахарь.

Złoty humor — светлое, радостное расположение духа.

Mieć zająca w głowie — польская поговорка о болтливом, легкомысленном, вертлявом человеке, который не может сосредоточить свои мысли.

Do naszego brzegu nie płynie nic dobrego.

Встреча с зубром — дурная примета. В Беловежской пуще матерого зубра называли «старик».

Серомахи — запорожцы называли северный ветер «москаль», северо-западный — «лях», западный — «немец», южный — «турок».

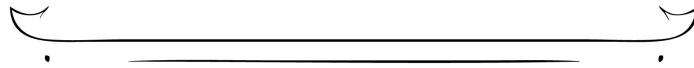
Стопа — мера длины, чуть более 25 см.

«Люсцины» — варшавская: газета 2-й половины XVIII века; ее развозили козаки-почтари. Газета заполнялась скучнейшими известиями о въезде и выезде из Варшавы знатных лиц, об их помолвках, браках, родинах и крестинах.

Панский чулок — вязанный на пяти крутках или спицах.

«Панчизна (белорусск.) — барщина, работа на пана. «Панцырные бояре» — род шляхты или однодворцев в западных губерниях» (Даль).

Wilanuw — загородный дворец, построенный итальянским архитектором Лочии для короля Яна III (Собесского) вблизи Варшавы, среди леса, у озера. Любимая резиденция Яна III (он и умер в Вилянуве).

Орден Белого Орла учрежден Августом Саксонским. Первоначально представлял собой золотую медаль, на лицевой стороне — польский белый орел, вокруг него «легенда»: «Pro Fide, et Lege», на обороте — инициалы «A.R.» (Augustus Rex). Носили его на груди, на голубой ленте.

Скарედный — мерзкий и отвратительный. Ołtarzyk — особые носилки для ношения священных процессиях местных образов. Бабинец — паперть (на ней всегда теснятся нищие бабы).

Чамарка (венгерка) — длинное мужское платье, обычно темного цвета. В XVIII в. одежда слуг.

Лазенки — загородный сад в г. Кутно под Варшавой. Шляхтянки в старинных ротондах, в черных с блестками пелеринках, в длинных шелковых платьях с воланами.

Palatyna — меховой воротник.

Напутствие рыцарям: «Да хранит вас Матка Боска Ченстоховска!»

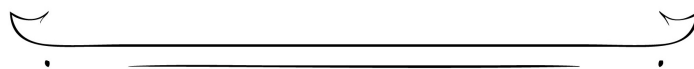
Стремянная чарка оковиты (водка, искат. aqua vitae). Пани XIX в., с высокой прической; в ее покое висит в тяжелой золоченой раме столетний портрет чубатого и длинноусого предка; портрет украшен родовым гербом и веточкой лавра. В углу опочивальни, украшенная лентами, красовалась потемневшая дедовская икона Остробрамской Богоматери (копия иконы из костела Матки Боской на Острой Бrame в Вильне). Перед ней на серебряной цепочке горела большая неугасаемая лампада.

Польский городок. Перед костелом квадратная площадь, посреди ее стоят деревянные столы: это съестной рынок. Улица — груда засохшей грязи с затвердевшей колеёй от проехавшей телеги. Площадь окружали небольшие каменные и глиняные (в один этаж) дома с видными в стенах деревянными сваями и столбами во всю их высоту, косвенно перекрещенные деревянными же связями. Все они крыты непомерно высокими крышами, наполненными множеством слуховых окон и отдушин. Недалеко от костела возносилось выше других совершенно отличное от прочих здание — городской магистрат: два этажа, а вверху еще надстроен в две арки бельведер, где стоял часовой. Циферблат городских часов вделан был в крышу.

Гайдук — прислужник в венгерском платье; первоначально была наемная венгерская прислуга.

Староство — государственное имение, данное шляхтичу в пожизненное владение.

Бигос — польское национальное блюдо из сала, колбасы и лаврового листа, жгуче наперченное. С капустой!

Литовский холодец — холодный суп-свекольник, с огурцами, яйцами и сметаной.

Szparagi — спаржа.

Zrazy — жирная рубленая говядина с тертым луком, в сметане. Zrazy siekane — тефтели.

Вишневка, венгерское, токай, czeremchowe miodu, водка с ягодами и пряностями. Зимой пили прусское вино, хорошо подогретое; летом — горячее вино с корицей. В погребах стояли большие пузатые бутылки, запечатанные синим сургучом и опутанные паутиной.

Эразы готовятся из говяжьего фарша: жирную говядину нарубить, смешать с булкой и тертым луком, посолить, потушить и подавать со сметаной.

Эразы, фляки, клецки, кныши.

— Если «пугач» (филин) кричит на крыше дома, значит его хозяин умрет.

— На сельских свадьбах музыканты играли на деревянных контрабасах.

Войт (с нем.) — в польских селах приказчик, староста. «Стояла у пана много хлеба в скирдах, были табуны коней и стада rogatego bydła».

Forga — piętopusz, kita, султан из перьев.

Na pana wszyscy patrząс, pozwieszają głowy

Zrzucą forgi z szyszakow, i już nie surowy

Mars im w oczach... (Samuel Twardowski)

— Шляхтичи охотятся в бричках, стреляя в сидящих на придорожных вербах туркавок (диких голубей).

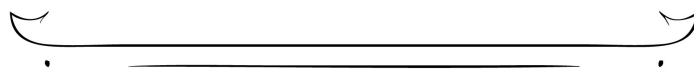
— Pas gruntyw ornych (пояс пахотной земли).

— Курпы и ксенжаки — два племени, составивших мазурскую группу польского народа. Курпы (курпики) жили в дремучих лесах, охотились на туров, зубров, медведей, бобров; слыли отличными стрелками.

«Для перечня всех преступлений Москалей понадобилась бы воловья шкура». По народному поверью, дьявол записывает грехи человечества на воловьей шкуре.

Аист — божья птица: за каждого убитого аиста Бог берет одного ребенка (польское поверье).

Турья течет через полесскую равнину, среди чудесных цветущих лугов, через леса, в зарослях, через широко разлившиеся озера. По ночам на луга и болота опускаются густые, как молоко, туманы. За заливными лугами начинаются сосновые

леса, переходящие в непроницаемые пущи. Огромные озера, сплошь покрытые стаями водяных птиц.

Улицы Львова состояли из старых, стеснившихся в кучу домов с маленькими дворами, похожими на дно колодца. Ближе к окраинам дома окружены зелеными садами. За железными решетками изгородей стоят небольшие двухэтажные особнячки, обвитые плющом, диким виноградом, повиликой. На фасадах особняков названия: Гражина, Люба, Францувка, Пристань. Кое-где «на счастье» прикручены к стенам бронзовые паучки.

Лычаков, Клепаров, Замарстынов — предместья Львова. Львовяне — украинцы и поляки — народ веселый. Они жизнерадостны и впечатлительны, как южане. Они — певцы и юмористы. Говорят львовяне певуче, растягивая слова, и этот певучий, веселый говорок шутливо определяется словом «тай ей».

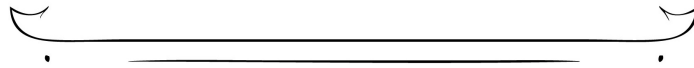
Влока (польская мера) = 16,99 га = 15,55 десятины.

«Siedzi jak stary grzyb» — сидит как старый гриб — сидит сиднем (например, незамужняя девка).

Неподалеку от Кракова, в Станентах, находился большой женский монастырь святого Бенедикта. Монахини содержали в монастыре гимназию. Древний монастырь (был выстроен в 12 веке) имел холодные кельи, огромные толстые стены. Монахини тихо ползали из кельи в костел и обратно, бледные, желтые, в темных одеждах, перебирая четки и постоянно опустив глаза вниз. По суровому уставу монастыря монашенки не могли ни на миг выступить из предела монастыря. Те, кто вошли сюда, никогда больше отсюда не выходили; умерших погребали в подземных склепах костела, находившегося в стенах монастыря. Монахини считали все книги, кроме молитвенника, дьявольским измышлением. Темные, простоватые хлопы считали глупых и жадных монахинь святыми. Хлопские женщины жертвовали монастырю обильные приношения. Монастырь был твердыней мракобесия, отзвуком инквизиции, крепостью средневековья. Игуменья его тайно переписывалась с иезуитским генералом. У монастыря было богатое хозяйство: 6 200 дойных коров, великолепные фруктовые сады, пасека, рыбные пруды, огороды, сотни гектаров полей.

Маленькая речка Рудава в Краковском воеводстве впадает в Вислу; течет она среди лугов и зарослей.

Граф, владевший деревней, имел единственного сына, который, по панским обычаям, воспитывался в Париже. Раз в году молодой граф приезжал на каникулы домой. Но его здесь почти не видно было: днями и ночами пропадал он на охоте. Шкурки зайцев и др. убитых зверьков Ехиел-Михлу получал на графской кухне почти даром. Как-то раз стояла страшная жара, воздух был раскален. Молодой граф ехал верхом мимо корчмы, и взбрело ему тут спрыгнуть со своего белого коня,

привязать его к изгороди и, зайдя в корчму, попросить стакан меда. Граф хлебнул и скривился. Ясное дело, в погребах отца мед лучше, да к тому бог весть какой давности. Он наверное швырнул бы стакан в голову Ехиел-Михлу, если бы в эту минуту там, в уголке, не мелькнуло белое личико. Молодой граф спокойно поставил стакан, бросил на стол талер и спросил: — Мойше (пань всех евреев зовут Мойше), это твоя дочка? Ехиел-Михл остолбенел. Заикаясь от испуга, он сказал: — Да, да, моя дочь... А молодой граф глаз не мог оторвать от девушки... Назавтра он снова приехал сюда пить мед, приехал на третий, на четвертый день. Девушку спрятали. Граф сердился, но не говорил ни слова, лишь покручивал свои черные усики да гневно сверкал глазами. Как-то он мимоходом заметил, что платит Ехиел-Михл низкую аренду за корчму и что пражские евреи предлагают больше...

Podhajce (Подгайцы) — восточногалицкий город, около 6000 жителей (поляков и евреев). Прежде тут было укрепление, памятное битвой Яна Собесского с турками в 1667 г.

Подгурже (Подгорье) — западногалицкий город на правом берегу Вислы, напротив Кракова, предместьем которого считался.

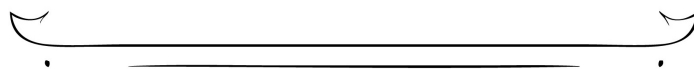
Дембицкие — польский дворянский род герба Гриф, восходящий к началу XVI в. Мартин — Михал Д., сандомирский, был послом на всех сеймах с 1649 г. по 1678 гг. Дембица — галицкий город. В середине 17 в. из Франции в Польшу выехал Генрих де Болье, долго служивший генералом коронной артиллерии и принял фамилию Деболь. Сокуль — волинское местечко в 5 милях от Луцка, на болотистых берегах Стыри.

Сокаль — Галицкий город на правом берегу Буга, со старой крепостью, бернардинский монастырь с костелом. Близ Сокаля в 1519 г. татары разбили поляков.

В тростниках на Днепре были по ночам волки. В Нижнем течении правый берег Днепра назывался русским, левый — татарским.

Курпики разводят пчел, пьют мед; их прыгадывка: О, реты, ретечки, о муй свете! Богатый копит злоты дукаты к калете (денежный мешочек, калита), хова грош на погжеб (похороны). По курпевски «люза» — громада, руй — туча, громада, рой. В шумах пуци поза хата седзи пуцак цалэ лято. Ест ягоды, гжибы вяже сети; курпик в пуце — рыба — в воде. Курпики не знают ни плуга, ни серпа. «Пуца — матка», курпик мовит. Коморжа — гроб.

Когда дует холодом горный ветер, в лесу вличи се недзведзь (бродит медведь. Курп добыва стару фузы, вяже шнурком, цо е кжива (связывает шнурком что есть криво), подсьога прох в паневки (на полку порох). Ова бронь добыта, еще од шведа, с нею Курп охотится на лося, на дзика.

Иду снега, иду тучи, по едлах (елях) се вихер (вихрь) тлuche; у огниска курпик сяди, девки прядут (дзевки пжеддну лучива аж до первшей в небе зажи (зари)).

Польска старка — крепкая мягкая водка без сивушного запаха. Пан в суконной венгерке со шнурками и сборчатых шароварах пил старку из серебряной кружки с изображением Косцюшки. «Mieć zająca w głowie» — иметь зайца в голове — польская поговорка, выражающая легкомысленного, болтливого, вертялого человека, который не может сосредоточиться в мыслях.

Беловежская пуца — огромный заповедник литовский в Гродненской губернии. Это излюбленное место королевских охот; здесь водились зубры и туры; последние уже перевелись. В топах внутри пуци насыпаны узкие дорожки. На огромных пространствах стеною стоят чащи. В дебрях обитают зубры, лани, кабаны. Изредка торопливая лань с шорохом раздвинет кусты, или треск валежника под тяжелым копытом зубра нарушит молчание пуци. Густая пуца кое-где пересекается болотистыми потовинами, заросшими лозами. Через болота тянутся колеблющиеся узенькие насыпные дорожки, на которых очень трудно разъехаться двум встречным литовским фурманкам. Холодная грязь болот нередко засасывает зубров и др. животных. Деревень в пуце очень немного, и те раскинулись по окраинам пуци, кроме самого селения Беловежи. Только редко встретится в пуце одинокая хата стражника — лесника.

Темномалиновая конфедератка с белым околышем, сабля на боку, рудый конь, жупан, сапоги со шпорами — таков ветеран Домбровского.

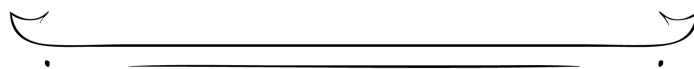
Чаплиньский — подкидыш, польский пьяница, украинский разбойник. Находясь 8 лет на дозорстве* у пана Конецпольского, Чаплиньский многих казаков погубил ложными доносами. Если встретит где-нибудь русского священника, не оставит его без того, чтоб не вырвать волос или бороды и добрым порядком не посчитать ребер кием или обухом. Чаплиньский воровал деньги у Конецпольского, которому служил:

Гварка — право на добывание крушцов, которые давались от польского правительства отдельным лицам (гваркам, объединившимся в компании).

Еще в Киевской Руси в Коломые (город в Галиции) добывалась соль.

В старой корчме можно обогреться и обсушиться; в огромном кирпичном камине тлеет толстый обрубок дерева, а вокруг него весело трещит и издает смолистый запах зеленый вереск. В корчме кирпичный пол, большая зала с нависшим потолком, грубые скатерти на столах. На блюдах жареные гуси, обложенные кисло-сладкой капустой; бигос из колбасы и капусты; зразы с кашей, хлебом и капустой; капустняк с фаршем; жареная серна и мелкая дичь, нашпигованная салом, щука с

* Подстароста (догорца) — помощник старосты, которому поручен дозор над казаками.

шафраном по-еврейски. В графинах водка, наливки разных цветов, бочонок по старый мед, бутылки венгерских вин (лучшее — маслач).

Буты — сапоги.

Крушец — руда, металл.

Бушуют осенние штормы на литовском побережье. Волны выбрасывают золотистый янтарь.

В часы отлива на берег выходят сотни жителей Клайпеды, Паланги и других прибрежных литовских городов и селений. Местные жители говорят: «Юрате дает людям свои дары».

По старинному литовскому преданию, некогда на берегу жила морская красавица Юрате. Она заботилась о том, чтобы люди дружили между собой. За это на нее обрушился гнев злого Перкунаса. Разорил он янтарный дворец морской красавицы, призвал в янтарные края злодеев — тевтонов из германских земель. На защиту поднялся могучий народ каститис. Он разметал в прах тевтонов. Народное поверье говорит: кому подаришь янтарь, тот верный друг на всю жизнь...

Месторождения янтаря в Прибалтике считаются самыми крупными в мире. В республике работают мастерские по обработке янтаря.

Литовская смесь

Жмудь — край, населенный народом, родственным литовскому; в состав Литвы вошел около 1413.

Неподалеку от местечка Румшишки находится «Великан» — крупнейший и очень опасный порог Немана.

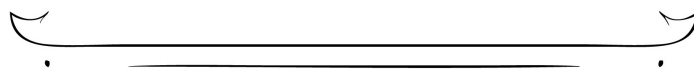
Земли Тевтонского ордена лежали между Вислой и Прегелем. В 1274-1276 тевтоны построили примерно в 200 км от Немана крепость Мариенбург, ставшую столицей Ордена. Тринадцать рыцарей, присягнув, что не будут руководствоваться дружбой, ненавистью или боязнью, избирали достойнейшего, дабы украсить его мечем и крестом — инсигниями Великого Магистра.

Свенторог — великий князь Литовский в XIII веке. В его Виленском замке, согласно обычаям древней Литвы, жрецы поддерживали вечный огонь на жертвеннике.

Великий князь Кейстут прославился непрерывной борьбой против Ордена.

Вильно стоит на Вилии (притоке Немана). Didis = по-литовски «великий»: дед, предок, родоначальник.

Варшава (Warszawa)

Город основан в XIII в.; с конца XVI в. — столица Польши. Неоднократно подвергался завоеваниям и разорениям. В 1648 в Варшаве было менее 18000 жителей. В период Великого Сейма (1788 — 1791) в Варшаве уже свыше 100000 жителей и более 30 замощенных улиц. Город располагался на левом (западном) берегу Вислы, а на правом было большое предместье Прага, которое Суворов взял штурмом в 1794.

Сразу после наполеоновских войн в столице Польши оставалось 81000 жителей.

Известнейший варшавский монумент — колонна короля Зыгмунта. Архитектурные ансамбли — Варшавский замок, Казимежский дворец, Уяздовский замок и Виляновский дворец Яна III (Собесского).

Первый постоянный мост через Вислу построен в конце правления Зыгмунта-Августа (1568 — 1573), а следующий только в 1859 — 1864 (по проекту Станислава Корбедзя). Первая в Польше железная дорога (Варшавско-Венская) построена в 1839 — 1848, а варшавский вокзал открыт в 1846 году.

Биографический отдел

Пертти Валтакари
Университет г. Тампере

Об Р. Г. Назирове

Kangasala 29.12.2014 г.

<...>

С Ромэном мы жили в «добрососедских отношениях» следуя примеру наших государств — СССР и Финляндии, и их вождей Хрущева и Кекконена. О Ромэне могу сказать, что он был тихий и спокойный сосед, уравновешенный и интеллигентный человек. Я часто эксплуатировал его в качестве живой энциклопедии, когда по русской литературе, когда по истории. Ежедневно в мой репертуар входили вопросы по русской грамматике.

Будучи молодыми людьми, мы, естественно, не игнорировали высококачественных анекдотов. Ромэн был почти всегда первоисточником. В те годы очень популярные «передачи армянского радио» были не на последнем месте в репертуаре. Наши «заседания» протекали обыкновенно за вечерним чаем. Ромэн был усердным аспирантом и имел привычку сидеть и работать допоздна в библиотеке или в читальне.

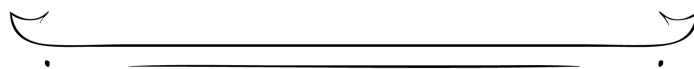
Иногда вместе с Ромэном мы ходили на открытые лекции в Актовом зале МГУ слушать светил науки, культуры и искусства. Такими были маршал СССР С. М. Буденный и М. Шолохов (обоих я слушал даже два раза), с тех пор прошло много времени и я не могу быть стопроцентно уверенным, что был тогда именно с Ромэном или с кем-нибудь другим.

Ничего уникального не могу припомнить. Как всегда молодежь, мы относились к будущему оптимистично. Иногда собирались с товарищами и пели «Пусть всегда будет солнце...», «Забота у нас простая» и другие песни. Были золотые годы!

Несколько слов о себе. Я давно, с 1998 г. на пенсии. Работал заведующим отделением переводоведения при гуманитарном факультете Университета г. Тампере, заведующим кафедрой русского языка, причем я преподавал и турецкий язык на отделении общей лингвистики. Я не только преподавал, как переводить, но и сам переводил болгарских классиков (с болгарского языка).

<...>

Пертти Валтакари

От редакции

Пертти Валтакари, как мы знаем из дневника Р. Г. Назирова, был соседом уфимского литературоведа по общежитию МГУ. Он упоминается на первой странице дневниковой тетради, открывающей московский период жизни Назирова:

6 ноября 1962 года. ~~Сре~~-Вторник.

Я ещё не совсем верю, что я действительно аспирант МГУ, но это действительно так. Я сижу на седьмом этаже, в зоне «Г», общежития «на Ленгорах», как тут говорят. В сентябре я сдал экзамены (5, 4 и 5), 14 октября приехал в Москву вместе с Тамарой. Прописать её в Москве невозможно, с этим теперь очень строго. Она пробыла здесь две недели и вернулась домой.

Зона «Г», блок 740, левая комната. В правой живёт финн Пертти Валтакари. Лучшего соседа я не мог бы и желать. Очень добрый и душевный парень, родители его — коммунисты.¹

Редакция обратилась к финскому коллеге с просьбой написать несколько слов воспоминаний об этом времени и П. Валтакари любезно откликнулся. Выдержки из его письма с разрешения автора мы помещаем в настоящей публикации.

¹ АРГН, оп. 4, д. 6, л. 0005.

Генеалогическая заметка
Р. Г. Назирова

От редакции

Ниже мы публикуем единственную известную на данный момент генеалогическую запись Р. Г. Назирова. Вряд ли он проводил специальные изыскания в этой области, поскольку запись носит явно случайный характер: она сделана на обороте листа с рабочими заметками по Достоевскому, входящего в соответствующую тематическую папку¹. Тем не менее публикуемая запись отражает внимание к своим восточным корням, некий интерес, возможно, влиявший впоследствии на ощущаемый порой «ориентализм» его фольклорно-мифологических штудий.

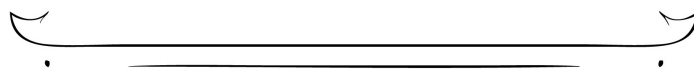

¹ АРГН, оп. 3, д. 4, л. 011100

Исследования

Б. В. Орехов
НИУ Высшая школа экономики
С. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

Наследие Р. Г. Назирова до и после открытия архива

Ниже мы публикуем текст доклада, прочитанного в Уфе 11 апреля 2014 на конференции, посвященной 80-летию Р. Г. Назирова.

Сегодня уже очевидно, что наследие Ромэна Гафановича Назирова живет двумя самостоятельными жизнями. Первая часть, своего рода надводная часть айсберга, это 77 прижизненных (сделанных за 40 лет научной деятельности) публикаций, включая единственную монографию «Творческие принципы Достоевского». Эта часть его наследия формирует образ эрудированного, вдумчивого, оригинального **литературоведа**, точнее, историка литературы. В схему такого восприятия укладываются и 16 работ, посвященных генезису и сравнительному анализу фольклорных сюжетов: в них он обращается к фольклорно-мифологическим истокам фабул, позднее ставших важными в авторской литературе.

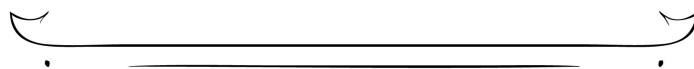
К примеру, одна из этих статей «Хрустальный гроб» начинается с цитаты из сказки А. С. Пушкина, хотя основной текст посвящен анализу архаических ритуальных истоков сюжета. Менее явные литературные параллели имеет большинство этих статей.

Вторая часть наследия ученого, во-первых, значительно превосходит первую по объему. Во-вторых (и это гораздо важнее), она показывает, что Ромэн Гафанович был не только литературоведом, но и писателем, и глубоким мыслителем-гуманитарием широкого профиля (прежде всего, философом и историком культуры). Речь идет об открывшемся после его смерти архиве, который начинает систематически публиковаться с 2008 года.

Уже вышел Словарь «Международные литературные сюжеты и типы», планировавшийся в свое время к публикации в издательстве «Башкирской энциклопедии», две монографии и более 20 статей, в числе которых и параграф до сих пор не опубликованной полностью докторской диссертации «Фабула о колдуне-предателе». Следует отметить, что количество изданного на данный момент не превышает одного процента от общего объема архива. Несмотря на шестилетнюю напряженную работу, по сути, эдиционный процесс только начинается.

Этапным на этом пути стало создание в 2013 году специализированного научного журнала «Назировский архив», которому предшествовал выход в свет в 2011 году «Назировского сборника». Этот сборник представлял собой редкий для российской науки и совершенно уникальный для башкирской научной среды проект. До этого в Уфе не было такой книги, чтобы в ней оказались представлены только тексты главной персоны и исследования его научного творчества. Да и вообще подобного из филологов удаивались очень немногие.

Однако объем архива, постоянно возникающие текстологические,

интерпретационные и иные проблемы потребовали превращения разового издания в серийный проект — ежеквартальный электронный журнал «Назирровский архив».

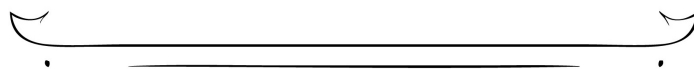
Задачи этого издания, как было сказано в предисловии к первому номеру, «просты, прозрачны и в то же время насущны». Он создан для публикации и введения в научный оборот ранее недоступных широкой публике архивных материалов из наследия ученого.

Создатели журнала исходят из того, что наследие Назирова представляет не сугубо музейный интерес. Его историко-литературные открытия, как правило, не были повторены никем за десятилетия, прошедшие со времени их появления. Разработанная им концепция истории русской фабулистики требует дальнейшего развития, проверки дополнительными текстами и в перспективе обещает приближение к чему-то вроде «фабульного тезауруса» русской литературы. Наконец, методология Р. Г. Назирова в естественном (и ещё не вполне исследованном) синтезе совмещает кажущиеся несовместимыми элементы: приоритет и самоценность литературной формы и последовательный историзм, свободу интерпретации и строгую научность, формализм и сравнительно-историческое литературоведение. Природа этого синтеза, на наш взгляд, — одна из самых актуальных и многообещающих научных тем, связанных с Р. Г. Назировым.

То, что было придумано, разработано, исследовано Р. Г. Назировым, способно при должном внимании стать для находящейся в кризисе современной гуманитарной науки выходом из идейного и методологического тупика, а масштаб личности Р. Г. Назирова таков, что пригодиться при этом могут самые разнообразные документы из его архива, может быть, и не относящиеся, на первый взгляд, к проблемам научной методологии.

Таким образом, «Назирровский архив» — это моножурнал, журнал, посвящённый одной персоналии, причём персоналии не столько творческой в традиционном смысле этого слова (писатель, художник или композитор), сколько персоналии-исследователю, представителю научного мира. Примеров такого рода изданий не так много, но они есть. Первым прецедент в этом ряду, к которому следует обратиться, является, конечно, журнал, посвящённый М. М. Бахтину, его трудам и их прочтениям, его единомышленникам, оппонентам и эпохе: «Диалог. Карнавал. Хронотоп», который выходил сначала в Витебске, потом в Москве (1992 — 2001, 2009 — 2015).

Подчеркнем, что электронная форма, в которой существует журнал, избрана совершенно сознательно. В сравнении с тем, в каком мире выходил в свет «Диалог. Карнавал. Хронотоп», ситуация успела сильно измениться. Теперь жизнь информации (а наш журнал ставит перед собой в первую очередь информационные цели) протекает в Сети. Устройство быта современного исследователя таково, что традиционные бумажные носители если не уходят из повседневности, то, по крайней

мере, становятся не обязательно самыми удобными в работе. Мобильные устройства, планшетные компьютеры, электронные книги позволяют читать оцифрованные документы почти в любой ситуации, тексты легко копируются и распространяются, издержки, связанные с этими процессами, уменьшаются.

Кроме того, очевидно, что огромную роль в перераспределении информационных потоков играют индексирующие Интернет поисковые системы. Именно благодаря им информация доносится до конечного пользователя. Всё это убедило нас в том, что требование времени и наилучшая форма для продвижения назировского наследия — это создание on-line журнала.

Главное свойство журнала — периодичность. В отличие от разового «Назировского сборника», форма которого психологически настраивает на однократность, журнал должен выходить регулярно, что заставляет жить в ритме журнальных сроков: колоссальные объемы архива требуют постоянной и последовательной работы над публикацией. Расслабляющий формат альманаха был бы в связи с этим нежелателен.

Еще один важный аспект журнального формата состоит в его континуальности. Можно опубликовать текст в одном номере, а справочный и текстологический аппарат добавить в следующем. В книге это смотрелось бы странно, а в журнале — органично.

Особо отметим, что журнал пытается не только публиковать, но и осмыслять публикуемые тексты в контексте эпохи и научного знания. К этому процессу мы пытаемся привлечь молодых исследователей, в связи с чем в 2013 году была учреждена Назировская стипендия, выплачиваемая учащимся башкирских вузов за наиболее состоятельные научные работы о Р. Г. Назирове. Они публикуются в журнале в специальной рубрике. Первым стипендиатом стала магистрантка БГПУ им. М. Акмуллы Ю. Короткова, написавшая работу «Теория Автора в современном литературоведении: М. М. Бахтин и Р. Г. Назиров», которую по достоинству оценила стипендиальная комиссия. Крайне печально, что на стипендию претендовало очень мало студентов из БГУ, университета, работе в котором Назиров отдал 40 лет жизни.

Идеологически журнал реализует подход к наследию Назирова как к особенному культурному феномену. Это не просто собрание исследовательских и художественных текстов интересного ученого и непрочитанного писателя. Это, во-первых, документированная творческая лаборатория, во-вторых, важное материальное свидетельство эпохи, в-третьих, компендиум не только литературоведческих, но и философских и культурологических прозрений, не всегда выразившихся в законченных текстах.

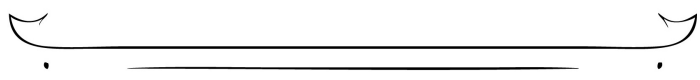
В связи с этим нам кажется крайне важным давать, насколько это возможно, полный текстологический комментарий к публикуемым трудам.

Нужно, впрочем, сказать, что реализованная в журнале «Назирровский архив» стратегия эдиционной и исследовательской работы с наследием Ромэна Гафановича, не является единственной.

Ей противостоит стратегия републикаций изданных при жизни трудов ученого, а также архивных текстов, лишенных однако текстологического оформления. В ее рамках кафедрой русской литературы и фольклора БашГУ была проделана огромная работа. В сборнике «Русская классическая литература. Сравнительно-исторический подход» было републиковано большинство самых известных историко-литературных статей Назирова. В сборнике «Преодоление смерти» научное сообщество заново обрело фольклорные и мифографические штудии Ромэна Гафановича, а также ряд статей по русской литературе, не вошедших в первый сборник. Однако и здесь не было полной републикации. Так и не были переизданы: *О противоречиях в отношении Достоевского к социализму* (1967), *Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Достоевского* (1972), *Trois duels (Balzac, Lermontov, Dostoievski)* (1973), *Автор и литературная традиция (о некоторых особенностях поэтики Достоевского)* (1974), *О выражении авторской позиции в романах Достоевского* (1976), *Проблема автора и типы литературных связей* (1978), *Проблема читателя в творческом сознании Достоевского* (1978), *Художественное мышление Достоевского и живопись* (1979), *Чехов и Гюго: полемическое продолжение* (1983), *Философия как духовная квинтэссенция эпохи* (1989), *Фигура умолчания в русской литературе* (1998), *Юмор Пушкина* (1999), *Направленность трансформации в романе «Игрок»* (2004), послесловия к изданным в Ижевске произведениям Л. Н. Толстого (1978) и Ф. М. Достоевского (1981), статьи из словаря-справочника «Достоевский. Эстетика и поэтика» (1997).

В рамках этой же стратегии был опубликован и уже упоминавшийся словарь, подготовленный и, возможно, сданный в печать самим Назириным. Собственно, об обстоятельствах подготовки и публикации этого труда мы ничего не знаем, издатели применили «фигуру умолчания» в книге, на что сетует ее рецензент в «Назировском архиве» Татьяна Комова. Из-за этого, как справедливо замечает рецензент, мы не можем судить ни о степени законченности работы, ни о её отношении к аналогичному новосибирскому труду «Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы». Действительно ли словарь получил авторскую санкцию на публикацию или сдача в печать преследовала практические цели (застолбить место в издательской очереди)? И была ли эта санкция? Предисловие к книге оставляет нас в неведении.

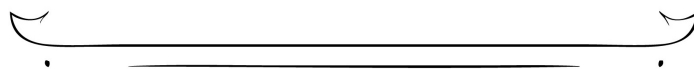
Но дело не только в частных неувязках. При такой стратегии принижается ценность самой мыслительной работы ученого. Вес архива в том, что он эксплицирует не только законченные вещи, но и процесс, который поучителен сам по себе и обладает эвристической ценностью. Это хорошо видно по монографии о «Бесах»,

опубликованной в № 2 «Назирова архива» за 2013 год. Целиком она не была осуществлена Назировым, возможно, потому что публикация такой книги в 1970-е годы была невозможна; но именно из этой работы вышло несколько известных статей, в частности «Петр Верховенский как эстет», едва ли не лучшее, что было написано о «Бесах» во второй половине XX века. Существующие детально разработанные планы позволяют составить относительно целостное представление об оригинальной назировской интерпретации романа Достоевского, могут служить основой для дальнейшей работы в этом поле. Уже один такой пример, на наш взгляд, снимает вопрос о допустимости публикации его рабочих материалов — вопрос, встающий у ряда людей в отношении наследия Назирова, но не поднимающийся, когда речь идёт о Тургеневе или Гончарове.

Публикуя только законченные тексты, то есть постулируя, что обнародованию подлежат только тексты, получившие ясную и однозначную авторскую санкцию, мы провоцируем целый ряд вопросов. Например, неясным остаётся статус докторской диссертации, которая этой санкции не получила. Тот вариант, который есть в распоряжении учеников Назирова, явно не представляет собой последнего беловика. Неужели следует объявить его текстом второго ряда в назировском наследии и отказаться от публикации главного, по словам самого ученого, труда его жизни? Как быть с тем, что некоторые труды Назирова просто не могли быть опубликованы в советское время (как, к примеру, один из разделов его учебного курса «Достоевский. Проблематика и поэтика», в конце которого он определяет жанр романа Достоевского как «роман-житие»)? Наконец, зачастую Назиров был вынужден подчиняться не только своим представлениям о законченности и ценности работы, но и редакционным требованиям (в архиве имеется вариант статьи «Петр Верховенский как эстет» с правками Б. С. Мейлаха). Однажды разбирая свои записи с авторами этого доклада Ромэн Гафанович показал черновик одной из своих статей, сказав, что ее пришлось серьёзно сократить для публикации. Вспоминая в связи с этим о необходимости исключать из текста большие фрагменты, он заметил: «Фридендер в таких случаях (имеется в виду необходимость выбросить из текста тот или иной кусок) мне говорил: “Оставьте это для второго тома своего собрания сочинений”». В архиве действительно обнаруживаются следы подобного рода вынужденных правок и неавторских сокращений. Это приводит к закономерному выводу о необходимости текстологического сопровождения и републикуемых материалов — сравнения финальных вариантов с черновиками и подготовительными материалами, это позволило бы издавать тексты в виде близком к тому, который соответствует авторской воле.

Собственно, эпизодическая попытка такого текстологического сопровождения даже была сделана в сборнике «Преодоление смерти», а именно — в этом самом редакторском заглавии тома. В предисловии об этом говорится так: «В свое время

Ромэном Гафановичем была задумана книга, в которой он хотел объединить статьи по мифологии под общим названием “Преодоление смерти”» (с. 5). Действительно, нам известны планы учёного собрать фольклорно-мифологические статьи под одной обложкой. В архиве есть несколько планов компоновки, и среди них развернутые, явным образом представляющие поздние этапы работы над замыслом книги, они были изданы в 2011 году в сборнике «Русское слово в Республике Башкортостан». Но эти планы содержат другой вариант заглавия книги: «Превращения сюжетов», что, кстати, значительно точнее отражает содержание републикованных статей. Таким образом, описанную попытку вряд ли можно счесть удачной.

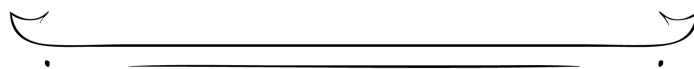
Кстати, нужно сказать, что несмотря на наличие планов «Превращения сюжетов» и имеющихся в нашем распоряжении текстов, которые должны были составить эту книгу, полная её реконструкция едва ли возможна. По всей видимости, в процессе подготовки книги Назиров перешёл на новый уровень, отвлекшись от проблематики сюжетов обратился к природе и истории мифа, и этот интерес в итоге реализовался в цельной монографии.

Итак, анализируемая эдиционная стратегия предполагает отсутствие текстологического комментария к издаваемым трудам ученого. Мы не считаем это следствием непрофессионализма наших коллег. Наоборот, как раз в профессиональном отношении к тексту и существующим методам работы с ним мы нисколько не сомневаемся. По всей видимости, в этом следует видеть не некомпетентность, а понятное в данном случае отношение к наследию коллеги. Вероятно, адептами этой стратегии оно воспринимается не филологически, а, так сказать, «утилитарно» — как собрание текстов-носителей некоторых исследовательских приёмов, догадок и идей, которые было бы полезно донести до специалистов и младшего поколения филологов. Первые, возможно, смогут учесть их в своей работе, а вторые — чему-то научиться.

Однако это вызывает возражения. Например, дидактическое значение назировских текстов сложнее, чем представляется. Та же монография о романе «Игрок», изданная в № 1 «Назирова-архива» за 2013 год, требует специального комментария, отделяющего настоящие научно ценные пассажи от знаков эпохи. Как раз студенты не всегда способны отличить одно от другого.

Кроме того, такой подход обедняет саму личность Назирова, исключая из неё Назирова-журналиста, Назирова-прозаика, Назирова-поэта, Назирова-культуролога и философа, потому что во всех этих сферах за редким исключением он не оставил законченных текстов (исключение составляет журналистская ипостась Назирова, который активно публиковался в 1950—1960-е годы; однако его газетные рецензии почти полностью забыты и лишь частично реанимированы в изданном в 2011 году сборнике).

Остановимся на том, как изменился образ Назирова в ходе публикации его

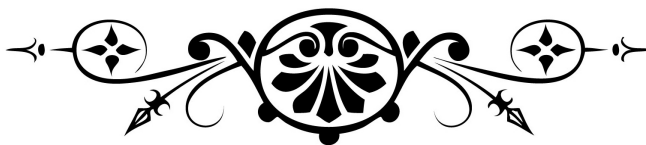
архива.

Во-первых, теперь Ромэн Гафанович предстает органически творческой личностью. Если раньше особенный стиль его печатных работ воспринимался изолированно, как нетипичная для ученого риторическая стратегия, теперь, на фоне его многочисленных художественных занятий, становится ясно, что Назиров никогда не переставал быть писателем.

Во-вторых, смещаются тематические акценты его трудов. При жизни Ромэн Гафанович не опубликовал ни одной специальной работы о творчестве Гоголя и 5 гоголевских фабул в его диссертации предстают в общем контексте развития мысли учёного несколько маргинально. На самом деле такие работы у него были, теперь они доступны для изучения.

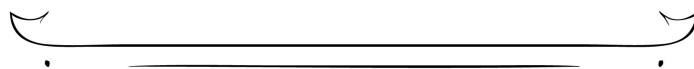
В-третьих, благодаря публикациям последних шести лет мы можем избавиться от ошибочного образа Назирова как человека, писавшего глубокие, но точечные исследования, основной формой которого была статья. На самом деле, как сейчас ясно, Ромэну Гафановичу была свойственна и крупная форма: свидетельством тому две опубликованные в «Назировском архиве» монографии и ещё целый ряд готовящихся к изданию. Все они представляют законченные глубокие концепции, но не доведённые до печати по неизвестным нам причинам.

В-четвёртых, непонятного и загадочного теперь, когда с архивом можно работать, стало гораздо больше. Почему Назиров не публиковал завершённые работы? Почему не доводил до конца почти законченные тексты? Почему избирал для себя именно эти исследовательские темы (отнюдь не все они касаются Достоевского)?

Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет

Литературные суждения
в дневниках Р. Г. Назирова

Ромэн Гафанович Назиров¹ (1934—2004) известен прежде всего сообществу достоевсковедов. В состав классических трудов этой отрасли отечественного литературоведения вошла его книга «Творческие принципы Достоевского», значительный ряд статей. Кроме того, он был задействован и в составлении комментариев к первым томам «фридлендеровского» собрания сочинений Достоевского.

Признан он и как исследователь Чехова, менее известен как фольклорист, мифолог и культуролог. Он поражал своей эрудицией, умением найти фактические аргументы в споре на самые разные темы, обладал экстраординарным обаянием и весьма сложным характером. Словом, он был ярким представителем плеяды литературоведов, выдвинувшихся во вторую половину 1960 годов и во многом «сделавших» современное литературоведение. Для достоевсковедов его имя стоит в одном ряду с именами В. А. Туниманова, Г. К. Щенникова, В. А. Свительского.

Однако после его смерти эти представления пришлось если не пересмотреть, то существенно расширить. В общем, его ученикам и старшего, и младшего поколения было известно, о том, что у Ромэна Гафановича есть что-то неизданное. Обычно в связи с этим говорилось о докторской диссертации «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе: сравнительная история фабул». Она была защищена в 1995 году в виде научного доклада в Екатеринбурге², однако полностью была написана уже в конце 1970 годов.

В 2003 году мы вместе с Б. В. Ореховым помогали ему разбирать старые бумаги. Многое он при нас же тогда выбрасывал (он основательно почистил свой архив), многое он с нашей помощью разложил по папкам. Потом мы поняли, что он позвал нас только на завершающем этапе работы, собственно процессы сортировки и систематизации архива мы не наблюдали.

После 2004 года мы с разрешения наследников и вдовы Ромэна Гафановича начали изучать его архив³.

¹ Публикация опирается на текст доклада, прочитанного нами три года назад на конференции «Записные книжки писателей: факт — текст — эдиция» (Пушкинский дом, 26—27 ноября 2011). Поскольку в 2011 году наше знание о назировском архиве было значительно более фрагментарным, доклад содержит характерные неточности, отмеченные нами в сносках (также в сносках указаны ссылки на архив и публикации архивных документов, осуществленные после 2011 года). Вместе с тем, нам показалось необходимым опубликовать его практически в том виде, в каком он был прочитан, как свидетельство первого непосредственного знакомства с одной из важнейших частей архива Р. Г. Назирова.

² Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул. Автореф. дисс. ... докт. филол. н. Екатеринбург, 1995.

³ Впрочем, по ряду обстоятельств систематическая работа с архивом началась только с 2008—2009 года. Это хорошо видно, например, по библиографии посмертных публикаций неизданных при жизни трудов

Обнаружилась масса интереснейших вещей. Помимо докторской диссертации (в нескольких полных вариантах), нашлись подготовительные материалы к ней. Причем в составе этих материалов немало законченных статей, порой вырастающих до размеров монографий (например, «История усадебного сюжета») и обширных летописно-исторических рабочих сводов («Жизнеописание Гоголя», «История XIX века» и пр.) Нашлись историко-теоретические работы разных жанров: «История русского формализма»⁴, «История исторического мышления»⁵, «Становление мифов и их историческая жизнь»⁶ и др.

Нашлось несколько монографий по Достоевскому: «К вопросу об автобиографичности романа Достоевского «Игрок»»⁷, незаконченная монография о «Бесах»⁸, большая статья по «Скверному анекдоту»⁹, курс лекций «Достоевский: эстетика и поэтика»¹⁰ и пр.

Нашлись также целые залежи, так сказать, служебных материалов: черновиков (хотя те из них, что сохранились, обычно представляют собой далеко не первые черновики¹¹), рабочих тетрадей (иногда плавно перетекающих в монографии и авторские справочники) и дневников.

Записных книжек в привычном понимании этого слова у Назирова почти нет. Несколько оставшихся относятся уже к последним годам жизни, представляют собой хаотическую мешанину телефонов, домашней бухгалтерии, расписания, афоризмов и т. д.

Дело тут в многоступенчатости схемы, по которой работал Р. Г. Назиров. Записные книжки (а еще чаще заметки на отдельных листках) для него представляли собой только первоначальный этап работы, сам по себе ценности не имеющий, это даже не черновик. Черновик у Назирова представляет собой уже связный текст, который, однако, на пути к беловику проходит еще через несколько стадий редактирования и переписывания. Иными словами, записная книжка, как правило, быстро превращалась в рабочий черновик, после чего, по всей видимости, уничтожалась (потому сохранившиеся записные книжки так «молоды»).

Однако у него есть еще и дневники. Хронологически они охватывают период от 1950 до 1971 гг. К концу этого периода интенсивность и частота записей в них падает, однако они сохраняют цельность до 1970 года (1971 представлен только одной тетрадью — дневником юбилейной конференции по Достоевскому).

ученого; см.: Орехов Б. В. Библиография посмертных публикаций Р. Г. Назирова // Назировский сборник. Исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 92—97.

⁴ Опубликовано в: Назировский сборник. С. 62—85.

⁵ Опубликовано в: Назировский архив. 2014. № №. С. 12—87.

⁶ Опубликовано: Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014.

⁷ Опубликовано в: Назировский архив. 2013. № 1. С. 8—93.

⁸ Опубликовано в: Назировский архив. 2013. № 2. С. 6—83.

⁹ Опубликовано: Назиров Р. Г. Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. № 32. СПб., 2014. С. 181—196

¹⁰ Опубликовано: Назиров Р. Г. Достоевский: эстетика и поэтика. Уфа, 2014.

¹¹ См. о «многоступенчатом» характере работы Назирова: Орехов Б. В. Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 144—159.

Дневники Назирова за 20 лет представляют собой более сотни тетрадей (как обычных ученических, так и самодельных). Почерк почти не меняется все это время¹², помарок и исправлений в них чрезвычайно мало.

Именно с этим связано первое интересное соображение по поводу этих дневников: учитывая манеру работы Ромэна Гафановича, мы должны предположить, что это не спонтанные записи. Это уже перебеленный текст, которому, скорее, всего предшествовали какие-то черновые записи.

В них очень редко встречаются обычные для текстов этого жанра спонтанные, резкие тематические переходы, обрывы мысли и т. д. Они подчеркнута литературны, что называется, «отделаны».

Собственно, эта литературность декларируется совсем юным Назириым сразу же. На первой странице дневника он пишет:

«Если не умру, я опубликую многотомный дневник в 2000-м году.

Это будет “Исповедь” человека двадцатого века¹³. А сколько повестей, рассказов и романов (sic!) можно наделать из этого»¹⁴.

Аналогичные признания встречаются еще очень часто.

Таким образом, на дневник Назириов изначально возлагал функции литературной мастерской. Здесь начинается, пожалуй, самое неожиданное для всех знавших лично или читавших Назирова, открытие: нигде в этих дневниках до самого их конца он не рассматривает себя как литературоведа. Везде он говорит о себе как о писателе, литераторе. Даже поступая в аспирантуру МГУ и учась в ней (кандидатская диссертация защищена в 1966 году), он этот этап своей жизни рассматривает как способ войти в литературу, а не в науку о литературе (между прочим, это заставляет предположить, что окончание дневников связано именно с его переориентацией на научную деятельность).

Еще одна неожиданность назировских дневников — его острое внимание к современной литературе. Глазков, Наровчатов, Смеляков, Казаков, Дудинцев, Окуджава, Солженицын, Бродский и многие другие, словом, вся советская литература постоянно присутствует в его дневниках. Многие из этих имен вообще не звучат нигде в его опубликованных и законченных текстах и упоминаются только здесь, в дневниках. Например, это Евтушенко (первый раз он назван в дневнике «Евтушенковым», Ваншенкин, Заболоцкий, Вознесенский и пр.)

По этим суждениям вполне можно составить представление о его эволюции. В начале (дневник начинается в 9 классе) его литературные кумиры — Горький, Шолохов и Бальзак, понятый в строго официальном советском прочтении. Бальзака, однако, он читает по-французски: «Мои успехи во французском языке хороши. Занимаюсь им 7 месяцев и уже свободно перевожу с французского. <...> Я перевел

¹² Позднее более детальный анализ почерка, проведенный Б. В. Ореховым, существенно уточнил это беглое наблюдение, сделанное нами на относительно ограниченном материале. См.: Орехов Б. В. Текстология Назировского архива. С. 147—149.

¹³ Значит ли эта фраза, что Назириов-школьник уже знал «Исповедь сына века» А. де Мюссе?

¹⁴ АРГН, оп. 4, д. 1, л. 002.

на русский язык целый рассказ Бальзак “El Verdugo”, из ранних романтических рассказов его, сейчас перевожу “La Berezhina”» (28 июля 1950)¹⁵

Дальше появляются уже другие персонажи: «Кончаю “Education sentimentale” на французском языке. Прочел первую треть Лесажевского “Жиль Бласа”. Прочел книжечку стихов Брюсова, “Избранное” Есенина и вот читаю Эмиля Верхарна, в Ленинграде читывал Гейне и Блока. Ни Блок, ни Есенин, ни тем более холодный и вымученный Брюсов не трогают меня. Я люблю Гейне и мне нравится Верхарн»

Интересно, что суждения Назирова, особенно со второй половины 1950-х, идут вразрез не только с официальной позицией советской критики, но и с господствующим мнением «интеллигентского» сообщества. Те же Евтушенко и Вознесенский, например, активно не нравились Ромэну Гафановичу, других ключевых «персонажей эпохи» он мог ценить совсем не за то, что в них находили современники: «Странное время, странные положения! Хороший, неглупый и честный человек — Никита Хрущев — громит живые течения в искусстве. Сами же эти живые течения представлены в основном подлецами. Голова кругом идет: защищать Женю и Андрея? Не стоят они этого! Защищать абстрактную живопись? Но я ее не люблю. Почему же мне все-таки не нравится вся эта истерия? Очевидно, мне противна сама идея регламентации искусства.

<...>

Нужна традиция, русская традиция, из нее невозможно вычеркнуть Гумилева, Ахматову, Пастернака, Мандельштама, Цветаеву. Это мост со старой культурой, необходимая связь. Белла Ахмадулина — тоже на этом мосту».

Здесь можно заметить, как эстетические претензии к «Жене и Андрею» (они стилистически чужды Назирову), так и более глубокую критику. Очевидно, что в них он не чувствует того самого моста, который в эту пору ему уже кажется необходимым.

В дневниках Назирова есть несколько сквозных персоналий и несколько сквозных тем. До середины 50-х годов это Бальзак, Шолохов, синтез жизни и искусства. Причем, последняя тема всегда дается в соотношении с собой; вот показательная цитата «Ленинградского дневника 1952 года»¹⁶: «У меня мещанская слабость сравнивать себя с великими, со славными.

Сервантес владел шпагой не хуже, чем пером, это так; он даже потерял руку в сражении при Лепанто. Томас Майн-Рид был капитаном кавалерии. Степняк-Кравчинский, автор “Карьеры нигилиста”, убил кинжалом сатрапа. Это были люди, писавшие о себе.

Но были другие. Великий Бальзак, автор возвышенных и умных книг, напоминал половинку пикового туза, семейство Eweliny de Rzewuskich Ganskoj называло его насмешливо “герцог бильбоке”. Во Франции бильбоке — шарик для детской игры. Но Бальзак был великий человек, пусть толстый, qui importe?

Эмиль Верхарн, поэт противоречивых настроений, в основе своей здоровый

¹⁵ АРГН, оп. 4, д. 1, л. 011.

¹⁶ Частично опубликовано: Назиров Р. Г. Ленинградская тетрадь. Фрагменты дневника // Нева. 2014. № 6.

человек, но отравленный тлетворными веяниями времени, поразил меня обликом буквоеда-нотариуса со своим пенсне на фоне его неистово жизнерадостных и буйных гимнов фламандской силе и грубой красоте.

Артур Конан-Дойл, автор “Шерлока Холмса”, был слабый и болезненный человек. Его герои — сильные и независимые люди, а он сам умер, кажется, от разрыва сердца, не успевши вылезти из винного погреба своего дома.

Можно ли быть творцом больших произведений и великим певцом жизни, оставаясь таким тщедушным и жалким подросточком, как я?»

Со второй половины 1950 годов появляются в его дневниках Пастернак (едва ли не наиболее часто упоминающийся поэт), советская «неофициальная» поэзия (Глазков, Наровчатов и пр.), темы отношений литературы и власти, чуть позже Назиров заинтересуется набоковской «Лолитой»¹⁷, практически сразу после публикации — «Одним днем Ивана Денисовича».

Отличительной чертой этого периода является именно историчность мышления Назирова. Так, «Лолиту» он помещает в контекст Достоевского: «По сути дела, “Лолита” есть перенесение в плоскость такого, культурного модернизма двух тем Достоевского: темы патологической любви к незрелой девочке и темы убийства. Но с изысканным стилем и с полным раскрытием всех факторов, полное отсутствие тайны, необъяснимости, символа. По сравнению с Достоевским, это выглядит игрой. Да, обточка уже чересчур хороша. Это значит, что силы мало.

Красивый стиль свидетельствует о слабости духа».

Причем этому пассажу предшествует долгое развитие темы Набокова: выдержки из критического фельетона, экскурс в историю семьи писателя, последовательный разбор «Лолиты» и т. д. Все еще считая себя литератором, Назиров здесь уже действует как литературовед, объективирует то, над чем думает и стремится к историчности восприятия и объективности суждений.

Это накладывает отпечаток и на иные суждения:

Борис Пастернак — самый модный сегодня поэт. Это теневой, недоступный широкой публике поэт, к которому официальная критика относится с враждебной настороженностью. Пастернак — оппозиционный поэт. Все годы сталинского режима он лишь переводил Шекспира.

Что же он пишет теперь? Как и прежде, очень яркие и точные пейзажи “с настроением”. Как и прежде, о сущности искусства. Но исчезла историческая тематика и появились стихи на религиозные темы (евангелие): “Чудо”, “Рождественская звезда”, “Дурные дни”, два стихотворения о Марии Магдалине, “Гефсиманский сад”. Серьезные, религиозные, очень красочные, очень своеобразно и прямо-таки волшебным образом создающие впечатление евангельского времени и в то же время

¹⁷ См. недавнюю публикацию: Назиров Р. Г. Несколько слов о знаменитом Набокове // Назировский архив. 2014. № 3. С. 134—147.

“осовременивающие” евангелие. Неужели это написано в последнее время? Рим Ахмедов¹⁸ утверждает, что да»¹⁹.

Может быть, определенное влияние на изменение взглядов Назирова, на их расширение оказал и Достоевский. Хотя, надо сказать, он — далеко не самый частый гость на страницах его дневника.

Во-первых, Назиров прочитал его сравнительно поздно. Вот первое упоминание о Достоевском в дневнике (16 февраля 1953 года):

Прочел «Преступление и наказание». Сила. Достоевским русские могут гордиться. Это очень больной, но и очень честный человек. Он писал с некоторым смещением вправо от критического реализма, но наряду с этим правым смещением было крайне левое обличение. Противоречивая натура Раскольников и Соня — исключения с исторической точки зрения, но есть и замечательные типы: Катерина Ивановна Мармеладова, живое лицо; Разумихин неплох; Свидригайлов очень верен, это дурной отпрыск от древа лишних людей; Петр Петрович Лужин, мне захотелось даже избить его, словно живого, да он и жив еще; жалкий, но искренний Лебезятников; Авдотья Романовна тоже тип, в маленковском понятии типичности. Что ж были такие женщины, были и есть, но как их мало!

Но такую книгу кончать евангелием — тоже в своем роде преступление. Мне помнится, жизнь наказала за это Достоевского.

Его нужно изучать и изучать; какой психолог! Как безошибочно правдивы изображения самых клокочущих страстей и бурных вспышек! А самоубийство Свидригайлова, просто и страшно. А как Раскольников дважды входил в участок, чтобы признаться. Все это жизнь и правда.

Еще прежде прочел я «Бедные люди». Его Макар Деушкин — трагическая разновидность гоголевского чиновника, из всех гоголевских повестей, единого типа. Кончающий письмо последний, отчаянный и ненужный вопль насчет фальбалы — это трагическая вариация шишки под самым носом алжирского бея. Это тоже хорошая книга.

На днях же я прочел «Дым» Тургенева: конец хорош, но рассуждения насчет дыма — глупость. Жизнь человечества — дым? Человечество — дым? Поймите же, через 100 лет коммунизм полностью воцарится на всей земле и человечество освободит головы и руки, чтобы овладеть вселенной. Весь вопрос в том, успеет ли беспредельный человеческий гений создать себе резервную площадку для жизни, космическую станцию, к тому времени, когда остынет солнце. Я верю — успеет. Как бесконечна вселенная, так бесконечна будет борьба людей за

¹⁸ Ахмедов Рим Биалович (род. в 1933) — башкирский писатель, переводчик, этнограф. В 1953—1958 году он учился в Литературном институте. Цитируемая дневниковая запись Назирова начинается с указания, что Ахмедов приехал в Уфу на каникулы.

¹⁹ Запись от 12 августа 1957 г. АРГН, оп. 4, д. 36, л. 566.

жизнь против слепой природы. История еще не начиналась по-настоящему»²⁰.

Это — первое письменное суждение о Достоевском человека, который впоследствии стал одним из признанных авторитетов науки об этом писателе.

Что с этой точки зрения мы видим в этой цитате? Во-первых, она повторяет в общем расхожие мысли не только массового, но и академического восприятия Достоевского в то время: «заблуждающийся гений», «больной талант» и т. д.

Во-вторых, молодой Назиров в своём отзыве исключает из числа исторических (то есть правдивых в его тогдашнем понимании) типов Раскольникова и Соню. И это закономерно — потому, что они не укладываются в принципы социально-исторического детерминизма («смещение вправо от критического реализма»). В этом смысле они действительно «исключительные» типы.

В то же время нельзя назвать это восприятие «слепым», совершенно нерелексивным. К примеру, Назиров упоминает о «маленьковском понятии типичности». Имеется в виду доклад Г. М. Маленкова на XIX Съезде ВКП (б), в котором тогдашний секретарь ЦК партии затронул в числе прочего и проблемы литературы: «Типичность соответствует сущности данного социальноисторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным»²¹. До некоторой степени это определение в 1952 году обогащало партийную критику и теорию литературы. Правда, Маленков «позаимствовал» его из Литературной энциклопедии 1925 года, из статьи репрессированного Д. Святополк-Мирского²², о чем восемнадцатилетний Р. Г. Назиров мог, разумеется, и не знать. Будущий достоевковед, таким образом, уже «настроен» на ответственное, теоретически обоснованное восприятие писателя, хотя вполне естественно для своего времени ищет опоры в известной ему методологии.

Показательна также критика финала романа, в котором советского школьника (правда, читающего уже в оригинале Бальзака и Верхарна) возмущает евангельская тема. Надо ещё обратить внимание на то, что при всей своей отделанности это непосредственная реакция: Ромэн Гафанович ещё не начитан в достоевковедении, не очень хорошо знает биографию писателя, и, по-видимому, имея в виду каторгу, считает, что «жизнь наказала» Достоевского уже после «Преступления и наказания».

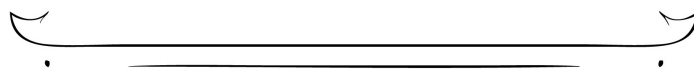
Но вот дальше идет тургеневский «Дым», который Назиров (между прочим, очень в духе Достоевского) понимает как проявление исторического пессимизма, преодолеваемого, однако, совершенно не по-достоевски — с помощью утопической картины вполне в духе своего поколения.

Другие ранние суждения Назирова о Достоевском идеологически продолжают это прочтение: «В сентябре я достал роман Достоевского “Бесы”. Книжка довольно

²⁰ АРГН, оп. 3, д. 2, л.301.

²¹ Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., 1952. С. 115

²² Святополк-Мирский Д. П. Реализм // Литературная энциклопедия в 11 т. М., 1935. Т. 9. Стб. 548–576.

мутная, но вообще Достоевского я глубоко ценю как художника. Теперь его очень мало издают, и это вполне понятно». Однако в эмоциональном аспекте назировское восприятие текста Достоевского уже подразумевает глубокую симпатию (или эмпатию?):

За два дня я в каком-то исступлении прочел «Братья Карамазовы» и «Большие надежды». Обе книги произвели на меня сильное впечатление.

«Братья Карамазовы». Достоевский местами достигает огромной силы. Пленителен образ Грушеньки, что-то в ней было родное и знакомое. Особенно изумительно, когда вдруг в самом Федоре Павловиче замечаешь человеческое, сродственное. Но конец плох, скверна идея, невыразимо тяжела история «банной мочалки» в которой протест Илюши сказался так нездорово, исправленно. Из братьев мне ближе всех, кажется, Иван, Митя тоже очень симпатичен; Алеша нравится менее всех. А Грушенька — я ее люблю. Но конец плох. Нигде так не сказывается враждебная идеология как в развязке²³.

Заметим, что зрелый Назиров уже не склонен был противопоставлять Достоевского-мыслителя и Достоевского-художника, стараясь, скорее, синтезировать двоящийся в советском культурном сознании образ писателя. Равным образом пересмотрел он и оценки конкретных текстов (тех же «Бесов», например²⁴). С этой точки зрения, дневник Назирова — интересный «срез» механизма восприятия и его постепенного углубления и развития.

В целом же эти дневники представляют собой довольно странный в жанровом отношении текст. С одной стороны, это не столько личная хроника, сколько творческая лаборатория с очевидной мнемонической и рефлексивной функцией. С другой стороны, явно заметен своеобразный «эстетизм» этих дневников. Назиров не только пишет о себе, но и в каком-то смысле создает свой биографический образ. Интересный вопрос: насколько такая структура характерна или оригинальна для дневниковой литературы XX века?

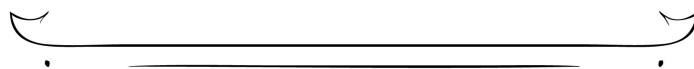
Есть у этого дневника и историческое значение. Он дает бесценный материал для понимания развития самого Назирова, как ученого и как человека, что для нас, разумеется, крайне важно. Но этот же дневник — исторический документ, фиксирующий эволюцию целого поколения, сыгравшего важную роль в отечественной истории. Финал у этого дневника — грустный:

Этим летом в «Русской литературе» (№2 за 1970) появилась моя статья «Герои романа “Идиот” и их прототипы». Я был очень доволен, сейчас прошло.

Всю мою жизнь заняли младший сын Стасик и очень тяжелая

²³ АРГН, оп. 4, д. 2, л. 305—306.

²⁴ См. ссылку выше на незаконченную назировскую монографию о «Бесах».

болезнь моей матери. Могу выполнять только нетворческую работу.

Мама умерла 12 ноября 1970 года.

Не буду больше вести дневник. Думаю, никогда.

Октябрь 1971 года²⁵.

²⁵ АРГН, оп. 4, д. 96, л. 0030. Запись о смерти матери графически отделена от остальных.

А. Р. Зарипов
Башкирский государственный университет

Роман Р.Г. Назирова о
Христе: степень
завершенности и
творческая история текста

В сложной и еще не до конца изученной структуре архивного наследия Р. Г. Назирова значительную в количественном отношении часть занимает художественная проза¹. Некоторые из своих рассказов Назиров публиковал при жизни в местной печати², часть выпущена в свет уже после смерти автора³. Однако большая часть художественной прозы Назирова «писалась в стол». Среди таких текстов особый интерес представляет незавершенный роман о Христе, озаглавленный «Звезда и совесть».

Роман представляет собой художественное переосмысление биографии Христа, вписанной в исторический контекст эпохи. Автор стремится создать широкое эпическое полотно, изобилующее картинками из жизни и быта народа, дать свою трактовку и видение евангельских сюжетов, воссоздать эпизоды из жизни известных исторических личностей, таких, как Ирод Антипа, его жена Иродиада и др. Ядро действия составляет готовящееся восстание евреев против римской власти, которое становится поворотным пунктом в духовной эволюции главного героя: Йешуа принимает на себя роль Мессии. По замыслу автора роман должен был завершиться сценой крестной муки.

Дошедший до нас текст включает в себя множество ярких и оригинальных эпизодов таких, как сцена выкупа Иакова у грозного и жадного Эвбула, собрание в таинственном Доме Рыбы, философская беседа Йешуа с Аароном, хозяином одной из вилл, встретившихся ему и его ученикам во время их странствования в Палестине. Крайне необычно описано изгнание бесов из Мариам из Магдалы, в которой причудливо переплетаются мистика и

¹ О структуре архива см. Орехов Б. В. Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / отв. ред. О. П. Касымова. Уфа, 2011. С. 115—120; Орехов Б. В. Текстология назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 144—159; Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118—126.

² Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа, 2011. С. 27.

³ Назиров Р. Г. Уфимские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 4. С. 3—18; Назиров Р. Г. Институтские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 11. С. 9—27; Назиров Р. Г. Утро в городе Солнца. Фантастическая новелла // Назировский архив. 2013. № 2. С. 94—96.

«реалистическое» описание архаической психотерапии, грех и целомудрие, мудрость и безумие. Каждый из этих эпизодов даже при первом знакомстве с текстом тянет за собой целую вереницу культурных и литературных ассоциаций, однако сохраняет в этом ряду свою индивидуальность и оригинальное эстетическое впечатление. Историко-литературный и структурный анализ назировского романа и его контекстуальных связей — важнейшее направление дальнейшей работы с текстом.

Датировка текста остаётся нерешённой проблемой: прямые указания на время написания в папке с рукописью романа отсутствуют. Есть всего две записи о датах, сделанные автором на рабочих материалах к роману. Одна — на странице польской газеты со статьёй о Святой Горе: «1958, 26 stycznia» (26 января 1958 г.), другая — на странице из журнала: «Пальмира, авг. 1959» (см. рис. 1). Наличие таких материалов, на наш взгляд, говорит об относительно рано установившемся и постоянном интересе к теме, однако ещё не доказывает, что в конце 1950-х Назиров уже работал над романом «Звезда и совесть».

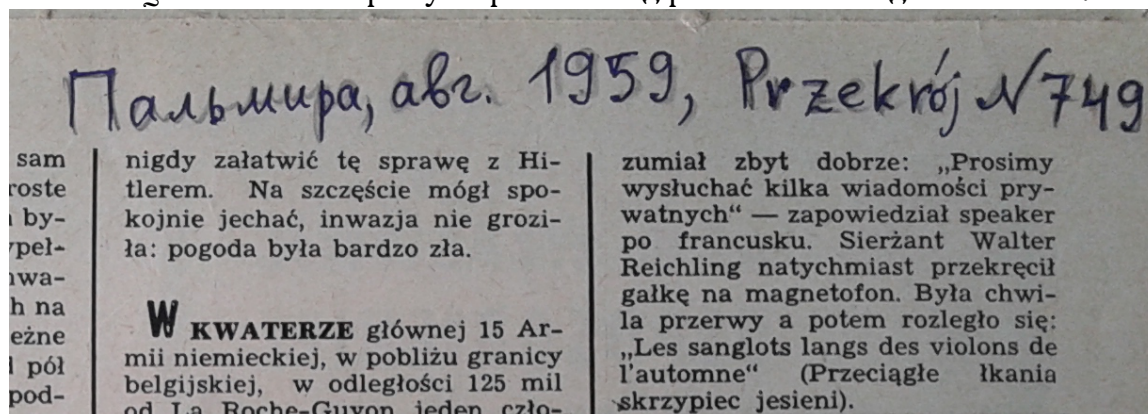

Рис. 1

Однако установить примерные временные рамки работы над романом все-таки возможно. Это позволяют сделать школьные тетради, в которых записана часть текста. На задних обложках напечатана дата их выпуска — IV квартал 1975 г. (см. рис. 2). При этом, несмотря на то, что в тетрадях зачастую дается уже связный текст, это далеко не последний этап работы Назирова. Следовательно, подготовительная работа над романом велась ранее конца 1975 года, а начиная с этого времени, Назиров создает дошедший до нас текст.

Это противоречит предположению Б. В. Орехова, в статье о малой прозе Р. Г. Назирова определившего временные рамки его писательской

деятельности как период с 1950-ых до начала 1970-ых⁴. В числе прочих архивных и биографических обоснований в статье приводится также мемуарное свидетельство: «А. П. Филиппов утверждает, что примерно с начала 1970-х годов Р. Г. Назиров начинает отвечать отказом на предложения опубликовать свои художественные произведения в газете “Ленинец”, мотивируя это занятостью исследованием творчества Достоевского»⁵. Это может указывать не только на «переориентацию с писательской деятельности на литературоведческую»⁶, но и на изменение самого характера писательства. Назиров, с нашей точки зрения, в это время перестает рассчитывать на карьеру писателя и начинает писать «в стол».

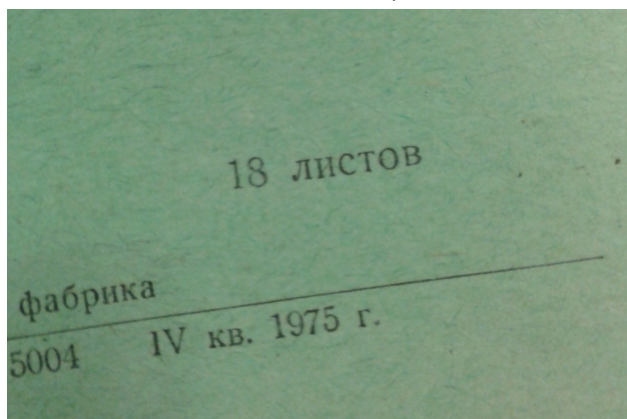

Рис. 2

Впрочем, можно выстроить и другую гипотезу. В 1973 году был впервые издан роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»⁷, с «евангельскими главами» которого «Звезда и совесть» коррелирует по тематике и содержанию. Возможно, булгаковский роман «реанимировал» старый творческий замысел Назирова и на время «вернул» литературоведа собственно в литературный труд. Ответ на вопрос, был ли роман «Звезда и совесть» случайным и единичным возвратом автора в оставленный уже род деятельности, или Назиров действительно с начала 1970-х становится «подпольным» писателем, должна дать дальнейшая работа над архивом, художественная часть которого исследована пока недостаточно.

В папке с рукописью романа также имеются рабочие материалы

⁴ Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа, 2011. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Полный текст опубликован в 1973 году.

Назирова: выписки из различных справочных изданий, страницы газет и журналов на русском и иностранных языках. Все они, несомненно, служили для художественного воссоздания картины жизни в Палестине на рубеже древней и новой эры, поэтому можно говорить даже о некотором этнографизме романа. Автор ознакомился с историческими справками об известных личностях и событиях, вошедших в роман, с описанием традиций интересовавшей его эпохи, с подробностями быта древней Палестины (жилища, одежды и т.д.), практически составил целый словарь экзотичных для читателя XX века исторических реалий. Даже в самом тексте романа встречаются примечания, в которых приводится значение того или иного слова, например, атаман разбойничьей шайки говорит: «Разбойники в палатах Кесарии и Тибериады удачливее нас: они грабят средь бела дня и мерят добычу киккарами». После его слов читаем: «Киккаром назывался восточный талант». Возможно, подобного рода пояснения при вёрстке ушли бы в сноски, а возможно, только отражают ход авторской мысли и при попытке обнародования и вовсе исчезли бы.

Текст самого произведения представлен в трех вариантах: машинописном, рукописном на листах формата А4 и тетрадных листах. В количественном отношении наименьшую часть составляют машинопись и тетрадные записи: и тех, и других всего по 5 штук. Основной корпус сформирован листами А4 — их 160. При этом часть из них включает в себе описание творческого замысла, другая состоит из черновиков. Поэтому основной рукописный текст представлен 124 листами.

Исходя из имеющихся материалов можно предположить, что работа над романом велась в несколько этапов: сначала создавался план, который записывался в тетрадь, затем в тетради создавался первый вариант текста затем писался черновик на А4 (иногда создавалось несколько вариантов) и уже на завершающем этапе текст набирался на печатной машинке. Подобная последовательность, как показал Б. В. Орехов в упомянутой выше статье «Текстология назировского архива», в целом характерна для архива учёного.

В своём плане романа Р.Г. Назиров указывает на количество частей и глав будущего произведения: 3 части по 20 глав. В рукописном варианте до нас дошли Пролог, главы с первой по восьмую, начало десятой главы, фрагмент главы без номера и главы с 14 по 18. Машинопись охватывает только Пролог.

Для романа характерна относительная структурная сложность: на всём

протяжении повествования последовательно происходит чередование двух сюжетных линий. Первая из них связана с Иешуа и народным движением, вторая — с интригами во дворце Ирода Антипы. Они обе разворачивают перед читателем авторскую реконструкцию жизни разных слоев населения и представителей разных культур, существовавших в одну историческую эпоху; однако эти сюжетные линии могут быть противопоставлены не только по содержательному признаку, но и формально — по признаку разной тематической (а значит, и сюжетной) соотнесенности: линия Иешуа включает в себя мифологический и философский пласт, а линия Ирода Антипы сконцентрирована вокруг политической борьбы. Существенно разнятся и моральный облик этих двух миров, т. к. праведная, аскетическая жизнь Иешуа и его единомышленников, исцеление больных и забота о благе народа оказываются полярно противоположными корыстолюбию, сладострастию и жестокости власть имущих. Это противопоставление ярко демонстрирует разницу между закатом античной культуры, и рождением новой традиции, которой ещё только предстоит обрести свою жизнь.

Политические интриги не только воссоздают атмосферу эпохи и вводят читателя в курс исторических событий, например, в начале романа имеется подробное описание династии царя Ирода Антипы, но и привносят в текст черты авантюрного романа и исторического детектива. С другой стороны, добиться занимательности, очевидно, не было самоцелью — в качестве одной из задач писатель ставил для себя следующее: «Курс на 500 действующих лиц с толстовской рельефностью и уникальностью». А такое большое количество персонажей, по всей видимости, требовало создания нескольких сюжетных линий для их органичного разворачивания в художественном мире романа.

Важной свидетельством творческой истории текста являются краткие комментарии автора к каждой из первых восьми глав (кроме четвертой и седьмой), написанные на листах небольшого формата (меньше А4) и размещенные перед началом соответствующей главы. Они содержат информацию различного характера: указания на необходимость изменений некоторых художественных деталей (например, одежды персонажей), требования более детального описания художественного пространства города и домов, являющихся местом действия; постановка задач по дополнению портретных характеристик героев: автор, видимо, хотел сделать их более развернутыми для большей изобразительности.

Много внимания Назиров уделяет построению романых диалогов, отражающему процесс творческого поиска. Так, оценивая вторую главу, он пишет: «Диалоги слишком сгущены. Их надо раздробить слегка авторскими ремарками; ремарок сделать больше. Мелкие реплики соединять. У меня слишком много коротких фраз. Диалог не должен быть натуралистичным, это не магнитофон. Нужен образ диалога». А в замечаниях к восьмой главе автор указывает на недостаточность авторского комментария и драматизма в диалогах.

Таким образом, можно сделать вывод о стремлении Назирова-писателя к преодолению натуралистичности диалогов, социально-психологической характеристике героев через диалогическую речь, изображению идеологического противостояния героев-оппонентов.

Дошедшие до нас черновики позволяют судить о том, каким изменениям подвергался текст. Чаще всего исправлению подвергались стилистически неуместные выражения, текст приводился в соответствие с авторским замыслом. Так, сцена молчаливой борьбы встретившихся взглядами Йешуа и Иоханана в черновике представлена следующим образом: «Два взгляда скрестились: один, как бушующее пламя пожара, другой — как пристальный свет звезды...». В конечном же варианте читаем: «Два взгляда встретились: один как пламя, другой как звёздный свет...». Автор снимает остроту конфликтной ситуации, так как герои являются союзниками, преследуют одну и ту же цель, и их разногласия не могут служить поводом к резкому антагонизму. Описание взглядов без использования эпитетов усиливает читательское внимание на сравнении одного героя с пламенем, другого — со звездой. Эти сравнения устойчиво закрепляются за Йешуа и Иохананом на протяжении всего романа, назировская правка, по нашему мнению, направлена на усиление их символической наполненности.

Есть и менее значительные правки, которые, однако, интересны как демонстрация хода авторской мысли. Один из персонажей на вопрос царицы Иродиады о том, кто такой Иуда Иссахариот отвечает: «Он ещё молод и любит удовольствия, а значит и деньги». В черновике за этим предложением есть следующее, не вошедшее в основной текст: «Красивый малый, сын купца». Привлекательность внешности юноши в дальнейшем становится сюжетным обоснованием его любовной связи с Иродиадой. Тем не менее, в устах другого персонажа (тем более, мужчины) оно выглядит неуместно и

преждевременно: царица должна сама узнать об этом при личной встрече с с героем.

Другой разновидностью правки было включение или исключение из текста авторского слова, поясняющего те или иные реалии исторического времени романа. Например, в первой главе, объясняя, кого называли «человеком земли» автор в конечном варианте отказывается от замечания, распространяющего это объяснение: «(в частности и людей, которые не носили на себе «тефиллин» — священный амулет с изречениями из священного Писания)». Возможно, причиной тому служит появление далее в тексте персонажей, которые носят упоминаемый выше «тефиллин».

С другой стороны, добавляются описания общественно-исторической ситуации. Когда Йешуа со своими учениками пересекает Иордан, Назиров делает отступление от сюжетного повествования и пишет краткий исторический экскурс о том, что Иордан в те времена служил границей между Переей, владениями Ирода Антипы и Иудеей.

Последние примеры свидетельствуют о тенденции к замедлению повествования путём введения необходимых пояснений, однако в некоторых случаях, наоборот, происходит ускорение действия за счёт сокращения текста. Так, в третьей главе происходит преобразование подобного типа. Для большей ясности кратко обозначим события этой главы: вскоре после проповеди Иоханана в лагерь приезжают посланцы из Иерусалима, говорящие от лица старого Храма и желающие знать, является ли Иоханан Мессией. В ответ они слышат, что он не пророк, явления которого так ждут в народе, но Мессия сейчас здесь, среди толпы, и хотя он ещё не открыл своего лица, но близок день, когда узрят Его. В конце главы Йешуа проходит обряд крещения в священной реке Иордан, символизирующий принятие им своей судьбы.

Исследовательский интерес вызывает сама сцена визита гостей: в черновом варианте более пространная, содержащая реплики персонажей, которые из конечного варианта были исключены, а именно:

1) Убирается реплика одного из гостей: «Ты не дашь нам хотя бы напиться с дороги?»

2) Приказание напоить мулов даётся в форме косвенной, а не прямой речи.

И то, и другое сжимает повествование, придавая ему большую ёмкость, усиливая драматическую напряженность диалога между Иохананом и его

гостями, подчёркивая его значимость в составе главы. Следуя традиционным представлениям о композиции, этот момент можно назвать кульминационным, так как его предвещает завязка в начале главы, проповедь как развитие действия, а после него происходит развязка — крещение, сопровождаемое мнимым чудом (загоревшееся от удара молнии дерево, застрявшее на мели, люди принимают за огонь на воде).

Следовательно, к моменту объявления о скором приходе Мессии напряжение в повествовании усиливается, приближаясь к своей крайней точке, и любое замедление действия оказывается художественно нецелесообразным. По этой причине Назиров производит указанные выше правки, тем самым ускоряя движение сюжета.

Пожалуй, самым заметным и очевидным можно считать изменение названия второй главы. В первом варианте оно звучит, как «Лагерь близ Енона» (Енон — место, где крестил Иоанн). Уже в черновике «Енон» было зачёркнуто и заменено на «Иордан». Конечный вариант названия: «Лагерь за Иорданом». Подобную трансформацию следует трактовать как стремление к фактографической точности: уточняется месторасположение лагеря, определяемое пограничным положением реки. Енон же стал местом крещения лишь вследствие того, что лагерь был разбит у Иордана.

Суммируя вышесказанное, выделим следующие типы правок: стилистические, фактологические, содержательные. Последние преобладают в связи с тем, что работа над первой частью романа подошла к стадии стилистической отделки, а значит текст во многом уже был закончен. Об этом можно судить по комментариям Назирова к конечным вариантам глав, в которых он указывал на необходимость шлифовки диалогов, добавления деталей и т.д., в целом, не затрагивая пласт содержания.

Таким образом, мы имеем дело с практически завершённой первой частью «Звезды и совести», которая вместе с записями о структуре и идейном содержании романа разворачивает перед нами картину художественного целого, вполне доступного чтению и пониманию. Можно судить об относительной идейной завершенности, так как имеющийся текст реализует авторскую установку на рационализацию мифа, а динамика развития образа главного героя вполне отвечает следующей записи Назирова: «Иешуа под влиянием народа осознал себя богом». С другой стороны, содержательно роман далёк от завершения: до нас дошли рукописи только одной части из трёх, сюжет

обрывается на подготовке к восстанию, выведены не все действующие лица (по первоначальному замыслу их должно быть около 500).

Рецензии

Орехов Б. В.
НИУ Высшая школа экономики

Рец. на: Русская и мировая
литература: сравнительно-
исторический подход: материалы
Международной научно-
практической конференции,
посвященной 80-летию Ромэна
Гафановича Назирова / отв. ред.
Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ
БашГУ, 2014. — 340 с. —
ISBN 978-5-7477-3670-2

Каждый раз, когда я беру в руки какую-то изданную в Уфе книгу, касающуюся фигуры Назирова, меня не оставляет недоумение: как же так? Все мы филологи. Учились в университете, изучали и сдавали текстологию, руководили студенческими курсовыми работами и даже дипломами. Почему же так получается, что уважаемые люди из редколлегии (в рецензируемой книге это к.ф.н. Р. Х. Якубова, д.ф.н. В. В. Борисова, к.ф.н. М. С. Рыбина, к.ф.н. С. С. Шаулов, Т. Н. Назирова) избегают самой обычной филологической гигиены? Почему ни в одном из этих изданий (большая часть которых отрецензирована у нас в журнале¹) мы не встретим ни единой архивной ссылки? Почему нет ни слова об истории текста, об источниках публикуемых материалов, ни о чём таком, что с первого курса прививается студентам как базовые навыки научности, как основа филологической культуры? В своей первой рецензии на одно из изданий из серии публикаций бывших сотрудников Р. Г. Назирова по кафедре русской литературы и фольклора БашГУ полтора года назад я попытался дать ответ на этот вопрос², но, видимо, сам себя не убедил и продолжаю им задаваться.

На этот раз моя рецензия, к счастью, посвящена не изданию текстов Назирова, неизвестно откуда взявшихся и неизвестно как к публикаторам попавших³, а сборнику, составленному по материалам конференции, которая

¹Орехов Б. В. Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти // Назировский архив. 2013. № 1. С. 161–165; Комова Т. Д. Р. Г. Назиров. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник // Назировский архив. 2014. № 1. С. 141–147; Шаулов С. С. О первом посмертном издании трудов Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. № 2. С. 184–189.

²«...мы отказываемся верить, что такой подход к публикации был продиктован некомпетентностью издателей. Мы видим в этом не черты непрофессионализма, а понятное в данном случае отношение к наследию коллеги. Вероятно, редакторами тома оно воспринимается не филологически, а, так сказать, “утилитарно” — как собрание текстов-носителей некоторых исследовательских приёмов, догадок и идей, которые было бы полезно донести до специалистов и младшего поколения филологов». Назировский архив. 2013. № 1. С. 165.

³Особенно загадочна ситуация книги «Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник» (Уфа, 2012). Назиров её то ли закончил, то ли не закончил. То ли отдал в издательство, то ли не отдал. Рукопись попала в руки издателей то ли от редактора издательства, то ли от Дины Гафановны Назировой. Редактура книги то ли производилась самим Назировым, то ли тем самым редактором. Величина «внешней» редакции неизвестна.

прошла в Уфе в год 80-летия Р. Г. Назирова и к этому событию была приурочена.

Вспомнить о странном отношении к основам филологической культуры меня заставило вступительное слово от редколлегии книги. Приводя слова из письма покойного Достоевиста Роберта Белнапа, призванные дополнить «коллективный портрет Ромэна Гафановича», редколлегия ограничивается лаконичным «он написал» (с. 4). Читатель может совершенно свободно заключить, что я просто придираюсь к мелочам, если только мне приходит в голову, что следовало бы расширить эту скупую эвиденциальность и хотя бы в сноске сообщить о том, в письме кому, от какого числа «он написал», а также на каком языке был оригинал текста. Но ведь всех нас в университете учили, что эти мелочи совсем не мелочи, а уж в филологии — тем более. Почему себе мы позволяем то, чего не прощаем в курсовых и дипломах (а кое-кто из редколлегии и диссертациями руководил) студентам? Не понимаю.

Впрочем, во вступительном слове это, конечно, не главное (хотя цитата из Р. Белнапа там занимает добрую четверть всего его полторастраничного объема). Здесь кратко и высокопарно характеризуется масштаб Назирова как учёного («...время не властно над теми, кто не поддаваясь конъюнктурным интересам, подвижнически служил науке»; «время стало союзником большого ученого с мировым именем», «бескорыстный, истинный служитель Слова» и т.д.), упоминаются его научные интересы (перечислены имена Пушкина, Гоголя, Достоевского и Чехова), делается акцент на эрудиции и способности порождать продуктивные идеи. Далее слово отдаётся Р. Белнапу и... на мой взгляд, случается дискурсивный сбой. Кому адресованы пышные слова о подвижничестве и слуге Слова? Условному младшему коллеге, который не был знаком с Назириым, и должен почувствовать силу уважения к этой персоне со стороны коллег старших. История, рассказанная Р. Белнапом, про то, как, слушая доклад о религиозности Достоевского одной не слишком сведущей в вопросах религии дамы, Назириов сказал ему, Белнапу: «Ох, эти бывшие комсомолки!» (с. 4). Я бы не назвал вслед за редколлегией этот штрих «ярким». Скорее — тонким. Скорее всего, младшему коллеге он в таком чистом виде, без пояснений, ничего не скажет. А старшие коллеги, по моим наблюдениям, хуже воспринимают такой накал пафоса, как в речи редколлегии от первого коллективного лица. То есть текст, открывающий книгу,

Ни на какие из этих вопросов издатели даже не попытались ответить в предисловии, проигнорировав саму возможность их появления.

оказывается, в общем, без адресата. Про саму конференцию в нём тоже нет ничего, даже дат, в которые она состоялась. Впрочем, может быть, это всё и в самом деле не важно: если книга про Назирова, а конференция только повод, то даты и в самом деле не имеют значения. Пролитаем дальше.

Следующий раздел, «Памяти Ромэна Гафановича Назирова», самый маленький в книге, как будто подтверждает моё предположение. Здесь напечатаны воспоминания о Назирове Н. В. Черновой (Санкт-Петербург), Ю. А. Романова (Харьков) и Т. А. Никольской (Уфа).

Эти мемуары обладают странным свойством. Сам жанр воспоминаний настраивает читателя на готовность к встрече со значительным — событием, человеком, эпохой. В то же время ничего особенного в приведённых мемуарных свидетельствах нет. Дело не в том, что это довольно тривиальные бытовые зарисовки, а в том, что, кажется, сами поделившиеся воспоминаниями не воспринимают Назирова как какую-то особенную персону. Просто человек, человек запоминающийся, интересный, но не более того. Из-за этого воспоминания получаются в несколько искусственном стиле.

Главная особенность Назирова в воспоминаниях Н. В. Черновой — внимание Ромэна Гафановича к разнообразным деталям: достоевским закоулкам, пластике корпулентных сотрудниц. Ю. А. Романов рассказывает, скорее, не о человеке, а об исследователе Достоевского и коллеге, равнодушном и заинтересованном. Заглавие «Памятный разговор» в паре к материалу в прошлом номере «Назирова архива» создаёт своего рода минижанр воспоминаний о единственной встрече с Назировым⁴. В мемуарной заметке Т. А. Никольской никаких лейтмотивов нет, это монтирование изолированных эпизодов, поданных в превосходной степени, что немного напоминает заметку М. Л. Гаспарова о чествовании А. Ф. Лосева, где было сказано, «что он — -issimus, -issime (от кафедры классической филологии МГУ, латинский адрес, больше ничего не было слышно)»⁵.

Вероятно, не всем воспоминаниям нужно верить, так как человеческая память несовершенна (или, напротив, слишком совершенна для нашей приземлённой филологической работы), что подтверждают отдельные вызывающие сомнения эпизоды в опубликованных текстах. Так, Т. А. Никольская почему-то уверена, что монография Р. Г. Назирова называется «Творчество Ф. М. Достоевского» (с. 11), хотя парой страниц

⁴Белов С. В. Одна, единственная встреча // Назировский архив. 2014. № 3. С. 149—152.

⁵Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 186.

ранее (с. 7 и 8) в воспоминаниях других мемуаристов она названа почти правильно: «Творческие принципы <Ф. М.> Достоевского» (в обоих случаях инициалы в названии выпущены; в таком же «сокращённом» виде название монографии Назирова потом упоминается и далее, например, с. 300). К сожалению, мне неизвестно, входило ли в обязанности редколлегии (или хотя бы ответственного редактора Р. Х. Якубовой) чтение и редактирование представленных к публикации материалов (обыкновенная ныне реплика в пользу бедных «статьи печатаются в авторской редакции» в книге не обнаружена). Откровенно говоря, я вообще не понимаю, что значит «редколлегия», обязательно присутствующая на контртитule всех упомянутых уфимских «назировских» изданий. Редакционные коллегии — это такие коллективы в периодических изданиях, которые принимают решение, какие статьи следует принять к публикации в журнале, а какие отвергнуть. Решения принимаются коллективно по итогам обсуждения поступивших на статьи рецензий. Когда речь идёт о публикации книги материалов Назирова, такая практика, вероятно, выглядела бы странно. Не рецензировать же, в самом деле, труды выдающегося учёного для книги, которая и призвана представить эти статьи публике. Так что не знаю, зачем нужна редколлегия в книгах, посмертно публикующих наследие Р. Г. Назирова, и какую ответственность она несет за перечисленные мной огрехи. Мне этот коллективный субъект всегда представляется чем-то вроде описанного М. Гловинским молчаливого безликого отряда из «Краткого курса ВКП(б)»⁶.

В следующем разделе опубликованы уже собственно материалы конференции. Кстати, конференция, материалы которого представляет рецензируемый том, почему-то названа «научно-практической», хотя что это должно значить в контексте литературоведческой конференции, неизвестно. Наука-то понятно, а практика тут при чём? Возможно, в программе мероприятия были, например, какие-нибудь семинары по анализу текста? В книге об этом ничего не сказано.

Так вот, материалы конференции. Они начинаются на стр. 13 и заканчиваются на стр. 337. Учитывая это, наверное, всё же стоит заключить, что рецензируемая книга является более (на 97 % от объёма) книгой, представляющей конференцию, чем личность и наследие Р. Г. Назирова. А

⁶Гловинский М. «Не пускать прошлого на самотек»: «Краткий курс ВКП(б)» как мифологическое сказание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 142—160.

значит, сказать хотя бы пару слов о конференции в предисловии, наверное, было бы не лишним.

Так сложилось, что на подобных конференциях номинально вспоминаемую персону вспоминают не так уж и часто. Это нормально: не обязаны участники Тыняновских чтений в каждом докладе чествовать Ю. Н. Тынянова, а участники Павермановских чтений могут и не знать, кто такой В. М. Паверман⁷. Но всё-таки рецензируемая книга благодаря вступительному слову заявлена как «назировская». Ради интереса посчитаем ссылки на якобы главного героя тома. В сборнике, не считая биографического раздела, 42 автора и 40 статей. В пристатейном списке литературы Назиров упоминается лишь в 11 из них. Не густо. Но ради справедливости скажем, что Назиров всё же самый цитируемый учёный в книге. На втором месте с отставанием идёт Бахтин, на которого ссылаются в 7 статьях.

Плотность ссылок в сборнике не одинаковая. «Конференционная» часть книги состоит из четырёх разделов. Первый — «О Достоевском» (109 стр., 13 статей) по понятным причинам содержит больше всего статей, ссылающихся на Назирова: 5 (чуть больше трети). Второй — «Русская литература» (142 стр., 15 статей), 2 работы с упоминанием трудов Назирова. Третий — «Зарубежная литература» (27 стр., 4 статьи): 0 ссылок. Четвёртый — «Opus juvenus», содержащий тексты молодых исследователей (39 стр., 8 статей): 4 ссылки на Назирова (половина!). Так что самым «назировским» во всей книге выступает молодёжный раздел.

«Opus juvenus» — своеобразная песочница для молодых. Но начать нужно с того, что это безграмотная латынь. Как минимум, странно называть раздел из 8 статей «opus» (единственное число от ‘труд’, ‘работа’), а не «opera» (множественное число). Но особенно стыдно за «juvenus» ‘молодёжь’, стоящее в номинативе, ведь нужен был генитив «juventutis»! И «juvenus» — это не опечатка: слово именно так последовательно напечатано на стр. 298 и в оглавлении. Выходит аграмматичное «труд молодёжь» вместо «труды молодых». Зачем было лезть в эту воду, не зная броду латинской грамматики — ещё один вопрос к немногословной редколлегии сборника.

Отвлечёмся на минуту от этого конфуза и сосредоточимся на содержательной стороне. Статус этого раздела, как и вообще всякого деления науки на «молодёжную» и «стариковскую», сомнителен и даже по-своему

⁷То ли дело «именные» сборники. Тот же «Назировский сборник» (Уфа, 2011) был целиком о Назирове.

оскорбителен. Дескать, молоко у тебя на губах не обсохло, но в книжке мы тебя поместим, сделаем одолжение, только специально напишем, что ты молодой да ранний и пусть тебя поэтому не читают всерьёз, а только смотрят и умиляются, как говорящей обезьянке. Неуважение к молодым коллегам вообще свойственно провинциальной университетской среде⁸.

Только вот что я вам скажу, уважаемая редколлегия: нету никакой «молодёжной» науки. Либо это настоящая наука, которая добывает новое знание, и тем ценна, и место ей положено почётное, вместе со всеми. Либо это не наука вовсе, а бессмыслица, и место ей в корзине для бумаг в смятом виде.

А если какие студенты не так хорошо пишут, как хотелось бы, то это вы их сами же и не научили. И если статья Г. Ф. Узбековой (между прочим, нашей назировской стипендиатки текущего года) начинается вопиющим «За период своего творчества В. Набоков приобрел статус писателя-билингвиста» (с. 314), то уже не только ответственного редактора тома, но и научного руководителя, а то и всю кафедру, по которой специализируется молодая коллега, хотелось бы спросить, как вышло, что такое появилось в печати. И сброс текста в стыдливый «*Opus juvenus*» от таких вопросов не спасает.

Во всём разделе должна быть специально выделена статья А. Н. Батталовой «Проблема прототипов в исследованиях Р. Г. Назирова», единственная научная статья в книге, номинально посвящённая собственно Назирову. На деле же заглавие обманчиво и о Назирове там речь идёт постольку поскольку, а главным образом всё-таки о Достоевском. Такое впечатление, что автор просто не знал, что, как и зачем писать о Назирове. В самом деле: литературовед же. Не писатель. А о литературоведах редко учат писать научные работы. Хотя тема эта захватывающе интересная: методология, исследовательская оптика, широта и выбранный угол зрения сильно влияют на конечный литературоведческий продукт. Разве не интересно, чем и почему В. М. Жирмунский отличается от Ю. М. Лотмана? Похож ли М. М. Бахтин на П. Н. Медведева? Почему нашли общий язык Р. О. Якобсон и К. Леви-Стросс? Ну а Назиров? Почему его так увлекали прототипы? Он писал про них так же, как и остальные или была своя изюминка? Всё это А. Н. Батталову не интересует. После в меру длинной медитации по поводу прототипов романа

⁸Позиция редакции «Назировского архива» принципиально иная: уже второй год подряд вручается Назировская стипендия, денежное поощрение за лучшую работу о наследии Назирова, созданную, что для нас принципиально, студентом, магистрантом или аспирантом башкирского вуза.

«Идиот» она заключает: «В работах Назирова заложены научные основы решения этой проблемы» (с. 303). Собственно, и всё.

Сразу скажу, что я не специалист по Достоевскому и рецензировать весь обширный достоевистский раздел (а также статьи про Достоевского в «*Opus juventus*») не берусь. Насколько я понял, у них там в достоевистике «своя атмосфера» со своими умолчаниями, константами, стилем и конфигурацией исследовательских задач, в коих я не разбираюсь. Но по пристатейным спискам цитируемой литературы в сборнике очевидно, что Назиров всё ещё остаётся для литературоведов почти исключительно исследователем Достоевского (недостоевские труды Назирова цитируются только в двух статьях из 11). Ни посмертная публикация целого ряда концептуальных статей Назирова, сделанных на другом материале⁹, ни переиздание статей по истории сюжетов¹⁰, ни выход недостоевистских книг¹¹ не переломили этой тенденции. У меня есть опасение, что недостоевский Назиров не просто не прочитан, но даже неизвестен научной общественности. Кажется, популяризация той части наследия Ромэна Гафановича, которая не касается творчества Достоевского, должна стать первоочередной задачей в ближайшее время.

Ну так вот за вычетом статей про Достоевского из соответствующего раздела, а также из «*Opus juventus*», на Назирова ссылаются только две статьи в книге: «Народная праздничная культура в контексте поэмы В. И. Майкова “Елисей, или Раздраженный Вакх”» В. А. Слободиной и «Художник и другие (О формах художественного диалога в повести Н. В. Гоголя “Невский проспект”» В. Д. Денисова. Я бы сказал, что обе ссылки носят

⁹В качестве примера, а не исчерпывающего списка: Назиров Р. Г. Сюжет «Ревизора» в историческом контексте // Бельские просторы. 2005. № 3. С. 110–117; Назиров Р. Г. Продолжение как форма обновления традиции // Историческая поэтика жанра: сборник научных трудов. Вып. 3. Биробиджан, 2009. С. 82–86; Назиров Р. Г. Сюжет как компромисс // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1–2 (43–44). С. 61–69; Назиров Р. Г. Подлинный смысл Поликрата перстня // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. С. 147–149; Назиров Р. Г. Эффект подлинности, или Самоотрицание авторства // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 137–144; Назиров Р. Г. Гюго — Флобер, или Невозможная любовь дикаря // Alexandro Pušino septuagenario oblata. М., 2011. С. 298–306; Назиров Р. Г. Герои раннего Гоголя // Литературная классика: публикации, комментарии, отражения. Сборник научных трудов. Уфа, 2012. С. 17–24; Назиров Р. Г. Фабула о колдуне-предателе // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 49–87.

¹⁰Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа, 2010. 408 с.

¹¹Назиров Р. Г. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник. Уфа, 2012. 206 с. Следующая монография вышла из печати уже после проведения конференции: Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. 292 с.

необязательный характер. В статье В. А. Слободиной, анализирующей возможные истоки поэмы В. Майкова, уходящие в русскую историю кукольного театра XVIII века, имеется отсылка к словарю-справочнику международных сюжетов и типов, где сказано, что в последующей традиции акцент в обработках сюжета «Энеиды» делался не на Энее, а на Дидоне, сам же сюжет был «застойным» и поэтому обработкам (особенно весёлым) подвергался часто (с. 128). Действительно, вряд ли следует счесть эту мысль особенно глубокой. Если Назирова читатели будут знать по таким цитатам, то не приходится рассчитывать на признание Ромэна Гафановича в качестве учёного, способного на серьёзные концептуальные обобщения. У В. Д. Денисова Назиров также упоминается походя — в связи с историей Пискарёва, а поводом сослаться на Ромэна Гафановича стало замечание о том, что герой Гоголя мог впасть в «высокое» безумие или даже умереть от равнодушия общества или от неразделённой любви к идеалу (с. 148). То есть в книге, если не считать достоевистской части, в общем-то, нет ни одной статьи, которая была бы всерьёз основана на идеях Назирова.

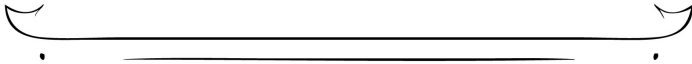
Что касается остальных текстов раздела (и книги в целом), то к Назирову они не имеют отношения. Коллеги написали статьи, чтобы почтить память Ромэна Гафановича тем способом, который был им близок и удобен, следует их только поблагодарить за это.

Итог печален. В этой книге плохо всё: редактура, баланс содержания и заявленной цели, испорченная латынь, дизайн обложки, вёрстка... Всё, кроме самого факта её наличия. Ромэн Гафанович, безусловно, заслужил именную конференцию и сборник материалов по её итогам. И хорошо, что такая конференция была проведена, а сборник издан. Но вот правда ли, что выразить уважение к ушедшему учёному нельзя было более корректно, — на этот вопрос у меня нет ответа.

Библиография

Дополнения к библиографии
Р. Г. Назирова

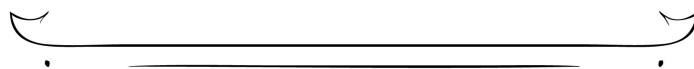

Опубликованные труды Р. Г. Назирова

1. Назиров, Р. Г. Фабула о продавшемся таланте [Текст] / Р. Г. Назиров // Slavica Revalensia. — 2014. — I. — С. 101—117 [предисловие и подготовка к публикации Б. В. Орехова, С. С. Шаулова].
2. Назиров, Р. Г. Мотив предрешённой дуэли у Бальзака, Лермонтова и Достоевского [Текст] // Российский гуманитарный журнал. — 2014. — № 5. — С. 312—320.

Опубликованные труды о Р. Г. Назирове

1. Орехов, Б. В., Шаулов, С. С. Предисловие к публикации главы «Фабула о продавшемся таланте» из диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул» [Текст] // Slavica Revalensia. — 2014. — I. — С. 97—100.
2. Батталова, А. Н. Проблема прототипов в исследованиях Р. Г. Назирова [Текст] // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 300—303.
3. Чернова, Н. В. Он «шел» Петербургу (О Ромэне Гафановиче Назирове) [Текст] // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 5—7.
4. Романов, Ю. А. Памятный разговор [Текст] // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 7—10.
5. Никольская, Т. А. Воспоминания об учителе [Текст] // Русская и мировая литература: сравнительно-исторический подход: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию Ромэна Гафановича Назирова / отв. ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 10—12.
6. Шаулов, С. С. Структура негативной рецепции Ф. М. Достоевского в

современной культуре [Текст] // Российский гуманитарный журнал. — 2014.
— № 5. — С. 404—412. [О Р. Г. Назирове — С. 405—407].

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Цена: 14 руб. 50 коп.